ИСТОРІЯ ПОЛЬШИ.

Соч. И. Кулжинскаго.

Изданіе Г. Бредихина.

Кіевъ.

1864.

Лит. И и А. Давиденко.

ИСТОРІЯ ПОЛЬШИ.

Kulzhinskii, Ivan Grigor'evich.

(ОЧЕРКЪ)

СОЧИНЕНІЕ

Ивана Кулжинскаго.

ИЗДАНІЕ

Г. Ѳ. БРЕДИХИНА.

Sine ira et studio.....

КІЕВЪ.

Въ Типографіи **Федорова и Мин.**

1864.

Дозволено цензурою 20-го Сентября 1863 года. Кіевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При изученіи исторіи, люди нерѣдко увлекаются довольно странными капризами. Исторію, наприм., древнихъ грековъ и римлянъ мы вообще знаемъ гораздо лучше, нежели исторію многихъ новѣйшихъ народовъ, а исторію Португалліи, Нидерландовъ, или, наприм., Сѣвероамериканскихъ Штатовъ—гораздо лучше, нежели исторію соплеменныхъ намъ Булгаріи, Моравіи, Сербіи, Богеміи и другихъ славянскихъ земель. Учебники всеобщей исторіи довольно невнимательны къ славянскому племени и едва удостоиваютъ краткаго воспоминанія славянскія государства.

Для пользы науки, хотѣлось бы, чтобы чья-нибудь искусная рука начертала полную, по возможности, исторію всѣхъ славянскихъ поколѣній, сошедшихъ уже съ политической арены и еще подвизающихся на ней. Величественную представилъ бы картину свитокъ событій—отъ начала христіанской эры, на пространствѣ отъ Карпатъ до Урала, отъ Эльбы до Каспія, отъ Чернаго до Балтійскаго моря,—гдѣ наши предки, сперва подъ именемъ скиѳовъ и сарматовъ, потомъ подъ собственнымъ именемъ славянъ боролись другъ съ другомъ и съ сосѣдями своими, а потомъ въ соединеніи съ тевтонами, нахлынули на римскія владѣнія, потрясли ихъ и, наконецъ, ниспровергли колоссальную державу языческаго Рима [1]).

Славяне хотѣли сдѣлать и съ Восточною Имперіей тоже самое, что сдѣлали съ Римомъ; но Византія, вмѣсто браннаго оружія, побѣдила ихъ оружіемъ Слова и возродила ихъ св. крещеніемъ.

Съ принятіемъ славянами христіянской вѣры, баснословная темнота славянскаго міра внезапно прояснилась. Около

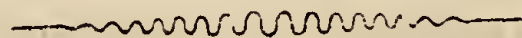
1) Труды Шафарика «О первобытной исторіи славянскихъ народовъ» распочали уже это дѣло.

времени этого события славяне сгруппировались въ государства; вмѣстѣ съ крестомъ осѣнило ихъ и посильное просвѣщеніе орудія и матеріалы для исторіи готовы.

Пока явится историкъ все-славянскаго міра,—благосклонному вниманію читателей предлагается нижеслѣдующая исторія одного изъ славянскихъ государствъ,—Польши,— своеобразная жизнь и странная судьба которой едвали не любознательнѣе и поучительнѣе судьбы и жизни другихъ славянскихъ племенъ. При составленіи этой исторіи было обращаемо всевозможное вниманіе на соблюденіе безпристрастія, исторической правды и хладнокровія. Въ самыхъ опасныхъ для хладнокровія и безпристрастія мѣстахъ, составитель исторіи всегда обращался къ подлинному тексту польскихъ историковъ, хронографовъ, этнографовъ и, не говоря ничего отъ самого себя, излагалъ событія словами польскихъ писателей.

Да будетъ позволено желать, чтобы благосклонные читатели приняли эту книгу съ такимъ же снисхожденіемъ, съ какимъ усердіемъ она написана.

И. К.

I.

Доисторическое время Польши.

Славянское племя, разсѣянное по лицу земли, отъ Эльбы до Камчатки, отъ Сѣвернаго Океана до Средиземнаго моря, и Индіи, существуетъ въ Европѣ съ незапамятныхъ временъ, и всегда было раздѣлено на многія поколѣнія, съ разными именами. Греческіе писатели долго смѣшивали славянъ съ другими племенами, волновавшимися въ древности на материкѣ Европы и Азіи. Только съ половины VI-го вѣка по Рождествѣ Христовомъ въ твореніяхъ этихъ писателей стало мелькать собственное имя славянъ, которыхъ иногда греки называли вообще *Спорами*, или *разсѣянными по землѣ* [1]. Слѣды этого древняго общаго названія всѣхъ славянъ, нѣкоторые писатели (Нарушевичъ и др.) видятъ въ имени *Россіи*, считая такимъ образомъ имя *россіянъ* (разсѣянныхъ по земли) за общее имя, приличное всѣмъ славянскимъ поколѣніямъ [2].

Сказанія о славянахъ, съ половины VI до половины IX вѣка, не очищены критикою и причисляются къ области баснословія, или, вѣрнѣе сказать, составляютъ *не разслѣдованное и нерѣшенное дѣло.*—Съ половины IX вѣка, славяне являются въ исторіи уже сгруппированными въ государства; одно поколѣніе за другимъ дружно принимаетъ христіянскую вѣру, которая, съ божественнымъ свѣтомъ Евангелія, просвѣтила ихъ и грамотностью.

Поляки составляя одно изъ поколѣній великаго славянскаго племени, кромѣ общаго родоваго имени славянъ, имѣли въ древности частное имя *ляховъ* [3]. Они, въ соединеніи съ едино-

---

[1]) Отъ греч. слова σποράς разсѣянный, σπόρος сѣяніе.

[2]) Dziéje królestwa Polskiego przez J. S. Bandtkie. 1820 Tom. I. стр. 43, 44, 45.

[3]) Отъ предводителя сарматовъ Леха, который вмѣстѣ съ другими сарматскими вождями, приведшими изъ глубины Азіи несмѣтныя полчища дикихъ азіа-

племенными себѣ *поморянами*, *мазовшанами*, *ленчичанами*, *кошубами* и потомъ съ *хробатами*, составили государство, названное по ихъ имени *польскимъ*.

Поморяне жили между устьемъ Вислы и Одера надъ Балтійскимъ моремъ; *мазовшане*, или *мазуры*—надъ самою Вислою; *ленчичане*—около Ленчицы; а *хробаты* жили около Карпатскихъ горъ, и имѣли надъ Вислою городъ *Краковъ*, *Кашубы*—у Балтійскаго моря, въ сосѣдствѣ съ *поморянами*, по рѣкѣ Персантѣ. Собственно сарматы *ляхи*, или, *поляки* жили между ленчичанами и поморянами отъ Одера до озера *Гопла*, и имѣли въ древности города *Гнѣзно*, *Познань* и *Крушвицу*. У поморянъ были города *Камень*, *Бѣлградъ* и *Гданскъ*.

Начало исторіи каждаго народа перемѣшано съ баснословіемъ, хотя, безъ сомнѣнія, въ баснословныхъ сказаніяхъ всегда скрывается нѣсколько истины, искаженной воображеніемъ, не очищенной критикою. Такимъ образомъ—прежде достовѣрной исторіи, заслуживаетъ нѣкотораго вниманія и слѣдующая

баснословная исторія Польши:

Было, такъ говоритъ преданіе,—три брата: *Лехъ*, *Чехъ* и *Руссъ*. Въ VI вѣкѣ по Р. Х. пришли они къ славянамъ изъ *Хорватіи*, завладѣли славянскою землею, и раздѣлили ее между собою. Лехъ, нашедши въ одномъ мѣстѣ гнѣздо бѣлыхъ орловъ, построилъ тамъ для себя столицу *Гнѣзно*, и былъ основателемъ польскаго государства, которому далъ въ гербъ *бѣлаго орла*. Чехъ пошелъ на югозападъ и основалъ тамъ чешское, или богемское государство; а Руссъ на сѣверовостокѣ положилъ основаніе Руси.

Лехъ царствовалъ очень долго, почти 100 лѣтъ. Изъ преемниковъ его извѣстно имя одного только *Визиміра*.

товъ, опустошившихъ огнемъ и мечемъ все пространство нынѣшней Россіи, отъ береговъ Волги до Вислы, покорилъ своей власти осѣдлые по Вислѣ мирныя славянскія племена, раздѣлилъ ихъ между своими сподвижниками и обратилъ въ рябовъ, подъ именемъ хлоповъ; изъ соединенія же подъ его власть сихъ племенъ образовалось государство названное Ляхіею, Леховіею, Поляхіею, въ послѣдствіи Польшею. Эти поработители несчастныхъ славянъ назывались—**панами**, т. е. господами, а по происхожденію своему—**сарматами и ляхами.** Такимъ образомъ Польшу по преимуществу населяютъ два, разнаго происхожденія и характера племена: азіаты—**ляхи** т. е. шляхта и паны и природные **славяне**: земледѣльцы и мѣщане. Такъ утверждаютъ о происхожденіи ляховъ **всѣ польскіе** лѣтописцы, а за ними нѣмецкіе и русскіе, и всѣ ихъ историки до временъ извѣстнаго Духинскаго. Сами польскіе паны и по настоящее время тщеславятся названіемъ сарматовъ.

Когда династія Леха вымерла, Польшею управляли 12 воеводъ. Каждый изъ нихъ хотѣлъ быть старшимъ; ссорамъ и дракамъ не было конца. Поляки, наскучивши такою безурядицею, избрали своимъ государемъ одного изъ тѣхъ воеводъ,— *Кракуса*, (700—728). Кракусъ построилъ городъ Краковъ, княжилъ очень справедливо *и славно*. Сынъ его *Лехъ* II (728—730) княжилъ только два года, потому что, за убійство брата своего, былъ выгнанъ изъ Польши. На престолъ польскій была возведена дочь Кракуса, *Ванда*. Она дала обѣтъ дѣвства; между тѣмъ за нее началъ свататься нѣмецкій князь *Ритигеръ*, и, чтобъ принудить ее къ замужеству, пошелъ войною на поляковъ. Подданные просили свою княжну-государиню, чтобъ она, для прекращенія войны, вышла за-мужъ за нѣмца; но Ванда бросилась въ Вислу и утонула [1]).

Послѣ Ванды управляли Польшею опять 12 воеводъ, и опять съ такими же ссорами и безпорядками, какъ прежде. Пользуясь этимъ, венгры напали на поляковъ, и—не извѣстно, чѣмъ бы кончилась война, если бы золотарь *Премыславъ* не спасъ своего отечества: онъ такъ вычистилъ (выполировалъ) оружіе, что, развѣсивши его по горамъ, однимъ блескомъ его испугалъ приближавшихся венгровъ. Въ награду за это, Премыславъ былъ избранъ государемъ подъ именемъ *Лешка* I (по инымъ исторіямъ III-го, или даже Лешка IV). Имъ построенъ городъ *Премысль*.

По смерти Премыслава, объявленъ былъ конкурсъ: тому быть княземъ польскимъ, кто на конскомъ ристалищѣ перегонитъ всѣхъ. Одинъ изъ конкурентовъ, желая перегнать своихъ соперниковъ, подсыпалъ гвоздей въ песокъ на дорогѣ ристалища, оставивши для себя свободную тропинку. Другой конкурентъ открылъ это злоумышленіе. Виновнаго растерзали; а изобличитель былъ избранъ княземъ, подъ именемъ *Лешка II*. (или VI).

Сынъ и наслѣдникъ его, *Лешекъ III* имѣлъ одного законнаго сына *Попеля*, и двадцать сыновъ незаконнорожденныхъ.

---

[1]) Это преданіе сбережено въ слѣдующихъ стихахъ.

Wanda leży w naszéj ziemi co niechciała niemca,
Lepiéj zawsze mieć polaka niżli cudzoziemca.

Попель I, послѣ отца своего, былъ главнымъ княземъ и государемъ, а 20 братьевъ его владѣли удѣлами.

Такой же порядокъ продолжался и при *Попелѣ II*, сынѣ и наслѣдникѣ Попеля I-го.

Во время малолѣтства Попеля II, управляли Польшею дяди его; а когда онъ выросъ и женился, всѣмъ заправляла жена его,—нѣмка гордая и злая. Однажды на дворъ Попеля пришли два странника и просили себѣ ночлега; но имъ было отказано въ томъ. Послѣ чего они пошли на предмѣстье города и упросились къ бѣдному и простому человѣку *Пясту*, который въ то время праздновалъ *постриживы* своего сына, и радушно угостилъ ихъ. Въ благодарность за это, странники назвали Пястова сына *Зѣмовитомъ*, въ предзнаменованіе того, что онъ будетъ владѣть землею. Вскорѣ за тѣмъ Попель II, по наущенію своей злой жены, отравилъ своихъ дядей, и трупы ихъ велѣлъ побросать въ озеро Гопло. Изъ труповъ дядей народилось столько мышей, и тѣ мыши такъ дружно напали на Попеля, что онъ нигдѣ не могъ спастись отъ нихъ. Онъ убѣжалъ на островъ среди озера; а мыши поплыли за нимъ, напали на него, и съѣли его совсѣмъ семействомъ.

Послѣ несчастнаго Попеля, на которомъ кончилась династія Лешковъ, поляки не знали, кого избрать государемъ, и наконецъ, собравшись рано по-утру на берегу Гопла, рѣшились избрать того, кто первый переправится къ нимъ съ другой стороны озера, кромѣ женщинъ и дѣтей. Первый показался съ другой стороны озера *Пястъ*, который возвращался изъ своего пчелинаго завода и везъ кадку меду. Когда онъ переѣхалъ озеро, народъ поздравилъ его своимъ княземъ. Это было около 840 года по Р. Х.

Пястъ княжилъ долго, и умеръ 120-лѣтнимъ старикомъ. Онъ перенесъ столицу Польши изъ Гнѣзна въ Крушвицу.

Со времени преемниковъ его, сына *Зѣмовита* (860—891), внука *Лешка* 892—952), мракъ баснословія начинаетъ исчезать въ польской исторіи; а *съ праправнука Пястова Мечислава I-го начинается достовѣрная исторія Польши.*

II.

ПОЛЬША,

подъ управленіемъ государей изъ дома Пястовъ.

(965—1370).

МЕЧИСЛАВЪ I.

(965—992)

Мечиславъ родился и до семилѣтняго возраста былъ слѣпымъ. На седьмомъ году, во время своихъ пострижинъ, прозрѣлъ. Въ послѣдствіи времени вспомнили и признали это событіе за предзнаменованіе того, что при Мечиславѣ Польша окончательно просвѣтилась христіянскою вѣрою.

Святый Андрей Первозванный былъ общимъ апостоломъ всѣхъ славянъ, сѣверныхъ и южныхъ, а именно поляковъ и россіянъ [1]); равнымъ образомъ и то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что христіанство перешло съ Востока на Западъ, а не на оборотъ [2]). Въ Польшѣ гораздо раньше Мечислава была уже насаждена христіанская вѣра восточными проповѣдниками, и богослуженіе было совершаемо на славянскомъ языкѣ [3]). Причиною этому было, между прочимъ, то, что Польша со многихъ сторонъ граничила съ другими славянскими го-

---

[1]) S. Andrżéj powszechny przed Cyryllem i Metodiuszem wszystkich północnych i południowych słowian, a mianowicie też polaków i rusinów Apostoł. См. Pamiętniki o dziéjach, piśmiennictwie i prawodawstwie słowian. Pierwotne dzięje chrześciańskiego kościoła u słowian wydał W. A. Maciejowski (1839) стр. 70.

[2]) Тамъ же, стр. 77.

[3]) Тамъ же, стр. 58 и 148. Że zaś wiele chrześcian tak słowiańskiego jak łacińskiego obrządu w Polszcze przed Mieczysławem I-m było, o tém wątpić nie można; S. Woyciech dokonał w Polszcze tož dzieło (т. е. обращеніе людей съ во-

сударствами, принявшими святую вѣру отъ грековъ. Латинскіе обряды долго были не по сердцу полякамъ, — obrządek łaciński nie przemawiał do serc polaków (Pamiętnik 1. стр. 149).

Мечиславъ I съ малолѣтства своего былъ христіяниномъ; но до женитьбы съ *Домбровкою*, княжною Чешскою, жилъ какъ язычникъ: имѣлъ семъ женъ, и не соблюдалъ постовъ. Не имѣя потомства, отъ своихъ женъ, онъ рѣшился наконецъ, по совѣту своихъ приближенныхъ, имѣть одну жену—христіанку, и женился на Домбровкѣ, которая, равно какъ и вся фамилія ея, принадлежала къ восточной церкви [1]. Руководимый своею супругою, Мечиславъ I оставилъ языческіе обычаи. Примѣру князя послѣдовали подданные, и съ того времени христіанство такъ укрѣпилось въ Польшѣ, что нѣкоторые историки думали, будто Польша только при Мечиславѣ просвѣтилась Божественною Вѣрою, и будто самъ Мечиславъ крестился только предъ сватьбою съ Домбровкою [2].

Границы Польши при Мечиславѣ достовѣрно не извѣстны. Давнее единство польскаго языка въ малой и великой Польшѣ, и въ Силезіи заставляетъ думать, что Мечиславъ I уже господствовалъ надъ всею тою страною, равно какъ надъ *Мазовіей* и *Куявами*. Въ то время у славянскихъ народовъ вообще не было постоянныхъ и рѣзкихъ границъ ни въ территоріи, ни въ языкѣ, ни въ нравахъ и обычаяхъ. Польскій языкъ того времени былъ очень похожъ на русскій, чему свидѣтельствомъ служатъ многія прозвища королей, городовъ, и рѣкъ (наприм: Chrobry, Krasny staw, Ostrow, i t. d. Bohorodzica [3]). Эта связь родства еще болѣе скрѣплялась единствомъ религіи, какъ до принятія славянами христіанства, такъ и по принятіи его изъ одного источника — восточной церкви. Въ послѣдствіи времени «не смотря на разность исповѣданія, правленія и другихъ отношеній,

---

сточнаго на западный обрядъ).... otrzymał więc i u nas obrządek łaciński pierwszeństwo. Dziéje królestwa polskiego przez J. S. Bandtkie, 1820, Tom. 1. примѣч. на стр. 174, и см. страницу 175. Мацѣевскій въ Pamiętnikach, стр. 149, говоритъ такъ: Obrządek łaciński, z tychże samych, co i u innych słowian, przyczyn **nie przemawiał do serc polaków**, dla tego też bardzo wcześnie znalazł do nich przystęp słowiański.

[1]) Pamiętnik I. стран. 156.

[2]) Тамъ же, стран. 151, 152.

[3]) Dziéje królestwa polskiego przez J. S. Bandkie, 1820, Tom. 1. стр. 67.

между славянами всегда была и есть какая-то общность: они были и будуть людьми одного языка и сердца, если только знают другъ друга» [1]).

Противъ такого *«единства славянъ въ сердцѣ и языкѣ»* возстали, еще до Мечислава I-го, сильные враги. Начиная съ Карла Великаго, врага восточной церкви и всей славянщины [2], сперва франки, потомъ нѣмцы, побуждаемые папою, усиливались уничтожить у славянъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ и подчинить ихъ римской каѳедрѣ, облагая ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ десятиною въ пользу духовенства. Изгоняя славянскій языкъ изъ церкви, враги старались выжить его даже и ъ домашняго употребленія: перекрещивали славянскихъ христіанъ на латинскій обрядъ и, поселяли между ними нѣмцовъ, старались онѣмечить славянскую страну. Славяне, жившіе за Эльбой, мало по-малу переродились въ нѣмцовъ; а другіе хотя остались, славянами, но уже въ своихъ храмахъ, вмѣсто роднаго языка, слышали латинскій. Непрошенные просвѣтители славянъ, уже бывшихъ христіанами, называли ихъ язычниками, и причисляя ихъ страну ad partes infidelium, присылали къ нимъ своихъ епископовъ, стригли бороды славянскимъ священникамъ [3]), устрояли пограничныя маркграфства, и волею-неволею заставляли славянъ переходить на латинскій обрядъ и давать десятину. Кромѣ всѣхъ этихъ насилій, обращенныхъ противъ славянскаго вѣроисповѣданія и народности, нѣмецкіе императоры старались еще ссорить славянъ между собою. Такимъ образомъ—противъ Польши были поставлены въ непріязненное положеніе съ одной стороны чехи, а съ другой стороны лютики; а между тѣмъ и на Руси возставало уже огромное и сильное государство. Находясь въ такомъ стѣснительномъ состояніи, Мечиславъ I нашелъ необходимымъ прим-

---

[1]) Mimo rozróżnienie słowian przez rządy, wyznanie religii i tysiączne inne przyczyny, zawsze jest i będzie niejakaś między nimi wspólność. Oni są i będą jednego słowa i serca kiedy się znają. Тамъ же примѣчаніе на стран. *102*.

[2]) Pamiętnik I... стран. 54.

[3]) Папа Александръ II собственноручно обрѣзалъ бороду славянскому священнику **Цедедѣ**. Pamiętnik I. стран. 118. А Папа Іоаннъ XIII буллою 968 года запретилъ славянамъ употребленіе славянскихъ буквъ, называя ихъ **еретическими**. На соборѣ 1059 года выдумана была нелѣпая клевета, że pismo to pochodzić miało od jakiegoś kacerza Metodyusza, który za taką religii katolickiéj obrazę nagłą był śmiercią od Boga ukarany. Pamiętnik I. стран. 76, 117.

кнуть къ западной Европѣ; а потому въ 968 году принялъ въ Познань латинскаго епископа *Іордана*, и не препятствовалъ при богослуженіи измѣненію славянскаго языка на латинскій [1]).

По смерти Домбровки (976), Мечиславъ женился на католической монахинѣ *Одѣ*, похитивши ее изъ монастыря. *Ода* своимъ примѣромъ и убѣжденіемъ, еще болѣе утвердила Мечислава въ принятіи обрядовъ западной церкви, вмѣсто прежнихъ грекославянскихъ [2]). Вслѣдъ за княземъ и подданные мало по-малу начали дѣлаться ренегатами православія [3]).

Пограничный маркграфъ нѣмецкой имперіи, *Гіеринъ*, завладѣвши Лузаціей за Эльбою и частью Сербіи, вслѣдъ за тѣмъ напалъ и на владѣнія Мечислава. Побѣжденный князь польскій припужденъ былъ признать себя ленникомъ и данникомъ Имперіи. Съ этого времени нѣмцы считали его своимъ маркграфомъ [4]).

Чтобы выдти изъ такого невыгоднагоположенія, Мечиславъ просилъ папу о дарованіи ему королевской короны; но папа—приготовленную было уже для него корону, отдалъ венгерскому князю Стефану.

По смерти императора *Оттона* 1-го, Мечиславъ, какъ членъ или ленникъ имперіи, принялъ участіе въ войнѣ между наслѣдниками императора. Пользуясь этимъ случаемъ, Владиміръ

---

1) Pamiętnik I. стран. 157.

2) Тамъ же. Religia stała się frymarkiem, przez którą monarchowie zyskiwali lub zyskywać chcieli korony, z jednego obrządku na drugi przechodząc. Тамъ же, стран. 116.

3) Wprowadzenie wiary chrześciańskiéj dopiero roku 992—994 stało powszechnym, gdy obrządek łaciński nad słowiańskim wziął górę. Dziéje królestwa polskiego przez Bandtkie (1820) Tom I. стр. 150. Далѣе въ примѣчаніи на стр. 145 Бандтке говоритъ: zapomniano aż do Buga obrządek ruski; otrzymał więc i u nas obrządek łaciński pierwszeństwo. A że przeto weszliśmy w związek z zachodem Europy, nie mamy czego żałować, że się tak stało. Далѣе приводитъ еще слѣдующее утѣшеніе: dotego słowiański cerkiewny język już jest wszędzie od języków narodowych tak odmienny, że jedno prawie jest, czy lud po słowiańsku albo jak u nas mówią po rusku, czy po łacinie modły słyszy nierozumiane. Какъ будто—**Господи помилуй** для славянина-простолюдина такъ же не понятно, какъ Domine miserere?., Потомъ Бандтке въ страницѣ 34 самъ себѣ противорѣчитъ, говоря такъ: Kroaci, Sławońci, Słowiacy nad Dunaiem mówią szczególnymi dialecty. które to dialecty synowie jednego ojca, chociaż się osobnymi językami nazywają tak polakowi, jak czechowi, albo rossianinowi są z rozumiałe.

4) Toed. Wagi Histor. książat i król. polsk, (1833) страница 73.

Великій князь русскій напалъ на его владѣнія (981), и отнялъ у него *Червенскіе города* (Галицію), издревле населенные русью и державшіе восточно-славянскій обрядъ.

Мечиславъ I умеръ 992 года. Отъ первой жены его Домбровки, остался сынъ и наслѣдникъ *Болеславъ*, а отъ Оды — три сына *Мечко*, *Святополкъ*, и такъ же *Болеславъ*, который послѣ того, въ монашествѣ, принялъ имя *Ламберта*.

Болеславъ Великій или Храбрый.

(992—1025).

Вопреки волѣ отца своего, желавшаго, по тогдашнему славянскому обычаю, раздѣлить Польшу на удѣлы между всѣми своими сынами, *Болеславъ I* удалилъ изъ Польши мачиху свою Оду съ ея сыновьями, и остался единодержавцемъ Польши.

Изгнанные братья вооружили противъ Болеслава чеховъ, которые въ 994 году отняли у него Краковъ и часть Силезіи. Кромѣ отраженія чеховъ, Болеславъ долженъ былъ въ одно и тоже время еще помогать своими войсками императору Оттону III въ его войнѣ съ лютиками.

Наконецъ въ 999 году Болеславъ возвратилъ себѣ Краковъ, и вслѣдъ за тѣмъ послалъ въ Римъ просьбу къ папѣ о присланіи ему королевской короны. Папа отказалъ; но Оттонъ III, въ слѣдующемъ 1000 году пріѣхавши въ Гнѣзно, подъ предлогомъ поклоненія гробу св. Войцеха, возложилъ на Болеслава, при гробѣ святаго, корону съ собственной своей головы. Императоръ дѣйствовалъ изъ видовъ политики: чтобъ обезпечить себя отъ славянъ, жившихъ за Одеромъ и надъ Эльбою, онъ вмѣстѣ съ короною далъ Болеславу право и обязанность воевать и покорять всѣхъ славянъ, приводя ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ латинскому обряду. Для сей послѣдней цѣли, императоръ, вмѣстѣ съ Болеславомъ, установилъ слѣдующую іерархію для Польши и для другихъ славянъ, покоренныхъ и имѣющихъ быть покоренными: архіепископство гнѣзненское, и епископства поморское, врацлавское, краковское и познаньское. Такимъ образомъ, славяне были поставлены—противъ славянъ. Хотя нельзя не

сожалѣть о мѣрахъ подобной политики, но можно хоть сколько нибудь утѣшаться тѣмъ, что славяне должны были бороться не съ иноплеменниками, а съ своими же братьями—славянами. Въ противномъ случаѣ славянская народность подверглась бы еще бо́льшей опасности [1]).

Королевство Болеслава въ 1002 году простиралось отъ устьевъ Одера и Вислы до Дуная и Тиссы, отъ горъ Силезскихъ за Одеромъ на границѣ чехской даже до Буга—на Руси.

Въ 1002 году, по смерти Оттона III, въ Германіи произошло замѣшательство по случаю многихъ искателей императорскаго престола. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Болеславъ вторгнулся въ Лузацію, покорилъ ее и Миснію. Когда же князь баварскій сдѣлался императоромъ, подъ именемъ Генриха II-го, то Болеславъ поѣхалъ въ Мерзебургъ на германскій сеймъ, чтобъ представиться новому императору. Генрихъ II-й, завидуя силѣ Болеслава между славянами, хотѣлъ-было предательскимъ образомъ убить его на дворѣ собственнаго своего дворца; но Болеславъ избѣжалъ благополучно этой опасности.

Въ Богеміи также произошли замѣшательства. Новый императоръ хотѣлъ посадить на богемскомъ престолѣ одного изъ братьевъ Болеслава; а король польскій постарался возвратить тотъ престолъ прежнему богемскому князю, соименному себѣ Болеславу III-му. Но этотъ облагодѣтельствованный имъ, князь заплатилъ своему благодѣтелю гнусною неблагодарностью; усѣвшись на богемскомъ престолѣ, онъ напалъ на польскія владѣнія въ Силезіи. Болеславъ король польскій двинулся съ своимъ войскомъ на чеховъ, безъ большаго затрудненія покорилъ Богемію, и неблагодарнаго князя заключилъ въ тюрму. За однимъ разомъ онъ напалъ и на Моравію и покорилъ ее.

Императоръ былъ чрезвычайно недоволенъ такими успѣхами Болеслава; но до нѣкоторой поры не смѣлъ обнаружить своихъ враждебныхъ чувствъ, а еще прислалъ къ нему пословъ

---

[1]) Jeszcze zgubniéj by było dla narodowości słowiańskléj, gdyby się do słowian obcy, a nie słowianin był mięszał. Pamiętniki. стран. 161. См. тамъ же стран. 263 и 264.

съ предложеніемъ владѣть Богеміей на ленномъ правѣ,— т. е., давалъ то, чего не могъ отнять. Но Болеславъ, не забывая императорскаго угощенія въ Мерзебургѣ, вошелъ въ союзъ съ непріятелями Генриха II, и пошелъ на него войною. Счастье не поблагопріятствовало Болеславу: союзники измѣнили ему и оставили его одного. Генрихъ отнялъ у него Богемію, опустошилъ Лузацію и двинулъ войско свое въ Польшу. Достойно примѣчанія, что войскомъ императора предводительствовали два епископа, *Арнольфъ* Гальберштадскій и *Мейверкъ* Падерборнскій [1]). Храброе сопротивленіе польскаго короля заставило императора искать мира; въ слѣдствіе чего онъ просилъ Болеслава къ себѣ въ Магдебургъ. Обезпечивши себя заложниками со стороны императора, Болеславъ поѣхалъ къ нему,—былъ отъ него торжественно посвященъ въ рыцари и, въ знакъ примиренія, получилъ прежнее право на всѣ славянскія земли за Одеромъ.

Пользуясь послѣ того отъѣздомъ императора въ Римъ, Болеславъ пошелъ войною на поморянъ, чтобъ утвердить зависимость ихъ отъ Польши, отъ чего они, при первой возможности, уклонялись. Покоривши ихъ, онъ пошелъ на пруссовъ, принудилъ ихъ къ дани и, взявши съ нихъ обѣщаніе принять хр. вѣру, распорядился о высылкѣ къ нимъ священниковъ. Возвращаясь послѣ сего въ Польшу, Болеславъ поставилъ на рѣкѣ Оссѣ желѣзный столбъ, для означенія границы своего государства. Въ послѣдствіи времени пруссы вырыли этотъ столбъ и поставили на его мѣстѣ мельницу.

По возвращеніи изъ Рима, императоръ вооруженною рукою требовалъ отъ Болеслава, чтобъ онъ отказался отъ своихъ завоеваній въ Мисніи и Лузаціи; но король польскій далъ ему сильный отпоръ,—послѣ чего Генрихъ II-й и Болеславъ I-й заключили въ Будишинѣ (въ Бауценѣ) миръ.

Отдохновеніе отъ войны съ императоромъ, Болеславъ употребилъ на войну съ Русью. Одна изъ трехъ его дочерей была замужемъ за Святополкомъ, усыновленнымъ племянникомъ русскаго государя Владиміра Великаго. Отпуская ее въ Россію, Болеславъ послалъ съ нею и епископа ***Рейберна***, который тамъ

---

1) Dziéje królestwa polskiego przez J. S. Bandtkie. 1820, Tom. I. стр. 186.

скоро навлекъ на себя подозрѣніе Владиміра Великаго, въ возмущеніи противъ него племянника [1]). Владиміръ Великій приказалъ Святополка, жену его и епископа Рейберна заключить въ темницу. Епископъ присланный въ Россію, какъ говоритъ Бандтке [2]), для введенія въ ней латинскаго обряда (dla wprowadzenia obrządku łacińskiego), умеръ въ темницѣ; а долго ли содержались въ заключеніи Святополкъ и его супруга, когда и кѣмъ были освобождены, неизвѣстно. Только Болеславъ король польскій давно ожидалъ случая отомстить русскому государю за обиду дочери, зятя и епископа, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у него и червенскіе города, занятые Владиміромъ еще при Мечиславѣ.

По смерти Владиміра Великаго въ 1015 году, Святополкъ, усыновленный племянникъ его, убилъ трехъ братьевъ своихъ Глѣба, Бориса и Святослава, и сѣлъ на великокняжескомъ престолѣ въ Кіевѣ. Но старшій сынъ Владиміра, Ярославъ князь новгородскій выгналъ его изъ Кіева, и самъ сѣлъ на престолѣ отца своего. Святополкъ прибѣгъ за помощью къ тестю своему Болеславу, который радъ былъ давно-ожиданному случаю напасть на Россію. Нѣмецкій императоръ Генрихъ II-й, узнавши объ этихъ произшествіяхъ на Руси и въ Польшѣ, благопріятствовалъ ссорѣ славянскихъ государей: онъ поощрялъ великаго князя Ярослава къ войнѣ съ Болеславомъ, а сему послѣднему далъ въ помощь противъ Ярослава нѣкоторое число своихъ воиновъ [3]).

Два раза бились русскія войска съ польскими на берегу Буга, и оба раза побѣда оставалась на сторонѣ Болеслава. Ярославъ бѣжалъ въ Новгородъ; а Болеславъ пошелъ къ Кіеву, и взявши его приступомъ посадилъ въ немъ зятя Святополка на великокняжескомъ престолѣ. По сказанію польскихъ и русскихъ историковъ, это случилось въ 1018 году [4]). Прежде, нежели Ярославъ собрался съ новгородцами противъ засѣвшаго

---

[1]) Pamiętniki. стр. 178.

[2]) Dziéje królestwa polskiego Tom I. страница 206.

[3]) Pamiętniki. страница 178.

[4]) Но по этому случаю у историковъ замѣчательно слѣдующее: «за первымъ разомъ Болеславъ сжегъ часть города Кіева, при чѣмъ сгорѣла и церковь св. Софіи, а потомъ онъ ушелъ изъ Россіи» (prrzestawszy na spaleniu miasta, w

къ Кіевѣ съ зятемъ своимъ Болеслава, король самъ вышелъ изъ Россіи, избѣгая предательства и неблагодарности своего зятя Святополка, который приказалъ своимъ подданнымъ тайно умерщвлять польскихъ воиновъ, расположенныхъ квартирами въ Кіевѣ и его окрестностяхъ. Болеславъ разграбилъ Кіевъ, и вышелъ изъ Россіи, забравши съ собою сестеръ Ярослава, многихъ бояръ и великія сокровища. Ярославъ погнался за нимъ, но опять былъ разбитъ на берегу Буга; послѣ чего король овладѣлъ по дорогѣ червенскими городами.

За такіе военные успѣхи современники назвали Болеслава *Храбрымъ* (Chrobry), а позднѣйшіе историки дали ему имя *Великаго*, какъ за его побѣды, такъ равно и за гражданскія доблести. Онъ постоянно имѣлъ при себѣ 12 избранныхъ совѣтниковъ, съ которыми объѣзжалъ провинціи королевства, лично всматриваясь въ управленіе каштеляновъ и другихъ низшихъ правителей. Злоупотребленія истреблялъ на мѣстѣ; всякаго допускалъ къ себѣ и выслушивалъ; гдѣ было нужно, строилъ замки, города и крѣпости, заселялъ пустыни,—и вообще *не любилъ денегъ,* но тратилъ ихъ на обогащеніе и украшеніе городовъ, замковъ и церквей.

При Болеславѣ I-мъ образовалось въ Польшѣ особое сословіе народа, подъ именемъ *шляхты.* Шляхтичами (отъ нѣмецкаго Geschlecht родъ) назывались конные воины (рыцари), которые должны были, по первому призыву короля, являться на службу, а по окончаніи войны разъѣзжались по домамъ. Вмѣсто жалованья, король раздавалъ шляхтичамъ въ ленное,

---

którym pożarże kościoł S. Zofii zgorżał, udał się Bolesław od Dniepra do Odrze. Dziéje królestwa polskiego przez Bandtkie. Tom I, страница 194). А за вторымъ разомъ (тотъ же томъ, страница 201), «Болеславъ взявши Кіевъ, поѣхалъ до св. Софіи, гдѣ его встрѣтилъ архіепископъ». Но Несторъ, а за нимъ и Карамзинъ, пишетъ, что св. Софія заложена Ярославомъ только въ 1037 году—слѣдовательно гораздо позже побѣды Болеслава, бывшей въ 1018 году. Такое же разногласіе и о Златыхъ Вратахъ кіевскихъ, въ которыя Болеславъ при въѣздѣ ударилъ саблею и выщербилъ ее, отчего сабля получила названіе щербца (Бандтке Tom I. стр. 201). Въ 1018 году Златыхъ Вратъ въ Кіевѣ еще не было; и врата построены въ 1037 году. (См. Истор. Гос. Р. Карамзина [изд. 1818]. Томъ 2, стр. 28). Съ достовѣрностью можно положить, что сказаніе о щербцѣ должно относиться къ царствованію Болеслава II-го а не I-го.

или пожизненное владѣніе заселенныя земли, которыя послѣ того мало по-малу обратились въ наслѣдственныя вотчины [1]). Вся тогдашняя Польша была раздѣлена на *повѣты*, которые получали повелѣнія прямо отъ короля.

Хотя еще въ 1000 году Болеславъ I-й получилъ отъ императора корону и титулъ короля, но папа не давалъ ему позволенія принять священное мѵропомазаніе на царство. Послѣ многихъ просьбъ, не уваженныхъ папою, Болеславъ, за годъ предъ своею смертью, въ 1024 году, указалъ своимъ епископамъ торжественно помазать и короновать себя. Въ слѣдующемъ году онъ умеръ, искренно оплаканный всею Польшею.

МЕЧИСЛАВЪ II-й. (GNUŚNY).
(1025—1034).

Хотя *Мечиславъ II-й*, подобно знаменитому отцу своему Болеславу I-му, короновался на царство, но не наслѣдовалъ его доблестей и не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя имѣла на него Польша. Предавшись роскоши и распутству съ молодыми придворными, онъ не заботился о королествѣ. Сосѣди не умедлили воспользоваться безпечностью короля. Ярославъ, Великій, князь кіевскій, отнялъ у него городъ Бельзъ и снова овладѣлъ червенскими городами (Галиціей),—входилъ въ самую Польшу, вывелъ оттуда множество плѣнниковъ и заселилъ ими берега рѣки Роси. Чешскій князь Бретиславъ отнялъ у Мечислава II-го тѣ мѣста Богеміи, которыя Болеславъ Великій присоединилъ къ Польшѣ. Императоръ нѣмецкій Конрадъ II-й (преемникъ Генриха II-го) отнялъ Лузацію. Поморяне возмутились, и хотѣли отложиться отъ Польши. Только Мечиславъ совершилъ одинъ подвигъ, что на нѣкоторое время усмирилъ поморянъ. Въ слѣдующемъ 1034 году онъ умеръ. Лѣтописцы говорятъ, что онъ слишкомъ много потакалъ женѣ своей *Риксѣ*, и что, въ послѣднее время своей жизни, страдалъ разстройствомъ разсудка.

---

[1]) Dziéje królestwa polsk. Tom 1. примѣч. на стр. 210, 211, 212 и слѣд.

КОРОЛЕВА РИКСА
(1034—1035)

и

междуцарствіе
(1035—1040).

Вдова Мечислава II-го, королева *Рикса*, сдѣлавшись опекуншею сына своего *Казиміра*, въ одинъ годъ своего управленія, успѣла такъ озлобить противъ себя вельможъ польскихъ, что, опасаясь съ ихъ стороны возмущенія, принуждена была тайно выѣхать изъ Польши, забравши съ собою государственныя сокровища и жила до смерти своей въ Саксоніи, при бенедиктинскомъ монастырѣ. Трудно рѣшить, кто былъ болѣе виноватъ, королева или паны польскіе. Ее упрекаютъ въ вымагательствѣ новыхъ, тяжкихъ поборовъ, подъ именемъ *подати для королевскаго стола* и въ излишней привязанности къ единоземцамъ своимъ,—нѣмцамъ; а на пановъ того времени падаетъ сильный упрекъ въ чрезмѣрной гордости и въ желаніи быть, или покрайней мѣрѣ казаться, независимыми феодолами.

Вслѣдъ за матерью выѣхалъ изъ Польши и молодой Казиміръ, сынъ Мечислава II-го. Сперва онъ жилъ у венгерскаго короля Стефана, а потомъ въ Саксоніи, при матери.

Оставшись безъ короля, Польша сдѣлалась жалкимъ позорищемъ междоусобной войны, разбоевъ и такой безурядицы, какую трудно вообразить. Предводители войска и начальники королевскихъ замковъ захотѣли быть удѣльными владѣтелями, по образцу нѣмецкихъ феодаловъ; враждовали между собою, дѣлали наѣзды на имѣнія своихъ противниковъ, выходили съ войскомъ одинъ противъ другаго, и заставляли поляковъ проливать польскую кровь. Разбогатѣвшее духовенство не принимало никакихъ мѣръ для умиротворенія духовныхъ своихъ чадъ. Крестьяне возмутились противъ помѣщиковъ, рѣзали ихъ и сожигали жилища ихъ. Множество городовъ и селъ были обращены въ пепелъ.

Польскіе историки говорятъ, что въ это несчастное время многіе жители Польши оставили христіанскую вѣру и обратились къ прежнему язычеству. Но новѣйшій изслѣдователь польскихъ древностей утверждаетъ, что «когда въ Польшѣ греко-славянскій обрядъ былъ уничиженъ, то даже самъ папа называлъ язычниками людей, принадлежавшихъ къ греческому исповѣданію; а потому, обращая вниманіе на то, что богослуженіе восточной церкви было тогда называемо идолопоклонствомъ,— трудно угадать, точно ли къ древнему идолопоклонству возвратились многіе жители Польши, или къ прежнему своему восточно-христіанскому исповѣданію» [1]).

Польша была близка къ своему разложенію. Мазовшане, подъ предводительствомъ бунтовщика *Моислава*, или Маслава, старались отложиться отъ нея. Бретиславъ, князь чешскій, разоривши Краковъ, съ огнемъ и мечомъ прошелъ всю Польшу даже до Гнѣзно. Между предводителями его войска былъ *Северъ*, епископъ прагскій, который грабилъ польскія церкви, въ отмщеніе полякамъ за то, что, съ учрежденімъ познаньскаго епископства, уменьшилась его діэцезія.

Наконецъ—поляки очнулись и послали просить королевича Казиміра—возвратиться въ Польшу и быть у нихъ королемъ.

КАЗИМІРЪ І-й.

(1040—1058).

Одно посольство изъ Польши поѣхало къ папѣ съ жалобою на епископа Севера, а другое—къ *Казиміру*, съ предложеніемъ ему престола. Папа Венедиктъ IX приказалъ—было заключить Севера въ монастырь на покаяніе за его грабежи, *но епископъ*

---

[1]) Kiedy zaś słowiański przytłumiono obrządek, pogan nazwisko sam nawet papież nadawał wyznawcom greckiéj cerkwi. Uważając na to, że i służbę bożą w kościele wschodnim pagaństwem nazywano, trudno odgadnąć czy kronikaże łacińscy mówiąc o pogaństwie, wszędzie bałwochwal stwo, lub czyli też niekiedy słowiańskiego obrządku przez to nie rozumiéją. Мацѣевскій, Pamętniki o dziéjach, piśmiennictwie i prawodawstwie słowian, Ustępki i Ułamki historyczne, страница 208 и 171. (изд. 1839).

откупился и былъ прощенъ. А посольство съ приглашеніемъ на престолъ, по сказанію многихъ историковъ, [1]) нашло Казиміра монахомъ и уже діакономъ въ одномъ изъ французскихъ монастырей. Онъ не иначе согласился перейдти изъ келліи на престолъ, какъ съ разрѣшенія папы, который по этому случаю *обязалъ поляковъ вносить ежегодно въ Римъ по грошу съ человѣка на лампаду св. Петра, подбривать голову на подобіе католическихъ монаховъ и въ большіе праздники носить на шеѣ платки особаго рода, на подобіе эпитрахили.* Другіе историки опровергаютъ это сказаніе; но всѣ согласны въ томъ, что Казиміръ I-й былъ умнымъ, добрымъ королемъ и залѣчилъ раны Польши, за что единогласно называютъ его *возстановителемъ отечества* (restaurator patriae).

Духовенство и народъ встрѣтили Казиміра на границѣ Польши съ радостнымъ крикомъ: «здравствуй, здравствуй государь»! (a witayże, witay Gospodynie!) Императоръ нѣмецкій Генрихъ III-й (преемникъ Конрада II-го) помогъ ему отнять у князя чешскаго Бретислава награбленныя имъ въ Польшѣ сокровища; а за возвращеніе города Враславля Казиміръ обязался даже уплачивать чехамъ ежегодно извѣстную сумму денегъ.

Короновавшись въ Гнѣзно, Казиміръ перенесъ оттуда свою столицу въ Краковъ. Казна королевства была крайне истощена и въ разныхъ мѣстахъ Польши еще долго не переставалъ кипѣть бунтъ. Чтобъ исправить это зло, Казиміръ женился на сестрѣ великаго князя кіевскаго Ярослава Владиміровича, Маріи-Доброгнѣвѣ, которая своимъ богатымъ приданымъ поправила истощенную казну; а Ярославъ помогъ Казиміру покоритъ мазовецкаго бунтовщика Моислава и привести Мазовію въ прежнюю подчиненность Польшѣ. Мало по-малу успокоилась Польша. Казнивши главнѣйшихъ бунтовщиковъ, Казиміръ объявилъ послѣ того всеобщее прощеніе и занялся внутреннимъ устройствомъ государства: возобновилъ многіе старые и построилъ многіе новые замки, и вездѣ, гдѣ было нужно, поставилъ каштеляновъ или губернаторовъ Въ такихъ занятіяхъ скончался онъ, послѣ 18-ти лѣтняго мудраго царствованія.

---

[1]) Мартинъ Галлусъ, Богуфалъ, Длугошъ и Кромеръ.

БОЛЕСЛАВЪ II-й ОТВАЖНЫЙ (AUDAX).

(1058—1081).

Шестнадцатилѣтній сынъ Казиміра, *Болеславъ II-й*, прозванный въ послѣдствіи времени *Отважнымъ*, руководствуясь совѣтами матери своей Маріи-Доброгнѣвы, началъ царствовать очень благоразумно. Скоро за тѣмъ открылось обширное поприще для его дѣятельности и храбрости. Андрей, король венгерскій, назначилъ своимъ наслѣдникомъ сына своего Соломона. А какъ, по тогдашнимъ понятіямъ, братъ послѣ брата имѣлъ болѣе права на наслѣдство престола, нежели сынъ послѣ отца; то братъ Андрея, Бела, почитая себя обиженнымъ, ушелъ изъ Венгріи въ Польшу къ молодому Болеславу (1061) и просилъ его защиты. Король польскій вооруженною рукою поддержалъ права Белы и, вскорѣ послѣ смерти брата его Андрея, утвердилъ его на венгерскомъ престолѣ.

Другой бѣглецъ, Яроміръ, братъ чешскаго владѣтельнаго князя Вратислава, поссорившись съ братомъ, такъ же искалъ защиты у Болеслава. Хотя за данное ему убѣжище въ Польшѣ Вратиславъ, пользуясь отлучкою Болеслава въ Венгрію, напалъ на польскія владѣнія и опустошилъ часть Силезіи; но Болеславъ, возвратившись изъ Венгріи, погнался за чехами, разбилъ ихъ, и принудилъ къ миру, на томъ условіи, чтобъ Яроміру, брату Вратислава, была предоставлена епископская каѳедра въ Прагѣ, по смерти епископа Севера.

Въ продолженіе всѣхъ этихъ безпокойствъ, наѣзды пруссовъ также не давали Польшѣ покою. Болеславъ, покончивши съ чехами, обратилъ свое оружіе противъ пруссовъ, побѣдилъ ихъ и обложилъ данью.

На Руси, по смерти великаго князя Ярослава, по случаю раздѣленія государства между его сынами, начались великія междоусобія. Старшій сынъ Ярослава, Изяславъ принужденъ былъ уступить кіевскій престолъ племяннику своему Всеславу князю полоцкому и бѣжалъ къ королю польскому Болеславу II-му просить защиты. Болеславъ съ войскомъ и съ Изяславомъ пошелъ къ Кіеву. При его приближеніи, похититель престола-Все-

славъ бѣжалъ изъ Кіева въ Полоцкъ. Граждане кіевскіе съ покорностью встрѣтили законнаго своего государя Изяслава, который, занявши престолъ отца своего, угощалъ короля и его войско, доставляя имъ всѣ выгоды, какими изобиловалъ Кіевъ, славившійся тогда своею торговлею съ Цареградомъ.

Королю тогда (1069) было отъ роду около тридцати лѣтъ. Плѣненный красотою мѣста и физическими удовольствіями, Болеславъ предался распутству. Проживя, среди разныхъ пресыщеній въ Кіевѣ около года, онъ, наконецъ, возвратился въ Польшу и присоединилъ къ ней червенскіе города и Волынь. Покоривши Перемысль и другіе города червенскіе, Болеславъ остался тамъ, какъ будто забылъ о Польшѣ,—предался пьянству и распутству, сдѣлался недоступенъ и жестокъ. Воины его подражали своему королю въ разгульной жизни; такая жизнь продолжалась нѣсколько лѣтъ 1).

Между тѣмъ великій князь кіевскій Изяславъ, бѣжавши въ другой разъ изъ Кіева (1075) отъ злобы своихъ братьевъ, опять пріѣхалъ къ Болеславу и просилъ его помощи, предлагая ему великія сокровища. Король взялъ подарки, но помощи не далъ Изяславу; за что, по жалобѣ русскаго князя, получилъ даже выговоръ отъ папы Григорія VII-го [2]).

Когда Болеславъ и войско его на Руси предавались разгульной жизни, жены воиновъ его, оставшіяся въ Польшѣ, не получая извѣстія о своихъ мужахъ, нѣкоторыя повыходили замужъ, а другія вступили въ непозволительныя связи даже со слугами своими [3]). Когда слухи о такихъ семейныхъ безпорядкахъ дошли изъ Польши до войска, то многіе воины ушли отъ Болеслава въ Польшу къ своимъ женамъ. Такіе побѣги

---

[1]) Многіе историки польскіе думали, что Болеславъ II-й все время отсутствія своего изъ Польши распутствовалъ въ Кіевѣ; но новѣйшіе изслѣдователи доказываютъ, что это случилось съ нимъ на Червоной Руси. См. Примѣчаніе на стран. 245 Тома 1-го Dziéje królestwa polskiego przez Bandtkie.

[2]) Исторія Гос. Росс. Карамзина, Томъ 2 стран. 84. (изд. 1818).

[3]) Карамзинъ не вѣритъ этому расказу Длугоша, Кромера и Нарушевича, и почитаетъ этотъ расказъ повтореніемъ басни, взятой изъ Геродота, Трога Помпея, или Юстина о рабахъ скиѳскихъ. См. примѣч. 132-е ко 2 Тому Ист. Гос. Рос. Напрасное сомнѣніе. Фактъ этотъ весьма натураленъ и закрѣпленъ свидѣтельствами польскихъ историковъ. Если гдѣ либо случалось тоже, то это показываетъ только то, что отъ одинакихъ причинъ происходятъ одинакія послѣдствія.

сдѣлались наконецъ такъ часты, что Болеславъ, опасаясь остаться безъ воиновъ, принужденъ былъ и самъ возвратиться въ Краковъ. (1077).

Къ несчастію Польши и самаго Болеслава, онъ возвратился совсѣмъ уже не такимъ, какимъ былъ прежде. Жестокія казни бѣжавшихъ воиновъ и женъ ихъ слѣдовали одна за другою. Король не пощадилъ даже и младенцевъ, рожденныхъ женами во время отсутствія мужей ихъ: велѣлъ отнимать ихъ отъ грудей матернихъ и выбрасывать изъ домовъ.... Карая развратъ, до котораго самъ довелъ своихъ подданныхъ, король не только не думалъ о собственномъ исправленіи, но еще какъ будто издѣвался надъ нравственностью, живя самымъ распутнымъ и безстыднымъ образомъ. Епископъ краковскій *Станиславъ* (Щепановскій), проникнутый святостью пастырской обязанности, сперва кротко уговаривалъ короля оставить развратъ и жестокость, потомъ, когда кроткія увѣщанія не дѣйствовали, угрожалъ королю отлученіемъ отъ церкви. Болеславъ II-й разсердившись на епископа, собственноручно поразилъ его саблею въ голову, при алтарѣ, во время совершенія имъ божественной литургіи. Кровь и мозгъ мученика забрызгали стѣну около алтаря.

Папа Григорій VII-й, получивши извѣстіе объ этомъ изувѣрствѣ Болеслава, проклялъ не только его, но и все Польское Королевство и разрѣшилъ поляковъ отъ вѣрноподданнической присяги Болеславу.

Оставленный своими подданными, Болеславъ уѣхалъ въ Венгрію, гдѣ вскорѣ и умеръ. О подлинномъ времени и мѣстѣ его смерти писатели говорятъ разнорѣчиво; но всѣ единогласно сожалѣютъ, что этотъ несчастный король, имѣвшій отъ природы столь много хорошихъ качествъ и начавшій такъ славно свое царствованіе, самъ былъ причиною своей погибели. Съ этого времени вельможи польскіе и духовенство начали мѣшаться въ управленіе королевствомъ и, увы! не ко благу его, но къ ограниченію верховной власти, и слѣдовательно къ ущербу общественнаго спокойствія и благосостоянія.

Владиславъ-Германъ.

(1081—1102).

Такъ какъ несчастный Болеславъ II-й, удалившись въ Венгрію, взялъ съ собою и малолѣтняго сына своего Мечислава, то, по случаю возникшихъ безпорядковъ междуцарствія, поляки избрали своимъ королемъ брата Болеславова, *Владислава-Германа.* Первое доказательство своей неспособности царствовать Владиславъ обнаружилъ тѣмъ, что, не принимая королевскаго титула, довольствовался именемъ князя. Можетъ быть, онъ не хотѣлъ огорчить тестя своего князя чешскаго Вратислава, котораго императоръ нѣмецкій Генрихъ IV-й, для заявленія предъ папою Григоріемъ VII своего права надъ королями, нарекъ королемъ *богемскимъ* и *польскимъ* (1086). Хотя въ послѣдствіи времени, по смерти первой жены своей, дочери Вратислава, Владиславъ-Германъ женился на сестрѣ императора, но королевскаго титула все-таки себѣ не усвоилъ.

Племяникъ Владислава, молодой королевичъ *Мечиславъ,* возвратясь изъ Венгріи, жилъ въ Польшѣ, женился на русской княжнѣ Евдокіи Изяславовнѣ и, будучи любимъ народомъ, могъ быть опаснымъ соперникомъ для своего дяди. Нашлись услужливые злодѣи, которые отравили Мечислава.

За преступленіемъ не замедлило и наказаніе. У Владислава-Германа, кромѣ младшаго законнаго сына *Болеслава,* былъ старшій незаконнорожденный, *Збигнѣвъ,* который отличался возмутительнымъ характеромъ. Отецъ отослалъ его въ Саксонію въ одинъ монастырь; но паны, недовольные правленіемъ отца его, вызвали сына изъ Саксоніи, и вооружили его противъ отца. Поводъ къ этому былъ слѣдующій: чехи, поморяне и пруссы недавали Польшѣ покою; надобно было отражать ихъ набѣги вооруженною рукою. Поляки привыкли видѣть своихъ королей предводителями войска; но слабый Владиславъ-Германъ сидѣлъ дома, а начальство надъ войскомъ поручилъ гетману или воеводѣ *Сѣцѣху,* который своимъ властолюбіемъ

и заносчивостью оскорблялъ всѣхъ. Многіе недовольные бѣжали въ Богемію и вызвали туда изъ Саксоніи Збигнѣва, который, при помощи чеховъ, напалъ на Силезію и опустошалъ владѣнія своего отца. Только съ посредничествомъ короля венгерскаго прекратилось это междоусобіе и Владиславъ-Германъ призналъ Збигнѣва своимъ сыномъ.

Въ сосѣдней и соплеменной полякамъ Россіи также не было въ это время ни мира, ни счастья, отъ раздѣленія ея на многія удѣльныя княжества и отъ междоусобія князей. Даже неспособнаго Владислава-Германа звали къ себѣ на помощь князья русскіе. Такъ, князь Давидъ (ослѣпитель кн. Василька), тѣснымый великимъ княземъ Святополкомъ-Михаиломъ, искалъ помощи у Владислава-Германа, который, взявши отъ него 50 гривенъ золота, поѣхалъ съ нимъ на границу русскую. Расположившись станомъ на Бугѣ, онъ вступилъ въ переговоры съ великимъ княземъ, и получивши также отъ него подарки, не только не помогъ Давиду, но еще помолвилъ дочь Святополка-Михаилаза сына своего Болеслава, отложивши свадьбу на 5 лѣтъ, за малолѣтствомъ жениха и невѣсты.

Польша страдала отъ слабости своего государя. Поморяне продолжали выбиваться изъ-подъ ея зависимости; венгры опустошали границы королевства, чехи даже требовали дани отъ Владислава-Германа. Червоная Русь хотя и была на нѣкоторое время занята Болеславомъ Отважнымъ, но во время Владислава въ ней опять владѣли русскіе князья, какъ въ своей отчизнѣ. Вельможи польскіе враждовали между собою; Збигневъ бунтовалъ противъ отца и брата. Еще при жизни своей Владиславъ-Германъ отдалъ Збизнѣву въ удѣлъ землю мазовецкую, но этимъ не только не поправилъ, а еще ухудшилъ состояніе своего государства и, наконецъ, умеръ въ 1102 году.

Во время его царствованія послѣ завоеванія Палестины крестоносцами (1096 — 1104), евреи, начавши разсѣеваться по всему свѣту нашли себѣ пріютъ и въ Польшѣ.

Болеславъ III-й Кривоустый.

(1102—1140).

Сынъ Владислава-Германа, *Болеславъ III Кривоустый* (такъ прозванный отъ поврежденной вередомъ губы) вступилъ на престолъ отца своего, имѣя 17 лѣтъ отъ роду. Въ слѣдующемъ году (1103) онъ женился на давно-обрученной съ нимъ невѣстѣ, дочери вел. князя кіевскаго, *Збиславѣ*, которая хотя приходилась ему родственницею, но папа разрѣшилъ этотъ бракъ [1]). Какъ бы въ наслѣдство отъ отца, получилъ онъ войну съ чехами, поморянами, венграми, съ императоромъ и пруссами. Большая часть этихъ войнъ была возбуждаема вѣроломнымъ братомъ Збигнѣвомъ, который не былъ доволенъ своимъ мазовецкимъ удѣломъ, а хотѣлъ быть королемъ польскимъ.

Сорокъ семь разъ Болеславъ Кривоустый участвовалъ въ битвахъ съ непріятелями, и только одинъ разъ былъ побѣжденъ.

Война съ чехами и поморянами началась въ одно и тоже время. Въ Богеміи Болеславъ помогалъ князю Борсивою противъ брата его Святополка, и выслалъ противъ него одну часть своего войска съ воеводою *Желѣславомъ*, а съ другою частью пошелъ самъ въ Померанію. Желѣславъ побѣдилъ Святополка, но и самъ въ сраженіи потерялъ руку. Болеславъ, вмѣсто потерянной руки, подарилъ своему воеводѣ руку, вылитую изъ чистаго золота.

Поморянами тогда управлялъ (вѣроятно, въ качествѣ намѣстника королевскаго) князь *Святыборъ*, женатый на сестрѣ Болеслава Кривоустаго. Поморяне, возмущаемые Збигнѣвомъ, выгнали этого правителя (1105). Вступившись за своего намѣстника и зятя, Болеславъ сперва выслалъ противъ бунтов-

---

[1]) Поляки и русскіе издревле были братьями, не только по общему происхожденію отъ славянъ, но и по родству польск. королей съ русскими князьями. Дочь Болеслава Храбраго была за усыновленнымъ племянникомъ Владиміра святаго—Святополкомъ; дочь Владиміра святаго за королемъ Казиміромъ I-мъ. Болеславъ Отважный былъ женатъ на русской княжнѣ; сынъ его Мечиславъ также Болеславъ III-й также, и т. д.

щиковъ воеводу своего *Скарбиміра* и въ тоже время послалъ въ Мазовію къ брату Збигнѣву сказать, чтобъ и онъ спѣшилъ на помощь; но Збигнѣвъ заключилъ пословъ его въ тюрьму. Послѣ чего Болеславъ самъ пошелъ помогать Скарбиміру, осаждавшему поморскій городъ *Бѣлградъ*. Взявши городъ приступомъ, королъ помиловалъ жителей, пошелъ вглубь Помераніи и потомъ за р. Одеръ, для возвращенія подъ свою власть всего тамошняго края, утраченнаго прадѣдомъ его, неспособнымъ Мечиславомъ II-мъ. Покоривши этотъ край, Болеславъ рѣшился наказать коварнаго и непокорнаго брата Збигнѣва, и отдалъ его подъ судъ нарочито—собранной Рады, которая открыла, что Збигнѣвъ возмущалъ противъ короля поморянъ, пруссовъ и чеховъ, заключалъ съ ними союзы, давалъ имъ деньги и чрезъ своихъ шпіоновъ увѣдомлялъ ихъ о всѣхъ намѣреніяхъ и движеніяхъ короля. Рада опредѣлила изгнать Збигнѣва изъ Польши; въ слѣдствіе чего Болеславъ съ войскомъ пошелъ въ его мазовецкій удѣлъ, для исполненія приговора. Но Збигнѣвъ обратился къ покровительству тестя королевскаго, великаго князя кіевскаго Святополка-Михаила, и по его ходатайству былъ прощенъ Болеславомъ (1106).

Едва кончилъ Болеславъ это дѣло, какъ уже ему предстояла война съ нѣмецкимъ императоромъ Генрихомъ V-мъ, который хотѣлъ короля Коломана прогнать съ венгерскаго престола и, соединившись съ чешскимъ княземъ Святополкомъ, напалъ на Венгрію. Коломанъ просилъ помощи у Болеслава-Кривоуста. Чтобы раздѣлить и ослабить силы императора, король польскій напалъ на Богемію, владѣтель которой Святополкъ принужденъ былъ оставить императора, чтобы защищать свое государство. Императоръ, не сдѣлавши ничего важнаго въ Венгріи, возвратился въ Германію и поклялся отомстить Болеславу-Кривоустому.

Прежде нежели онъ собрался съ силами напасть на Польшу, Болеславъ опять долженъ былъ усмирять поморянъ, возмущенныхъ Збигнѣвомъ. Самъ Збигнѣвъ предводилъ поморянами, но во время ночной схватки былъ плѣненъ и представленъ королю. Болеславъ, по приговору военнаго совѣта, изгналъ его изъ Польши; послѣ чего бунтовщикъ обратился къ

нѣмецкому императору и началъ возбуждать его противъ своего брата.

Императоръ, соединившись опять съ Святополкомъ чешскимъ и собравши великое число войска изъ Саксоніи, Турингіи, Баваріи и Швабіи, двинулся противъ Болеслава-Кривоустаго въ Силезію. Нѣмецкаго войска было въ десять разъ больше, нежели польскаго; но послѣ неудачной осады города *Глогова*, императоръ принужденъ былъ отступить съ великою потерею. А когда Святополкъ чешскій былъ убитъ среди стана однимъ своимъ измѣнникомъ, то чехи, оставшись безъ своего повелителя, не захотѣли служить въ войскѣ императора, снялись и пошли домой. Пользуясь такимъ ослабленіемъ силъ императора, Болеславъ III-й началъ громить нѣмцовъ, и не далеко отъ Враславля такъ разбилъ ихъ, что императоръ, съ остатками своего войска, принужденъ былъ бѣжать, оставивъ поле битвы усѣяннымъ трупами, отъ терзанья которыхъ собаками и самое поле то было названо *собачьимъ полемъ* (psie pole).

Побѣда надъ нѣмцами отворила Болеславу врата въ Богемію, гдѣ онъ посадилъ на престолѣ Борсивоя, хотя, когда король опять отлучился въ Померанію, для успокоенія тамошняго волненія, то императоръ выгналъ Борсивоя. Впрочемъ, будучи не въ состояніи нанести большій вредъ королю польскому, императоръ просилъ его пріѣхать къ себѣ въ Бамбергъ, для заключенія мира (1,110). Болеславъ поѣхалъ, заключилъ миръ, самъ женился на Саломеѣ, графинѣ Бергенской [1]), и даже за шестилѣтняго сына своего Владислава помолвилъ малолѣтнюю племянницу императора—Агнессу.

Не долго Болеславъ наслаждался миромъ. Збигнѣвъ, скрывавшійся въ Богеміи, мутилъ противъ него чеховъ, пока наконецъ Болеславъ оружіемъ заставилъ чешскаго князя удалить этого возмутителя изъ Богеміи.

Збигнѣвъ бросился къ пруссамъ и ихъ поднялъ противъ Польши. Но когда Болеславъ-Кривоустый побѣдилъ и пруссовъ, то предатель—братъ притворился раскаивающимся и просилъ у короля позволенія возвратиться въ Польшу. Болеславъ позволилъ и хотѣлъ забыть всѣ его преступленія противъ себя

---

[1]) Первая супруга его, Збислава, не задолго предъ тѣмъ скончалась.

и противъ отечества. Но возвратившійся Збигнѣвъ новою дерзостью и интригами опять огорчилъ брата. Болеславъ не вытерпѣлъ,—приказалъ ослѣпить его. Это повелѣніе было исполнено съ такою торопливостью, что Болеславъ, хоть и желалъ, но не успѣлъ уже отмѣнить его. Збигнѣвъ отъ этого ослѣпленія умеръ.

Въ это время на Руси между удѣльными князьями кипѣла война. Ярославъ Святополковичъ, князь Владиміра волынскаго былъ изгнанъ родственниками изъ своего удѣла и бѣжалъ въ Польшу, Владимірское княжество досталось сыну Мономаха—Андрею, который, ожидалъ войны отъ короля польскаго Болеслава-Кривоустаго, въ отмщеніе за родственника, изгнаннаго Ярослава,—предупредилъ его и началъ опустошать сосѣднія королевскія земли. А Володарь, князь перемысльскій (зять Мономаха) опустошалъ Польшу съ другой стороны. Болеславъ, а равно и венгерскій король, помогли Ярославу. Съ польскими и венгерскими воинами подступилъ онъ къ Владиміру—волынскому, и уже мысленно торжествовалъ будущую побѣду, но, при вылазкѣ изъ города, былъ убитъ. Союзники перестали осаждать городъ и удалились изъ Россіи.

Съ Володаремъ перемышльскимъ король иначе управился: подослалъ къ нему вельможу *Петра Дунина,* который притворился недовольнымъ на короля и объявилъ желаніе навсегда остаться на Червоной Руси. Пріобрѣвши въ короткое время довѣренность князя Володаря, и даже бывши потомъ крестнымъ отцомъ дочери его, Дунинъ одинъ разъ поѣхалъ съ Володаремъ на охоту, завлекъ его въ засаду, взялъ въ плѣнъ, и привезъ въ Польшу. Братъ и сынъ выкупили знаменитаго плѣнника изъ неволи за множество золота, серебра и драгоцѣнныхъ одеждъ; а папа за такое предательство присудилъ Петра-Дунина выстроить семъ костеловъ; Дунинъ выстроилъ семдесятъ.

Померанія все еще не переставала волноваться. Думая, что тамошнія волненія происходятъ отъ языческаго невѣжества и дикости нравовъ, Болеславъ-Кривоустый искалъ проповѣдника, который бы взялъ на себя святой трудъ просвѣтить Померанію христіанскою вѣрою. Прежнія усилія распространить тамъ христіанство не имѣли успѣха, потому что прежніе проповѣдники, вмѣстѣ съ проповѣдью о Христѣ, требовали себѣ

десятины отъ новоокрещаемыхъ, такъ-что грубые поморяне даже всю сущность вѣры полагали въ платежѣ десятины. *Оттонъ*, епископъ Бамбергскій, бывшій учитель Болеслава, взялъ на себя апостольскую обязанность просвѣтить Померанію. Своимъ благоразуміемъ, безкорыстіемъ и ласковымъ обращеніемъ онъ достигъ того, что почти вся Померанія приняла св. крещеніе (1125).

Краткое время отдохновенія отъ военныхъ подвиговъ Болеславъ-Кривоустый употребилъ на внутреннее устройство своего королевства и на благочестивое путешествіе во Францію ко гробу св. Идзія и въ Венгрію ко гробу св. Стефана. Но въ 1132 году онъ опять принужденъ былъ взяться за оружіе. *Борисъ*, отвергнутый отцомъ своимъ венгерскимъ королемъ Коломаномъ, родившійся отъ Евфиміи, дочери великаго князя русскаго Владиміра-Мономаха, по смерти брата своего Стефана II-го, рѣшился отыскивать венгерскій престолъ, неправильно доставшійся родственнику его *Белѣ Слѣпому*, и просилъ помощи Болеслава. Король согласился и лично выступилъ съ войскомъ своимъ противъ Белы, которому помогали маркграфъ австрійскій и князь чешскій, но болѣе всего помогло предательство. Онъ подослалъ къ Борису многихъ венгровъ, которые, притворившись преданными ему, приняты были имъ въ ряды его войска. Но во время сраженія, вмѣсто того, чтобъ напирать на воиновъ Белы, эти предатели зашли въ тылъ Болеславу-Кривоустову, окружили его и завлекли въ засаду. Король съ великимъ урономъ, даже потерявши свою лошадь, едва успѣлъ пробиться сквозь окружившихъ его враговъ и ушелъ.

Когда все это происходило въ Венгріи, чехи—союзники венгровъ опустошали Силезію (1133). Болеславъ, возвратившись изъ Венгріи, отомстилъ чехамъ опустошеніемъ Моравіи. Наконецъ императоръ нѣмецкій Лотарій II-й (1135) склонилъ Болеслава и чеховъ къ трехлѣтнему перемирію и въ Мерзербургѣ посвятилъ Болеслава въ рыцари.

Пока король гостилъ у императора, у него въ Польшѣ нашелся измѣнникъ, начальникъ города *Вислицы* (родомъ изъ венгровъ), который тайно призвалъ галицкаго князя Владиміра и позволилъ ему опустошать окрестности города. Болеславъ,

возвратившись отъ императора, отомстилъ галицкому князю разорительнымъ наѣздомъ на его княжество. Примѣръ вислицкаго измѣнника былъ уже не первый въ царствованіе Болеслава: наклейскій правитель *Святополкъ*, правитель помераніи *Вартиславъ*, и воевода краковскій *Скарбимiръ* еще въ 1117 году бунтовали противъ короля.

Изнуренный трудами, Болеславъ III-й заболѣлъ, страдалъ цѣлый годъ, и умеръ въ 1140 году, онъ былъ великій воитель, государь благочестивый, милостывый, всегда веселый, но, по сказанію современниковъ, чрезмѣрно легковѣрный. Предъ смертью своей онъ раздѣлилъ Польшу на четыре части между своими сынами. Пятому сыну, двухлѣтнему Казиміру, не назначилъ никакого удѣла и поручилъ его опекѣ старшихъ братьевъ. Историки пишутъ что Болеславъ, раздѣляя предъ смертью Польшу, былъ уже въ разстроенномъ умѣ [1]).

Владиславъ II-й Князь Краковскій

(1140—1147).

По раздѣлу Кривоустаго, старшій сынъ его *Владиславъ* получилъ Краковъ, землю сѣрадскую и ленчицкую, Силезію и Померанію. *Болеславу* досталось Мазовія, Куявы, земля добржанская и хелмская. *Мечиславу*—Познань, Гнѣзно и Калишъ съ окрестностями, или такъ называемая *Великая Польша*,—*Генриху*—провинція Люблинская и Сандомирская, или такъ называемая *Малая Польша*.

Такимъ образомъ—польское королевство разложилось на четыре княжества, краковское, мазовецкое, великопольское и малопольское. Имя короля и самой Польши исчезло на цѣлыя 195 лѣтъ, даже до Казиміра Великаго, хотя и въ продолженіе сего времени удѣльные князья постоянно старались соединить разрозненныя части Польши, и даже нѣкоторые изъ нихъ пробовали называться королями [2]). Среди удѣльныхъ междоусобій и интригъ, понятіе о спасительномъ самодержавіи государя

---

[1]) Bandtkie, historia królestwa polskiego Tom 1. страница 298.

[2]) Było tedy królestwo bez króla, było państwo bez imienia, ponieważ polska stała się prowincyonalném księstwem, a razem wzięte księstwa, w których

ослабѣло въ Польшѣ; паны и духовенство присвоили себѣ чрезвычайную власть; каждый шляхтичъ началъ думать, что и онъ можетъ располагать судьбою своего отечества, и прежняя, прекрасная монархическая Польша мало по-малу приготовилась къ перерожденію въ бурную республику, или такъ—называемую *Рѣчь-Посполитую*, которая, хотя имѣла во главѣ своей короля, но—неудобность и даже физическая невозможность такого правленія объясняется уже однимъ именемъ *республики*, *управляемой королемъ*.

Владиславъ, князь краковскій, будучи убѣжденъ, что единодержавіе полезнѣе для государства, нежели удѣльное правленіе, хотѣлъ всѣ удѣлы своихъ братьевъ подчинить своей власти и, не прибѣгая еще къ оружію, назначилъ для того въ Краковѣ съѣздъ, или сеймъ. Но такимъ миролюбнымъ способомъ онъ не достигъ своей цѣли; ибо между панами и духовенствомъ уже было много такихъ, которые, для своихъ выгодъ, съ удовольствіемъ смотрѣли на ослабленіе королевской власти [1]). Въ главѣ такихъ недоброжелателей своего отечества были архіепископъ гнѣзненскій *Іаковъ* (по прозванію *Свинка*), воевода сандомірскій *Вшеборъ* и воевода врославскій, извѣстный графъ *Петръ Дунинъ*. Сей послѣдній даже позволилъ себѣ дерзость въ обращеніи съ своимъ государемъ—Владиславомъ, безчестно отзываясь о его супругѣ, за что, впрочемъ, былъ лишенъ зрѣнія и языка.

Послѣ неудачнаго сейма, междоусобную войну начали сандомірцы, подъ предводительствомъ своего воеводы Вшеборя (1145) [2]). Владиславъ просилъ помощи русскихъ князей, изъ которыхъ сперва Святославъ Всеволодовичъ, Изяславъ Давидовичъ и Владимірко, потомъ Игорь Ольговичъ, приходили съ войскомъ въ Польшу, помогли Владиславу удалить братьевъ изъ удѣловъ, и возвратились домой съ великою добычею. Из-

---

familia piastów panowała, przyzwoiciéj nazywały się Lechiją. W nich władza książęca coraz więcéj słabła, możnowładztwo stopniami powstawało. Historia książ. i królów polskich Teodora Wagi, 1833. страница 86.

[1]) Lubo było dosyć takich, co w tym podziale upadek kraju przewidywali, jednak przemogła liczba tych, co upatrując swych zysków, mile patrzali na umniéjszenie powagi królewskiéj. Dziéje królestwa polskiego Tom 1, стр. 299.

[2]) Przyszło potém jawnie do wojny domowéj. Najpierwsi sandomierzanie rzucili się do broni. Dziéje.... Tom 1, страница 303.

гнанные братья затворились въ Познани, гдѣ Владиславъ и осадилъ ихъ. Духовенство польское, желая показать свое участіе въ сей войнѣ, просило папу Евгенія III-го, чтобъ онъ проклялъ Владислава. Папа не соглашался до тѣхъ поръ, пока императоръ нѣмецкій Конрадъ III-й (родственникъ Владислава) не отправился въ крестовой походъ. А по выѣздѣ императора въ Палестину, Евгеній III-й прислалъ въ Польшу проклятіе на Владислава и жену его. Исполнителемъ этой кары былъ архіепископъ *Іаковъ*, который пріѣхалъ въ станъ Владислава, и торжественно проклялъ его [1]). Осажденные сдѣлали вылазку, поразили войско Владислава и его самаго обратили въ бѣгство. Онъ удалился изъ Польши.

Болеславъ IV Кудрявый

(1147—1173).

По праву старшинства между братьями, *Болеславъ Кудрявый*, князь мазовецкій сѣлъ послѣ Владислава на краковскомъ престолѣ. Какъ на Руси, во время удѣльнаго періода, тотъ изъ князей считался старшимъ, кто владѣлъ Кіевомъ, такъ теперь въ Польшѣ владѣніе Краковомъ принадлежало старшему князю.

Императоры нѣмецкіе, сперва Конрадъ III-й, а по смерти его Фридрикъ-Барберусса, вступились за изгнаннаго Владислава. Фридрикъ даже вооруженною рукою требовалъ возвращенія его владѣній; но Болеславъ Кудрявый противился до тѣхъ поръ, пока наконецъ, по смерти Владислава, принужденъ былъ уступить сыновьямъ его цѣлую область Силезію. Князья силезскіе, происшедшіе отъ Владислава, сперва состояли въ связи съ прочими правителями бывшаго польскаго королевства и признавали себя въ нѣкоторой зависимости отъ краковскаго князя, но потомъ отпали отъ Польши и присоединились къ Богеміи.

Кромѣ Силезіи, теперь же отпала отъ Польши вся славянская сторона между низовьемъ Эльбы и Одеромъ (Оботриты

---

[1]) Duchowieństwo nalegało na papieża Eugeniusza III-go, aby wyklął Władysława..... Jakób Swinka arcybiskup Gnieźnieński sam przyjechał do obozu, i wyklął ich uroczyście. Dzieje.. Tom I, стран. 303, 304.

въ Мекленбургѣ и Вилки-Лютики въ Бранденбургіи); завладѣли этою стороною и онѣмечили ее саксонцы и датчане.

Пользуясь слабостью Польши, пруссы напали на Мазовію и Куявы, и произвели тамъ великое опустошеніе. Когда Болеславъ Кудрявый съ братьями и съ войскомъ пошелъ въ Пруссію для наказанія грабителей, пруссы заманили его въ топкое болото, гдѣ истребили почти все его войско и гдѣ погибъ братъ его, сандомірскій князь *Генрихъ*.

Сандомірскій удѣлъ погибшаго Генриха достался самому меньшему сыну Кривоустаго, *Казиміру*, которому отецъ не назначилъ никакого удѣла. Этого молодаго князя любили поляки болѣе всѣхъ его братьевъ и, вслѣдъ за сандомірскою областью, краковяне предлагали ему изгнать изъ Кракова старшаго брата и самому занять его престолъ. Но благородный Казиміръ съ негодованіемъ отвергъ такое низкое предложеніе.

Болеславъ Кудрявый, умирая въ 1173 году, завѣщалъ свой мазовецкій удѣлъ 13-ти лѣтнему сыну своему Лешку, подъ опекою брата своего Казиміра, а краковское княжество, по завѣщанію Кривоустаго, досталось старѣйшему изъ оставшихся сыновъ его, *Мечиславу III-му*.

Со времени княженія Болеслава Кудряваго, начали собираться въ Польшѣ съѣзды, или сеймы знатнѣйшаго дворянства и духовенства, которые мало по-малу присвоили себѣ право избирать и перемѣнять государей, установлять и перемѣнять законы и, подрывшись такимъ образомъ подъ прежнее самодержавіе, не могли замѣнить безцѣнныхъ его выгодъ разнохарактернымъ и разноречивымъ аристократизмомъ.

Мечиславъ III Старый

(1173—1177).

Третій сынъ Кривоустаго, великопольскій князь *Мечиславъ III* (прозванный *Старымъ*), занявши краковскій престолъ, хотѣлъ священному сану государя возвратить въ Польшѣ

должное значеніе 1), возобновить прежнія подати и защитить крестьянъ и жидовъ отъ притѣсненія пановъ. Жаль, что для исполненія такихъ добрыхъ намѣреній не было у него добросовѣстныхъ исполнителей. Сіи послѣдніе, а особенно самый главный изъ нихъ, нѣкто *Кетличъ*, позволяли себѣ великія злоупотребленія и тѣмъ озлобляли подданныхъ противъ государя. Въ главѣ недовольныхъ правленіемъ Мечислава III сталъ епископъ *Гедеонъ (Гетка)*, который поѣхалъ въ Сандоміръ, и отъ имени недовольныхъ пановъ предложилъ краковскій престолъ самому младшему сыну Кривоустаго, *Казиміру*.

Казиміръ II Справедливый

(1177—1194).

Казиміръ долго не соглашался отнять у старшаго брата его удѣлъ; наконецъ, убѣжденный епископомъ, поѣхалъ и безъ затрудненія занялъ Краковъ. Мечиславъ III-й принужденъ былъ удалиться въ свой великопольскій удѣлъ. Польша нуждалась во внутреннемъ спокойствіи и въ прекращеніи безпорядковъ. Паны присвоили себѣ разныя права верховной власти и безбоязненно угнетали крестьянъ 2). Мечиславъ хотѣлъ-было исправить это зло и лишился престола. Преемникъ и братъ его Казиміръ рѣшился дѣйствовать иначе: въ 1180 году созвалъ въ Ленчицу великій сеймъ, или съѣздъ (ziazd powszechny). Духовенство, болѣе грамотное въ ту пору, нежели прочія сословія народа, было въ главѣ собравшихся пановъ. Для большей важности собранія, епископы были одѣты въ церковное облаченіе своего сана, и на этотъ разъ заслужили благодарность исторіи за то, что помогли Казиміру ограничить права помѣщиковъ надъ крестьянами. Причемъ духовенство не упустило постоять и за

---

1) Mieczysław chciał bydź istotnym Monarchą. Dzieje... Tom 1, стран., 319.

2) По мнѣнію Историковъ, основаніе сословію крестьянъ положили **военноплѣнные**; потомъ голодъ и нужда заставили вольныхъ людей закабалять себя временно или навсегда панамъ; а наконецъ были и такіе, кои, не теряя правъ личной свободы, привязаны были къ землѣ пана, на которой жили, и за которую платили своею работою, или деньгами (**чиншъ**). Были даже шляхтичи такіе (**чиншова шляхта**). Впрочемъ шляхта всеусильно старалась выходить въ паны. Въ послѣдствіи времени было только два состоянія: **панъ**, или **хлопъ**,—средняго не было.

свои права, оградивши имущество духовныхъ лицъ, въ случаѣ смерти ихъ отъ грабежа пановъ, слишкомъ обыкновеннаго въ то время.

Правила, постановленныя ленчицкимъ съѣздомъ, Казиміръ послалъ папѣ на утвержденіе. Хотя, безъ сомнѣнія, утвержденіе папы вовсе небыло нужно; но вмѣстѣ съ правилами былъ ему представленъ на утвержденіе и порядокъ престолонаслѣдія, по которому старшая линія наслѣдниковъ Кривоустаго (вопреки завѣщанію его) была устранена отъ краковскаго престола, а владѣніе имъ было предоставлено Казиміру и его потомству. Папа Александръ III утвердилъ все.

Ленчицкій съѣздъ еще сдѣлалъ одно дѣло: учредилъ при князѣ постоянный совѣтъ или *Сенатъ*. Съ этого времени польскіе государи не могли ничего важнаго предпринять безъ вѣденія Сената; а въ важнѣйшихъ дѣлахъ должны были ожидать согласія и одобренія сейма. За такую уступку своихъ правъ вельможамъ, Казиміръ получилъ названіе *Справедливаго*.

Плоды *такой* справедливости скоро оказались горьки для Казиміра. Когда онъ, не спросясь у сената, пошелъ съ войскомъ въ Червоную Русь, чтобы возвратить князю Владиміру Ярославичу галицкій престолъ, отнятый у него королевичемъ венгерскимъ Андреемъ, краковскіе паны, недовольные такимъ поступкомъ своего государя,—снеслись съ братомъ его Мечиславомъ III (1190) и пригласили его занять краковскій престолъ [1]); но Казиміръ поспѣшилъ возвратиться домой и изгналъ Мечислава изъ Кракова.

Успокоивши домашнія замѣшательства, Казиміръ справедливый обратилъ свое оружіе противъ пруссовъ и ятвяговъ, которые безпокоили польскій край своими наѣздами. Усмиривши ихъ, онъ примирился и съ королемъ венгерскимъ Белою, который хотѣлъ—было мстить ему за изгнаніе изъ Галича сына своего Андрея. По заключенному съ венграми (1193) мирному трактату, карпатскія горы были признаны границею между

---

[1]) Zajmował się właśnie przeciw zdaniu Senatu Kazimirz interessami Rusi Czerwonéj, do której sąsiedni królowie Węgierscy wdawali się..... W ciągu tych zatrudnień malkontenci przychylili się do życzeń i zabiegów Mieczysława III, który r. 1190 przybył był do Krakowa. Teod. Wagi. Hist. Książ. i Król, Polsk. 1833. стран, 91.

Венгріей и Польшею. Въ слѣдующемъ 1194 году Казиміръ неожиданно умеръ, оставивши малолѣтняго сына—наслѣдника *Лешка* и любезную полякамъ память о себѣ, какъ о такомъ государѣ, который, въ самый разгаръ вельможескаго самовластія, умѣлъ съ достоинствомъ держать бразды правленія, не оскорбляя никого и сочетавая по возможности добро и снисхожденіе съ правосудіемъ.

Лешекъ Бѣлый

(1194—1228).

Не смотря на утвержденный папою порядокъ престолонаслѣдія, паны польскіе сомнѣвались, кому принадлежитъ краковскій престолъ, по смерти Казиміра,—сыну ли его *Лешку* (за бѣлые волоса прозванному *Бѣлымъ*), или прежнему князю Мечиславу III *(Старому)*. Наконецъ согласились признать своимъ государемъ малолѣтняго *Лешка*, подъ опекою матери его княгини *Елены* (изъ русскихъ княженъ), краковскаго воеводы *Николая* и сандомірскаго воеводы *Говорека*. Мечиславъ III, почитая себя обиженнымъ, собралъ воиновъ въ Помераніи и Силезіи и подступилъ съ ними къ Кракову, откуда назащиту своего малолѣтняго государя вышли на встрѣчу съ войскомъ Николай и Говорекъ, пригласивши еще къ себѣ на помощь изъ Владиміра-волынскаго русскаго князя Романа Мстиславича (1195). Въ семи миляхъ отъ Кракова, при рѣчкѣ *Мазгавѣ*, произошла упорная битва: Мечиславъ III и Романъ Мстиславичъ были ранены; одинъ изъ сыновъ Мечислава убитъ. Обѣ противныя стороны приписывали себѣ побѣду,—слѣдовательно никто, кажется, не остался побѣдителемъ.

Въ благодарность Роману Мстиславичу за его помощь, опекуны малолѣтняго Лешка вслѣдъ за тѣмъ (1201) помогли ему занять упразднившійся галицкій престолъ. Между тѣмъ Мечиславъ III, не успѣвши оружіемъ возвратить себѣ краковскій престолъ, рѣшился возвратить его другимъ образомъ: долго убѣждалъ и наконецъ убѣдилъ княгиню Елену, чтобъ она позволила ему владѣть Краковомъ, подъ условіемъ усыно-

вить сына ея Лешка, и оставить ему по смерти своей не только краковское княжество, но и собственный свой удѣлъ въ великой Польшѣ. Елена уступила Мечиславу Краковъ и поѣхала съ сыномъ въ сандомірскій свой удѣлъ.

Въ отмщеніе Мечиславу за то, что онъ выманилъ у Лешка Краковъ, Романъ Мстиславичъ, князь галицкій началъ опустошать его владѣнія. Впрочемъ Мечиславъ не долго тѣшился краковскимъ престоломъ,—въ слѣдующемъ 1202 году онъ умеръ, на 70 году отъ роду.

По смерти Мечислава, большинство голосовъ призывало на краковскій престолъ Лешка Бѣлаго; но воевода Николай соглашался на это подъ тѣмъ только условіемъ, принятымъ всѣми, чтобы Лешекъ удалилъ отъ себя воеводу Говорека (ненавистнаго Николаю). Молодой Лешекъ такъ былъ привязанъ къ Говореку, что предпочелъ его краковскому престолу,—не смотря на то, что самъ Говорекъ, уступая общему требованію, просилъ себѣ отставки. Лешекъ уступилъ краковское княжество сыну Мечислава III, *Владыславу Тонконогому* (Laskonogi).

Романъ Мстиславичъ галицкій продолжалъ мстить Владиславу Тонконогому, какъ прежде мстилъ отцу его; но нападая на польскія владѣнія, онъ, безъ разбора границъ, опустошалъ и сандомірскій уѣздъ Лешка, за котораго мстилъ. Лешекъ сперва посылалъ просить его, чтобъ онъ прекратилъ свои набѣги, потомъ началъ сопротивляться ему вооруженною рукою. При одной такой схваткѣ (въ 1205 году), на берегу Вислы, подъ *Завихостомъ*, Романъ Мстиславичъ былъ наконецъ убитъ.

Скоро послѣ сего (1207) умеръ и воевода краковскій Николай. Послѣ его смерти, духовенство, недовольное правленіемъ Владислава Тонконогаго, просило Лешка Бѣлаго занять краковскій престолъ, который и былъ уступленъ ему Владиславомъ добровольно, безъ всякаго кровопролитія.

Лешку тогда было отъ роду около 20 лѣтъ. Съ добрымъ сердцемъ, вообще со многими прекрасными качествами, которыя составили бы украшеніе частнаго человѣка, онъ принялъ правленіе и тотчасъ отдѣлилъ отъ Польши, въ пользу младшаго брата своего *Конрада*, особый удѣлъ—Мазовію и Куявы, а управленіе отдаленною Помераніей ввѣрилъ одному изъ своихъ вельможъ, по имени *Святополку*.

Въ Галичѣ, по смерти князя Романа, произошло великое замѣшательство отъ притязанія короля венгерскаго и многихъ русскихъ князей на тамошній престолъ. Хотя жители Галича присягнули на вѣрность четырехлѣтнему сыну Романа *Даніилу*, но мать его, вдовствующая княгиня, опасаясь и крамольныхъ гражданъ и сосѣднихъ князей, удалилась съ дѣтьми въ Польшу къ Лешку Бѣлому (1206) и просила его защиты. Лешекъ просилъ Андрея короля венгерскаго вступиться за Даніила, какъ за сироту своего друга; но Андрей, думая о собственной своей пользѣ, долго не дѣлалъ ничего въ пользу сироты, и — галицкій престолъ переходилъ отъ одного князя къ другому. Наконецъ Андрей, при помощи Лешка, отнялъ Галичъ у князей Игоревичей и посадилъ въ немъ молодаго Даніила. Хотя и послѣ сего Даніилъ еще нѣсколько разъ принужденъ былъ удаляться съ престола своего, и одинъ разъ случилось даже такъ, что въ удаленіи его Лешекъ Бѣлый находилъ даже свою выгоду, выдавши за мужъ свою малолѣтную дочь за нареченнаго *галицкаго короля*, малолѣтняго королевича венгерскаго (сына Андреева) Коломана; но Даніилъ, помня благодѣяніе Лешка, всегда оставался вѣрнымъ ему союзникомъ, не смотря на столкновеніе общихъ и частныхъ интересовъ междоусобій и крамолъ.

Состояніе Польши было тогда самое безпокойное. Конрадъ, братъ Лешка Бѣлаго, не могъ спокойно сидѣть въ своемъ мазовецкомъ удѣлѣ отъ безпрестаннаго нападенія пруссовъ — язычниковъ, которые подъѣзжали почти къ самой столицѣ его — *Плоцку*, разорили въ его владѣніяхъ болѣе 200 костёловъ и требовали отъ него дани коньми и одеждами. Не всегда будучи въ состояніи удовлетворять требованіямъ ихъ, Конрадъ приглашалъ къ себѣ въ гости знатнѣйшихъ подданныхъ своихъ, отнималъ у нихъ коней и платье и такимъ образомъ расплачивался съ пруссами.

Въ великопольскомъ удѣлѣ Владислава Тонконогаго, племянникъ этого князя грабилъ и опустошалъ владѣніе своего дяди.

Въ малопольскомъ удѣлѣ бунтовали вельможи и вооружали силезскихъ князей противъ своего государя — Лешка.

Въ Помераніи намѣстникъ Лешка, Святополкъ вышелъ изъ повиновенія и самъ хотѣлъ быть удѣльнымъ княземъ.

Конрадъ мазовецкій, будучи не въ состояніи защититься отъ пруссовъ, призвалъ къ себѣ на помощь *рыцарей св. Креста*, которые состояли преимущественно изъ нѣмцовъ и были первоначально учреждены въ Палестинѣ въ 1190 году, при осадѣ Птолеманды, для хожденія за раненными и для охраненія благочестивыхъ странниковъ. Изъ Палестины они перешли въ Европу и составляли военно-духовный орденъ. Для ближайшаго и удобнѣйшаго дѣйствія рыцарей на пруссовъ посредствомъ креста и меча, Конрадъ уступилъ имъ *Хелминскую землю.* За крестоносцами наѣхало туда множество нѣмцовъ, которые общими силами истребляли пруссовъ и старались онѣмечить Пруссію.

Чтобъ установить тишину и порядокъ въ удѣлѣ двоюроднаго брата своего Владислава Тонконогаго, а равно и въ Помераніи, Лешекъ Бѣлый назначилъ сеймъ въ мѣстечкѣ *Гонсавѣ*, на который вызвалъ удѣльныхъ князей, знатнѣйшее духовенство и вельможъ. Правитель Помераніи — Святополкъ опоздалъ тремя днями, а на четвертый день пріѣхалъ, окруженный вооруженными воинами. Лешекъ тогда мылся въ банѣ. Святополкъ окружилъ баню воинами, и когда полуодѣтый Лешекъ хотѣлъ бѣжать, поймалъ его и убилъ собственною рукою.

Историки, превознося похвалами частныя добродѣтели Лешка, признаются, что онъ не имѣлъ качествъ, необходимыхъ для правителя и не умѣлъ царствовать. Въ его время, въ Польшѣ приведена была въ исполненіе воля папы Григорія VII о безбрачіи католическихъ священниковъ [1]).

Болеславъ V Стыдливый.

Надъ шестилѣтнимъ сыномъ и наслѣдникомъ Лешка Бѣлаго, *Болеславомъ V* присвоивали себѣ опеку дядя его Конрадъ мазовецкій, и двоюродный братъ Генрихъ врацлавскій,—ссорились за это право и ходили одинъ противъ дру-

[1]) Польское духовенство долго этому противилось; но когда было пущено въ ходъ мнѣніе że niewiasta, wchodząca w szluby małżeńskie z księdzem, rarzéj się jego nałożnicą niż prawą żoną staje, то ни одна дѣвица не захотѣла быть женою священника. Pamiętniki... стран. 215.

гаго войною. Подобныя междоусобія были тогда въ Польшѣ весьма обыкновенны. Фамилія Пястовъ, разросшись на многія вѣтви, не довольствовалась первоначальнымъ раздѣленіемъ Польши на четыре удѣла (см. выше), но каждый удѣльный князь раздѣлялъ свой удѣлъ между своими сыновьями, а сіи послѣдніе опять дѣлили свои участки между своими дѣтьми. Такимъ образомъ произошли князья силезскіе, врацлавскіе, лигницкіе, глоговскіе, мазовецкіе, калишскіе, познанскіе, куявскіе, ленчицкіе, плоцкіе и многіе другіе. Участки этихъ князей были такъ малы, что давали имъ возможность содержать армію не болѣе какъ изъ 300, 200, или даже изъ 100 человѣкъ. Съ такими арміями князья выходили одинъ противъ другаго, и— сражались! Нѣкоторые князья, нуждаясь въ деньгахъ, отдавали въ залогъ свои княжества, преимущественно сосѣднимъ нѣмцамъ, и такимъ образомъ очищали имъ дорогу къ мирному завоеванію польскаго края, чрезъ заведеніе въ немъ нѣмецкихъ колоній. Нѣмцовъ такъ много поселилось тогда въ Польшѣ, что трудно было рѣшить о многихъ городахъ, въ особенности о Краковѣ и Познани, польскіе ли это города или нѣмецкіе [1].

Болеславъ V (прозванный *Стыдливымъ*), достигши совершеннолѣтія, женился на Кунегундѣ, дочери венгерскаго короля Белы IV, выбился изъ-подъ опеки своихъ родственниковъ, и началъ самъ царствовать. Историки обвиняютъ его въ лѣности, безхарактерности, легковѣріи и несправедливости. Независимо отъ всего этого, царствованіе его было очень трудное и несчастное, по причинѣ междоусобія многочисленныхъ Пястовъ, а еще болѣе по тому опустошенію, какое произвели въ Польшѣ татары.

Опустошивши Россію отъ восточныхъ ея предѣловъ до западныхъ, отъ береговъ Оки до Сана, татары въ 1240 году, какъ саранча, налетѣли и на польскій край. Ханъ-Батый, съ одною частью своей орды, пошелъ опустошать Венгрію, а другую часть послалъ для разоренія Польши. Болеславъ V изъ

---

[1]) Większe mianowicie miasta tego napływu doznały, i stolice Lechii Kraków, Poznań, wątpliwą było czy były polskie czy niemeckie. Teod. Wagi historia. стран. 112. Нѣмцы принесли съ собою въ Польшу и магдебургское право.

Кракова, какъ и тесть его Бела изъ Венгріи, ушли въ Германію. Прочіе удѣльные князья и воеводы польскіе, сперва подъ *Турскомъ*, потомъ подъ *Хмѣльникомъ* и *Ленчицою* хотѣли было противустать ордѣ; но татары разбили ихъ на голову и потомъ опустошили огнемъ и мечемъ всю Силезію и Польшу. Вся Европа могла ожидать подобной участи, еслибы Батый, заливши кровью Венгрію, Польшу, Кроацію, Сербію Дунайскую Булгарію, Молдавію и Валахію, вдругъ, къ общему изумленію, не пошелъ назадъ на берега Волги.

За отсутствіемъ Болеслава V, престолъ сожженнаго Кракова, послѣ нашествія татаръ, сперва занялъ лигницкій князь—*Болеславъ Лысый*, а потомъ отнялъ у него *Конрадъ мазовецкій*. Уцѣлѣвшіе отъ татаръ и собравшіеся изъ лѣсовъ жители, будучи не въ силахъ переносить притѣсненій Конрада, призвали на свой престолъ опять Болеслава V.

Въ 1260 году татары изъ Червоной Руси опять напали на Польшу, опять сожгли Краковъ, Сандоміръ, множество селъ и съ богатою добычей возвратились назадъ. И при этомъ случаѣ Болеславъ V опять ушелъ изъ Польши въ Венгрію, оставивши своихъ подданныхъ самимъ себѣ.

Подобно татарамъ, покорившимъ своей власти весь почти свѣтъ, была тогда въ Европѣ другая власть, объявлявшая притязаніе на всеобщее господство,—власть папы. Казалось, что весь извѣстный тогда міръ былъ раздѣленъ на два государства, татарское и латинское [1]). Распространяя свое всемірное владычество, папы не переставали обращать вниманіе на сопредѣльную Польшѣ Русь, не признававшую ихъ власти и, кромѣ пастырскихъ убѣжденій, придвинули къ Польшѣ и Россіи два свои духовныя войска,—кавалеровъ св. креста, или нѣмецкихъ рыцарей, и ливонскій орденъ меченосцевъ. Первые заняли Пруссію (какъ сказано выше) и пограничную часть Польши, а другіе завладѣли Лифляндіей, издревле платившею

---

[1]) Innocenty III zdawał się władać w Europte jednêm państwem, to jest wszystkiemi w Europie łacińskiego obrządku królestwami. Kiedy najazdy Mogolskie Europę zatrwożyły, następcy jego nie przestawali wołać do krzyżowych wypraw, rozdarowywali kraje i ludy, które ich za papieżów nie znali, grozili złotéj hordzie, i z nią w imie chrześcian traktowali. Zdawało się że świat znany na dwa podzielił się państwa, na Mogolskie i łacińskie Teod. Wagi historia. стр. 103, 104.

дань русскимъ князьямъ и зависѣвшею отъ нихъ. Въ 1237 году оба эти ордена соединились подъ начальство одного гросмейстера и, сожигая на кострахъ пруссовъ—язычниковъ, заложили въ славянскихъ предѣлахъ новое нѣмецко-прусское, духовно-военное государство. Напрасно правитель Помераніи *Святополкъ* (убійца Лешка Бѣлаго) и сынъ его *Мествинъ* цѣлыя 12 лѣтъ сопротивлялись стремительному наплыву рыцарей: съ крестомъ и мечемъ въ рукахъ, они заняли и онѣмечили занятый край.

Между князьями юго-западной Руси, послѣ татарскаго погрома, сильнѣйшимъ былъ *Даніилъ Романовичъ Галицкій*. Папа обратилъ на него свое вниманіе и, желая чрезъ него привлечь Россію подъ свою духовную власть, повелѣлъ своему послу, аббату Мессинскому, возложить на Даніила королевскую корону. Но Даніилъ, хотя именовался королемъ галицкимъ, однако, имѣя главную цѣль выбиться изъ-подъ власти татаръ, не спѣшилъ подчинить себя и свой народъ новой власти—папской. Недовольный этою неудачею, папа поставилъ противъ Даніила другаго, пожалованнаго имъ короля, *Миндовга* литовскаго. Пожаловавши этого князя въ короли, папа далъ ему право и власть надъ всѣми землями, *которыя онъ отниметъ у россіянъ* 1).

Опасный врагъ Польши и Россіи, литовскій народъ, единоплеменный съ ятвягами, древними пруссами, съ Зимголою, Жмудью, Корсью, Ливью и Летголью, издревле жилъ въ дремучихъ лѣсахъ, между Нѣманемъ и Западною Двиною, въ нынѣшней виленской губерніи. До нашествія татаръ, Литва дѣлала набѣги на границы Польши и Россіи, часто была поражаема русскими и польскими князьями и принуждена была платить имъ дань звѣриными шкурами, лыками и даже вѣниками. Но въ первые годы послѣ погрому татарскаго, литовцы выступили изъ своихъ лѣсовъ, съ тѣмъ, чтобъ ограбить и покорить земли своихъ сосѣдей. Предводительствовали ими многіе князьки подъ начальствомъ главнаго князя, храбраго и хитраго *Миндовга*, имѣвшаго свою столицу въ *Керновѣ*. Грабя христіанскія земли, Миндовгъ искалъ пріязни только

---

[1]) См. примѣч. 103 къ 4-му Тому Исторіи Госуд. Рос. Карамзина.

Даніила Галицкаго, который даже женился (вторымъ бракомъ) на его племянницѣ. Но скоро за тѣмъ эти родственники поссорились между собою, и Даніилъ, вооруживши противъ Миндовга ливонскихъ рыцарей, выступилъ противъ него съ войскомъ. Находясь въ затруднительномъ положеніи, Миндовгъ бросился къ покровительству папы, принялъ по наружности христіанскую вѣру и получилъ корону; но чрезъ два года, собравшись съ силами, снова обратился къ язычеству и къ разбоямъ, гибельнымъ для Мазовіи, смоленскихъ, черниговскихъ и даже новгородскихъ предѣловъ. Даніилъ галицкій, Болеславъ Стыдливый и нѣмецкіе рыцари пошли войною на Миндовга (1258). Полезнымъ для Польши слѣдствіемъ этой войны было то, что Болеславъ покорилъ сопредѣльную и единоплеменную съ литовцами землю ятвяговъ и, присоединивши ее къ Польшѣ, подъ именемъ *Подляшья*, заселилъ ее мазурами и поляками.

Въ 1263 году Миндовгъ убитъ своими родственниками; [1]) а въ 1266 году умеръ Даніилъ Галицкій. Младшій сынъ Даніила *Шварнъ* (женатый на дочери Миндовга), получивши въ свою власть, кромѣ Галича, и литовское княжество, забылъ дружбу отца своего съ Болеславомъ и началъ грабить польскія владѣнія. Но Болеславъ побѣдилъ его и принудилъ къ миру.

Кромѣ внѣшнихъ непріятелей, внутренніе постоянно не давали покоя Болеславу: паны польскіе безпрестанно выходили изъ повиновенія и бунтовали противъ своего князя.

Управлявши болѣе 50 лѣтъ такимъ безпокойнымъ краемъ и въ такое трудное время, Болеславъ Стыдливый умеръ въ 1279 году. Ему, а еще болѣе женѣ его *Кунегундѣ*, приписываютъ распространеніе и улучшеніе соляныхъ копей въ Величкѣ и Бохнѣ. А нѣмцы, поселившіеся при немъ въ Польшѣ, принесли съ собою ремесла и художества, и своимъ примѣромъ много споспѣшествовали къ улучшенію сельскаго хозяйства. Всѣхъ вообще нѣмцовъ—колонистовъ въ Польшѣ привыкли съ того времени называть *голландцами* (Holendrami).

---

1) Сынъ Миндовга Войшелкъ, первый изъ литовскихъ князей принялъ православіе и постригся въ монахи.

Лешекъ Черный.

(1279—1289).

Не имѣя собственныхъ дѣтей, Болеславъ Стыдливый, еще за нѣсколько лѣтъ до смерти своей, назначилъ наслѣдникомъ по себѣ племяника своего сѣрадскаго князя *Лешка* (отъ черныхъ волосъ прозваннаго *Чернымъ*). Но у Лешка нашлись два соперника. *Конрадъ II*, князь мазовецкій и *Левъ князь галицкій*, — старшій сынъ Даніила. Началась война. Когда Конрадъ подступилъ къ Кракову, то нѣмцы—жители этого города дали сильный ему отпоръ и доставили побѣду Лешку, за что онъ даровалъ краковскимъ нѣмцамъ великія привиллегіи и самъ началъ одѣваться въ нѣмецкое платье. Послѣ того Лешекъ побѣдилъ и Льва (1280) и опустошилъ владѣнія его даже до города Львова. Въ отмщеніе за это Левъ призвалъ къ себѣ на помощь татаръ и съ ихъ ордою, подъ начальствомъ двухъ хамовъ—*Ногая и Телебуга*, пошелъ противъ Лешка. Поляки опять побѣдили; они, положивши на мѣстѣ татаръ до 8000 человѣкъ, взяли въ плѣнъ 2000. Ногай и Телебугъ въ 1287 году, съ новыми силами, опять явились на берегу Вислы. Тогда Лешекъ Черный бѣжалъ въ Венгрію. Хотя татары не посадили Льва на краковскомъ престолѣ, но чрезвычайно опустошили Польшу и вывели изъ нея великое число плѣнниковъ, въ томъ числѣ 21 тысячу дѣвицъ. Вслѣдъ за татарскимъ погромомъ, насталъ въ Польшѣ голодъ, а потомъ моровая язва истребившая многихъ жителей.

Послѣ десятилѣтняго, безпокойнаго княженія, Лешекъ умеръ, не оставивши наслѣдника.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ

и споръ о престолѣ между ГЕНРИХОМЪ княземъ врацлавскимъ, ПРЕМЫСЛАВОМЪ княземъ поморскимъ, ВАЦЛАВОМЪ королемъ чешскимъ и ВЛАДИСЛАВОМЪ-ЛОКОТКОМЪ княземъ сѣрадскимъ.

(1289—1306).

Междуцарствіе послѣ Лешка Чернаго и споры князей о наслѣдствѣ престола его довели Польшу до такихъ бѣдъ и не-

строеній, что только благость Божія исхитила ее изъ этой бездны безначалія, утвердивши на престолѣ сперва *Вацлава* чешскаго, а потомъ *Владислава-Локотка*.

На упраздненный престолъ ближайшее по родству право имѣлъ князь сѣрадскій *Владиславъ-Локотокъ* (такъ прозванный по причинѣ малаго роста). Но на избирательномъ сеймѣ въ Сандомірѣ Павелъ епископъ краковскій предложилъ избрать королемъ *Болеслава*, князя мазовецкаго; граждане краковскіе, преимущественно мясники, послали просить на престолъ *Генриха*, князя враславскаго; а вдова Лешка Чернаго, княгиня Аграфена (изъ русскихъ княженъ) предъявила завѣщаніе мужа своего, по которому онъ передавалъ свой престолъ *Вацлаву II*, королю чешскому.

Надъ всѣми соискателями престола восторжествовалъ *Генрихъ* вроцлавскій, который такъ внезапно овладѣлъ Краковомъ, что Владиславъ-Локотокъ принужденъ быть спрятаться въ монастырѣ францисканскомъ и потомъ, въ монашескомъ платьѣ, ушелъ изъ города.

Менѣе, нежели чрезъ годъ Генрихъ умеръ; престолъ опять сдѣлался празднымъ, и смуты опять возобновились. Хотя Генрихъ назначилъ своимъ преемникомъ *Премыслава* поморскаго, но противъ него возстали Владиславъ-Локотокъ и Вацлавъ чешскій, которые и взаимно другъ другу не доброжелательствовали. Вацлавъ опустошалъ вотчинное, сѣрадкое княжество Владислава; а пользуясь тогдашнею безурядицею Польши, на границахъ ея грабили татары, Литва и нѣмецкіе рыцари.

Наконецъ поляки рѣшились въ 1275 году предложить свой престолъ Премыславу поморскому, сильнѣйшему изъ тогдашнихъ князей. *Премыславъ*, къ утѣшенію Польши, короновался въ Гнѣзно съ своею женою, и принялъ титулъ *короля польскаго*, но не надолго: чрезъ семъ мѣсяцовъ, во время пребыванія его въ *Рогознѣ* (1296), напали на него и убили его враги добра и порядка, не довольные возобновленіемъ королевской власти и боявшіеся усиленія Польши. Эти враги были: маркграфы бранденбургскіе *Оттонъ* и *Иванъ Ангальты*, основавшіе свое маркграфство въ лѣсахъ польскихъ, и вельможи польскіе *Наленчъ* и *Заремба*.

Владиславъ-Локотокъ занялъ-было упразднившійся послѣ Премыслава престолъ краковскій, но не могъ управиться ни съ внутренними, ни съ внѣшними врагами. Противъ него были маркграфы бранденбургскіе, князья силезскіе, король чешскій и князь штетинскій: каждый изъ нихъ, оторвавши отъ Польши нѣкоторую часть ея владѣній, не хотѣлъ возвращать ее. Сверхъ того войско Владислава, пользуясь всеобщимъ безпорядкомъ, дѣлало великія притѣсненія, найболѣе въ помѣстьяхъ, принадлежавшихъ духовенству. Въ слѣдствіе чего *Андрей*, епископъ познанскій, имѣлъ дерзость произнести на своего государя анаѳему, и жители Польши, составивши въ Познани сеймъ, объявили Владислава лишеннымъ престола (1300) и поддались *Вацлаву* королю чешскому. Владиславъ-Локотокъ оставилъ Польшу и три года скитался по Европѣ.

Для обезпеченія за собою польскаго престола, *Вацлавъ* принялъ титулъ короля, короновался въ Гнѣзно и женился на дочери покойнаго короля Премыслава. Шестилѣтнее царствованіе его было очень благодѣтельно для Польши: онъ былъ строгъ, но справедливъ; возвратилъ Польшѣ многіе замки, которыми завладѣли предшественники его короли чешскіе, а равно и Люблинъ, которымъ завладѣли-было князья галицкіе; украсилъ и укрѣпилъ Краковъ и помогалъ нуждамъ новаго своего королевства изъ богемской казны. Польша отдохнула и начала приходить къ порядку; но непостоянный народъ, привыкшій къ безначалію, уже скучалъ порядкомъ и не умѣлъ цѣнить благодѣяній Вацлава [1]). Отлучившись въ другую столицу свою, Прагу, онъ тамъ скончался въ 1305 году.

Владиславъ-Локотокъ (ŁOKIETEK)

(1306—1333).

Несчастье было полезно для Владислава-Локотка: скитавшись три года по Венгріи, Германіи и Италіи, онъ пріобрѣлъ

[1]) Powoli kraj cały do ładu przychodzić zaczął. Jednak poznawał lud, jaka to różnica pod własnym albo pod obcym bydź panem. Żałowano Łokietka..:. Dziéje Tom 1, страница 377.

опытность, необходимую для управленія людьми, научился терпѣнію и укрѣпилъ свой характеръ.

По возвращеніи въ Польшу, онъ безъ большаго затрудненія занялъ свое вотчинное сѣрадское княжество; но въ соединеніи прочихъ частей Польши подъ свою власть встрѣтилъ великія препятствія. Новый король чешскій *Іоаннъ* (сынъ императора нѣмецкаго Генриха VII-го) принялъ, по примѣру Вацлава II-го, титулъ короля польскаго, и домогался, по-прежнему, соединенія польской короны съ богемскою; даже было употреблено ходатайство объ этомъ у папы. Но Владиславъ-Локотокъ выслалъ въ Римъ такъ-называемый *«грошъ для святаго Петра»* и преклонилъ папу на свою сторону 1). Только Силезія съ своими князьями теперь окончательно отпала отъ Польши и присоединилась къ Богеміи.

Жители Великой Польши поддались подъ власть Генриха князя глоговскаго, не выдавали Локотку королевскихъ регалій, хранившихся въ Гнѣзно и не прежде признали надъ собою его власть, какъ уже послѣ смерти Генриха (1309).

Въ Помераніи взбунтовались противъ Владислава-Локотка вельможи-*Швенцы*, и призвали къ себѣ на помощь маркграфовъ бранденбургскихъ, которые, овладѣвши многими замками, наконецъ осадили Гданскъ. Жители Гданска, находясь въ крайности, пригласили къ себѣ на помощь нѣмецкихъ рыцарей; а сіи послѣдніе, отразивши маркграфовъ, сами заняли Гданскъ и половину Помераніи, въ вознагражденіе—какъ они говорили—за военныя издержки. Когда Локотокъ требовалъ отъ нихъ возврата Гданска, они не иначе соглашались отдать его, какъ за 100,000 гривень—сумму, по тогдашнему времени, не оплатную. Владиславъ-Локотокъ жаловался папѣ Іоанну XXII-му на рыцарей; но хотя папа приказалъ этимъ духовнымъ своимъ воинамъ выступить изъ Помераніи, однако они не слушались св. отца и оставили Гданскъ въ своей власти.

Жители краковскаго княжества взбунтовались противъ Локотка (1311), захотѣли отложиться отъ него и призвали на свой престолъ *Болеслава*, князя опольскаго. Главными виновниками этого бунта были *Албертъ войтъ краковскій*, *Янъ*

1) Ale uprzątnął król sam tę zawadę postąpieniem świętopietrza czyli grosza dla S-go Piotra, dawną odnawiając daninę. Bandtkie Tom 1. страница 391.

Муската епископъ краковскій, и *Генрихъ аббатъ* (opat) мѣховскаго монастыря. Но Владиславъ, пришелъ съ войскомъ въ Краковъ, усмирилъ бунтъ, и виновниковъ онаго наказалъ,— въ томъ числѣ епископа Яна заключилъ въ тюрьму, а аббата выгналъ изъ Польши.

Успокоившись нѣсколько отъ подобныхъ тревогъ, Владиславъ-Локотокъ въ 1319 году короновался съ женою своею уже не въ Гнѣзно, а въ Краковѣ, и былъ отъ папы признанъ королемъ. Хотя чехи и силезсцы въ насмѣшку называли его *краковскимъ королемъ;* но онъ хотѣлъ быть и дѣйствительно былъ *королемъ польскимъ.* Для укрѣпленія себя на тронѣ польскомъ, Владиславъ счелъ необходимымъ—сблизиться съ усиливавшимся тогда литовскимъ княжествомъ, и женилъ сына своего Казиміра на литовской княжнѣ *Аннѣ Гедиминовнѣ,* которая, кромѣ богатаго приданаго, привела за собою въ Польшу болѣе 20 тысячъ поляковъ, бывшихъ дотолѣ плѣнниками въ Литвѣ и теперь получившихъ свободу.

Послѣ Миндовга, убитаго въ 1263 году, былъ княземъ литовскимъ зять его *Шварнъ,* князь галицкій (сынъ Даніила), но чрезъ два года умеръ. Послѣ него князья литовскіе *Тройденъ,* а потомъ *Витенъ,* пользуясь безпорядками и ослабленіемъ Руси, овладѣли всѣми русскими княжествами на Волыни, по рѣку Горынь, и сверхъ того Полоцкомъ, Витебскомъ и Минскомъ. А *Гедиминъ,* овладѣвши послѣ Витена литовскимъ престоломъ, захватилъ въ свою власть Черниговъ и Кіевъ, и принялъ титулъ *великаго князя литовскаго и русскаго.* Очевидно изъ документовъ историческихъ, что великое княжество литовское состояло изъ древнихъ русскихъ областей, населенныхъ русскимъ народомъ греко-восточнаго исповѣданія; только владѣтельные князья происходили изъ Литвы, да настоящихъ литвиновъ и жмуди было въ этомъ княжествѣ два или три *повѣта* (нынѣшніе два уѣзда) Виленской губерніи. Гедиминъ оставилъ прежнихъ русскихъ князей, потомковъ св. Владиміра, своими намѣстниками въ покоренныхъ имъ княжествахъ, и хотя самъ былъ язычникомъ, но дѣтей своихъ крестилъ въ православную вѣру [1]), строилъ православныя церкви, и духо-

[1]) Chętnie pozwalał familii swojéj chrzcić się na rusinów. Historia Teod. Wagi, страница 121.

венству своего княжества позволилъ зависѣть, по-прежнему, отъ московскаго митрополита. Русскіе полюбили Гедимина какъ за покровительство ихъ вѣрѣ, такъ и за освобожденіе ихъ отъ татаръ. Они видѣли въ немъ какъ-бы продолженіе линіи своихъ прежнихъ князей, съ тою, лучшею противъ прежняго, разницею, что онъ, уничтожая удѣлы, приводилъ подчиненную ему Русь къ благодѣтельному единодержавію.

Вступивши съ этимъ сильнымъ государемъ въ родство, Владиславъ-Локотокъ воевалъ при его содѣйствіи съ бранденбургскими маркграфами, хотя эта война не принесла Польшѣ никакой пользы.

Въ 1331 году *Викентій Самотульскій*, воевода великопольскій, возмутившись противъ короля, предательскимъ образомъ привелъ нѣмецкихъ рыцарей въ самую средину Польши. Казалось, чрезъ измѣну этого злодѣя-вельможи, должна была и эта часть Польши подпасть подъ власть нѣмцовъ; но Богъ помогъ Владиславу-Локотку побѣдить нѣмцовъ подъ *Пловцами*, гдѣ ихъ легло на мѣстѣ 20,000 человѣкъ.

Не долго послѣ сей побѣды жилъ Владиславъ-Локотокъ. Исполненный дней и славы, онъ умеръ въ 1333 году на 73 году своей многотрудной жизни, завѣщавъ сыну своему *Казиміру* отнять у нѣмцовъ Гданскъ и Померанію. Рѣдкій изъ королей переносилъ въ своей жизни столько горя отъ своихъ подданныхъ, какъ Владиславъ-Локотокъ. Но онъ былъ не мстителенъ, изумительно-терпѣливъ и умѣлъ расположить своихъ подданныхъ, даже вопреки желанію ихъ, если не къ благодѣтельному самодержавію, то по крайней мѣрѣ къ единодержавію.

Казиміръ III-й, Великій.

(1333—1370).

Нѣкоторые историки думали, что Казиміръ III-й получилъ имя *Великаго* за высокій ростъ свой, въ противоположность малорослому отцу своему Владиславу-Локотку; но по мнѣнію другихъ это имя принадлежитъ ему и за великія дѣла его [1]).

[1]) Dziéje królestwa polskiego Bandtkie, Tom 1. страница 425.

Вступивши на престолъ 23-лѣтнимъ юношею, Казиміръ III воспользовался мудрыми совѣтами краковскаго каштеляна *Яна Мельштина* и первое вниманіе свое обратилъ на пополненіе казенныхъ доходовъ, истощенныхъ прошедшими войнами и внутренними безпорядками. Когда это важное для благоденствія страны дѣло было исполнено, онъ, вопреки завѣщанію отца своего, началъ стараться о примиреніи Польши со всѣми сосѣдями ея, будучи готовъ на всякое пожертвованіе, лишь бы достигнуть этой цѣли и имѣть возможность заняться внутреннимъ благоустройствомъ своего государства.

Первый врагъ Польши былъ король чешскій, который, владѣя отторгнутою отъ Польши Силезіей, продолжалъ именоваться польскимъ королемъ. Вторымъ врагомъ были нѣмецкіе рыцари, которые засѣли въ Помераніи и, вмѣсто молитвы, приличной монашескому ордену, постоянно занимались грабежемъ сосѣднихъ польскихъ земель. Казиміръ III, на съѣздѣ въ *Вышеградѣ* (въ 1335 году) помирился съ обоими врагами: за королемъ чешскимъ оставилъ Силезію, но отъ него получилъ обязательство не именоваться польскимъ королемъ и не имѣть никакихъ притязаній на Польшу. Нѣмецкимъ рыцарямъ уступилъ Померанію и Хелминскую область, на феодальномъ правѣ, а отъ нихъ получилъ обратно область *Добржинскую* и *Куявы*. Этотъ послѣдній миръ съ рыцарями окончательно состоялся только въ 1343 году, потому что уступая рыцарямъ Померанію, Казиміръ вмѣстѣ съ тѣмъ отказывался взносить въ Римъ за эту область установленный *грошъ для св. Петра;* рыцари также не соглашались принять на себя этотъ платежъ; папа Венедиктъ XII сердился и долго не благословлялъ мира. Наконецъ рыцари устояли на своемъ и отказались отъ платежа.

Важныя потери, принесенныя въ жертву миру, Казиміръ съ избыткомъ вознаградилъ присоединивши къ Польшѣ Галицію.

Послѣдній князь галицкій *Георгій* (праправнукъ славнаго Даніила), подписывавшійся *«природнымъ княземъ и государемъ всей Малой Россіи»,* [1]) скончался около 1336 года, не оставивши дѣтей. Галичане и жители Владиміра Волынскаго, чтобъ

---

[1]) Кажется эта титуляція по старше и законнѣе Украины и тому подоб. названій.

не подпасть подъ власть татаръ, поддались князю *Болеславу*, сыну Тройдена мазовецкаго и *Маріи*, сестры покойнаго Георгія, женатому на дочери Гедиминовой. Болеславъ былъ воспитанъ въ греко-восточномъ исповѣданіи, но, сдѣлавшись государемъ Галиціи, не только измѣнилъ своему исповѣданію, но и подданныхъ своихъ хотѣлъ обратить въ латинскую вѣру; сверхъ того угнеталъ ихъ налогами, окружилъ себя нѣмцами, ляхами, богемцами, и ряздражалъ народъ своимъ распутствомъ. Послѣ скоропостижной смерти Болеслава (1340), Казиміръ III король польскій, будучи свойкомъ его, безъ большаго труда завладѣлъ Галиціей, обѣщавъ жителямъ не стѣснять ихъ вѣры и народности. Города Львовъ, Перемышль, Галичъ, Любачевъ, Санокъ, Теребовль и Кременецъ онъ взялъ въ свое подданство, а своимъ шуринамъ *Кестутію* и *Любарту* Гедиминовичамъ отдалъ Брестъ, Холмъ, Луцкъ и Владиміръ. Въ 1349 году Казиміръ перемѣнилъ свои намѣренія и отнялъ у шуриновъ данные имъ города, кромѣ одного Луцка; потомъ, ободрившись своими успѣхами, началъ гнать греко-восточную вѣру, притѣснялъ духовенство, и православныя церкви обращалъ въ латинскія [1]). Литовскіе князья, Олгердъ, Кестутій и Любартъ Гедиминовичи, собравши войско, пошли противъ Казиміра и отняли у него Волынь, которая, впрочемъ, въ 1366 году опять, по жребію войны, возвратилась къ Казиміру.

Между тѣмъ въ сосѣдствѣ бывшаго галицкаго княжества образовались двѣ новыя державы: *Молдавія* и *Валахія*. Здѣсь въ теченіе семи вѣковъ (отъ III до X) толпились разные полудикіе народы Азіи и Европы, изгоняя другъ друга и грабя Византійскую Имперію. Въ составъ Молдавіи и Валахіи вошли остатки древнихъ *Гетовъ*, смѣшавшіяся съ римскими поселенцами I-го столѣтія, также остатки *половцовъ* и *печенѣговъ*, и значительная часть *славянъ*. Обѣ области были греко-восточнаго исповѣданія; въ той и другой области, не зависимо отъ народнаго языка, составленнаго изъ смѣси разныхъ языковъ, церковнымъ и судебнымъ языкомъ былъ языкъ славяно-русскій. Государи этихъ земель назывались сперва *воеводами*, потомъ *господарями*.

---

[1]) Нарушевичъ, Hist. Nar. Polsk. Tom VI. стр. 114.

Во время Казиміра III между наслѣдниками молдавскаго престола произошло (1359) междоусобіе. Младшій братъ—*Петръ* выгналъ старшаго—*Стефана*, который и бѣжалъ въ Польшу просить у Казиміра помощи. Когда Казиміръ выслалъ противъ Петра свое войско, то господарь, посредствомъ военной хитрости, одержалъ такую побѣду надъ поляками, что не многіе изъ нихъ спаслись отъ смерти [1]).

Изъ всѣхъ войнъ Казиміра III видно, что онъ не былъ героемъ, а былъ только хорошій политикъ. За то на поприщѣ внутренняго управленія государствомъ, онъ обнаружилъ рѣдкія способности, которыя даютъ ему право на имя *Великаго*. Жаль только, что онъ, возвысивши престолъ польскій, былъ на немъ очень виднымъ для своихъ подданныхъ *образцомъ безнравственности и гонителемъ православія*. Прославляя великаго короля, нельзя не пожалѣть о слабостяхъ человѣка.

Славянское государство—Польша, примкнувши къ западной Европѣ при самомъ началѣ своего политическаго развитія, невольно приняла отъ тевтоновъ, саксовъ и франковъ обычаи ихъ, образъ политической жизни и законы, противные славянству. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ противоестественнымъ для славянъ [2]) феодализмомъ и федерализмомъ, вошло въ Польшу изъ среднихъ вѣковъ и *кулачное право:* право личной мести за обиду безъ участія законовъ (pochwałki i odpowiedzi), наѣзды, разбои, поединки, самоправство аристократіи. Вмѣсто законной кары за убійство человѣка, былъ въ Польшѣ установленъ платежъ за голову убитаго (głowszczyzna), 10 гривенъ за убитаго крестьянина, 15 за новопроизведеннаго шляхтича, и 60 гривенъ за знаменитаго шляхтича,—за барона, графа и т. п. Нѣмцы, поселившіеся въ польскихъ городахъ, судились по магдебургскому праву, и съ аппеляціей на рѣшенія мѣстныхъ судебныхъ инстанцій обращались изъ Польши въ Магдебургъ, или Гале. А шляхта и сельскіе жители судились по польскимъ законамъ, которые въ разныя времена были изданы не для всей Польши, но для нѣкоторыхъ ея провинцій и различались по провинціямъ. Чтобы заохотить къ заселенію городовъ,

---

[1]) Mało kto uszedł. Dziéje,... Tom 1. страница 408.
[2]) Dziéje królestwa polskiego. Bandtkie Tom 1. страница 344.

короли польскіе, въ видѣ особой привилегіи, позволяли имъ магдебургское право. Главныхъ сословій народа въ Польшѣ было четыре: духовенство, шляхта или stan rycerski, мѣщане и крестьяне; но права и отношенія этихъ сословій не были достаточно опредѣлены, и разграничены, и всѣ невыгоды такой неопредѣленности падали на крестьянъ. Города польскіе были похожи на села, а села, опустошенныя войнами и грабежами,— на безлюдныя мѣста. Ремесла и торговля находились въ младенческомъ состояніи. Жены и дочери польскихъ князей сами пряли и ткали полотно для своихъ мужей и отцовъ; а лучшее, по тогдашнему состоянію фабрикаціи, сукно выдѣлывали монахи по кляшторамъ 1). Народное образованіе ограничивалось приходскими школами, ученость скрывалась въ монастыряхъ и ограничивалась мертвою латинью. Части польскаго королевства, недавно соединенныя въ одно цѣлое, еще не крѣпко были спаяны между собою. Порядокъ престоло-наслѣдія не былъ обезпеченъ никакимъ закономъ, а зависѣлъ отъ произвола избирателей, хотя доселѣ избраніе ограничивалось одною фамиліей Пястовъ. Вотъ въ какомъ состояніи засталъ Польшу Казиміръ III, при своемъ возшествіи на престолъ.

Очень много недостатковъ Польши исправилъ и устранилъ Казиміръ III; еще больше добра хотѣлъ, можетъ быть, сдѣлать своей націи, но не могъ сдѣлать всего вдругъ, тѣмъ болѣе, что и онъ, какъ человѣкъ, имѣлъ нѣкоторыя недостатки: увлекался духомъ времени и подражалъ своимъ предшественникамъ.

Пользуясь миромъ, хотя и дорого купленнымъ, Казиміръ III обратилъ преимущественное свое вниманіе на искорененіе въ Польшѣ разбоевъ, грабежей и самоправства вельможъ и шляхты. Обезпечивши такимъ образомъ внутреннюю тишину, онъ споспѣшествовалъ умноженію народонаселенія и улучшенію сельскаго хозяйства; при чемъ не забылъ и евреевъ, оградивши ихъ отъ притѣсненій и обидъ. Гонимые въ Германіи, евреи нахлынули оттуда въ Польшу къ доброму Казиміру.

Въ 1347 году Казиміръ III созвалъ въ *Вислицу* большой сеймъ изъ знатнѣйшаго духовенства, вельможъ и шляхты и

---

1) Dziéje... Tom 1. страница 347.

предложилъ къ обсужденію и принятію собраніе законовъ, извѣстное съ того времени подъ именемъ *Статута Казимірова.* Законы онъ объявилъ обязательными для всѣхъ званій, состояній и сословій государства, и хотя не лишалъ городовъ магдебургскаго права, но апелляціи приказалъ уже подавать не въ Магдебургъ, а въ королевскіе суды, учрежденные имъ для Малой Польши въ Краковѣ, для Великой Польши въ Познани, а для Галиціи во Львовѣ. Высшею инстанціей былъ самъ король. Всѣхъ, имѣвшихъ къ нему дѣло, онъ охотно допускалъ къ себѣ и ласково выслушивалъ. Крестьяне были предметомъ особенныхъ его попеченій. Ихъ было два рода: рабы изъ военноплѣнныхъ, которыхъ Казиміръ выкупалъ за свои деньги и обращалъ въ состояніе земледѣльцевъ, и собственно крестьяне (kmieci), привязанные къ землѣ помѣщика. Защищая тѣхъ и другихъ отъ притѣсненія пановъ, Казиміръ III былъ прозванъ шляхтою *мужицкимъ королемъ* (król chłopków), чѣмъ онъ не только не обижался, но даже гордился.

Нельзя не пожалѣть, что истребляя самоправства между своими подданными и встрѣчая къ этому затрудненія, Казиміръ и самъ принужденъ иногда бывалъ даже поощрять это зло. Такимъ образомъ онъ позволялъ крестьянамъ защищаться отъ притѣсненій пановъ, даже мстить имъ за притѣсненіе собственными средствами и даже оставлять своихъ помѣщиковъ [1]). Плата за голову убитаго человѣка (głowszczyzna) и за здѣланную кому-либо рану (nawiązki) также не замѣнена Казиміромъ законной карою и оставалась въ Польшѣ даже до 1768 года, какъ памятникъ средневѣковаго варварства.

Никто изъ королей польскихъ не построилъ столько замковъ и крѣпостей, какъ Казиміръ III-й: болѣе 25 городовъ укрѣпилъ онъ каменными стѣнами, болѣе 30 замковъ построилъ и перестроилъ и почти столько же выстроилъ костеловъ. Одинъ историкъ [2]) справедливо замѣтилъ, что Казиміръ засталъ Польшу изъ мазанокъ и шалашей, а оставилъ ее каменную и кирпичную. Любимые королемъ и любившіе его крестьяне стали прилежнѣе и охотнѣе заниматься земледѣліемъ; села

---

[1]) Dziéje.... Tom 1. страница 426.

[2]) Длугошъ.

поправились и обстроились; торговля сперва избытками сельскихъ произведеній, а потомъ и предметами роскоши, начала процвѣтать. Болѣе торговля процвѣтала въ Познанія, Люблинѣ, Краковѣ и Львовѣ; нѣкоторые изъ нихъ имѣли дѣла даже съ Ганзою: а армяне поселившіеся во Львовѣ, торговали съ Азіей и Греціей. Казиміръ III-й былъ весьма хорошій хозяинъ, бережливый и—богатый государь; впрочемъ онъ не жалѣлъ общественнаго богатства для общеполезныхъ дѣлъ благосостоянія.

Въ 1347 году онъ положилъ основаніе *краковскому университету*, или какъ тогда говорили, *академіи*, устроенной по образцу парижской академіи. По тогдашнему обычаю, для учрежденія академіи требовалось, кромѣ воли короля, и благословеніе папы. Урбанъ V-й хотя благословилъ краковскую академію, но не позволилъ преподавать въ ней богословіе: парижская академія держала тогда въ своихъ рукахъ монополію по этому предмету, и польскіе монахи, искавшіе ученыхъ степеней, должны были ѣхать въ Парижъ за дипломомъ доктора богословія.

Не имѣя дѣтей мужескаго пола, Казиміръ заблаговременно созвалъ въ Краковѣ сеймъ, для избранія себѣ наслѣдника. Сеймъ, помимо прямыхъ потомковъ Пяста, избралъ *Людвига* королевича венгерскаго, взявши отъ него предварительное обѣщаніе, что онъ возвратитъ Потьшѣ отторгнутыя отъ нея области, не будетъ принимать иностранцовъ въ польскую службу и не увеличитъ податей. Этимъ обязательствомъ со стороны наслѣдника было положено начало тѣмъ *условнымъ статьямъ* (pacta conventa), которыхъ потомъ поляки всегда требовали отъ каждаго новаго короля, на которыхъ торговались о польской коронѣ, и которыя погубили Польшу, сперва обольстивши ее такъ называемою *золотою вольностью*, а на самомъ дѣлѣ развративши ее подкупами, корыстолюбіемъ и эгоизмомъ [1]) искателей польской короны и ихъ сторонниковъ.

Казиміръ III былъ три раза женатъ и имѣлъ трехъ до-

---

[1]) Był to bowiem tu początek paktów konwentów żrzodło targów i frymarków o koronę, które pózniéj doprowadziły do tak mniemanéj wolnéj elekcyi . złotéj wolności, co nie jedno polskie królestwo, lecz i wiele innych pognębiły.i Przekupieństwo, upatrzywanie własnego z uszczerbkiem powszechnego dobra zatruły potém szczerość i prostotę serc polskich.—Dziéje,.. Tom 1. стран. 399. 400

черей. Кромѣ того у него было много дѣтей незаконнорожденныхъ отъ разныхъ женщинъ, даже отъ еврейки, по имени Есѳиры. Духовенство, за такое женолюбіе его, хотѣло-было погрозить королю отлученіемъ отъ церкви, но никто изъ епископовъ не осмѣливался принять на себя объявленіе такой угрозы. Наконецъ *Мартынъ Баричко*, викарный священникъ краковской катедры, взялъ на себя это опасное порученіе; но король приказалъ секретно утопить его... По этому случаю, *для очищенія совѣсти*, Казиміръ посылалъ къ папѣ нарочитое посольство, и построилъ нѣсколько костеловъ. Съ Казиміромъ Великимъ прекратилась династія Пястовъ на польскомъ престолѣ.

Людвигъ король венгерскій и польскій

и

ДОЧЬ ЕГО

Ядвига королева польская.

(1370—1386).

Венгерскій король *Людвигъ*, сдѣлавшись, по избранію, польскимъ королемъ, скоро послѣ своей коронаціи уѣхалъ въ Венгрію, и будучи отцомъ для венгерскихъ своихъ подданныхъ, для Польши былъ—по словамъ историковъ—*отчимомъ*. Управленіе Польшею онъ поручилъ матери своей, королевѣ венгерской *Елисаветѣ* (дочери Владислава-Локотка), женщинѣ гордой и, до преклонныхъ лѣтъ, слишкомъ любившей удовольствія. Когда же потомъ мать принуждена была отказаться отъ правленія, то онъ (1378) сдѣлалъ намѣстникомъ своимъ въ Польшѣ племянника своего, князя опольскаго *Владислава*. Паны польскіе недовольны были этимъ вицекоролемъ и постоянно бунтовали. Тогда Людвигъ раздѣлилъ управленіе Польшею между тремя губернаторами, епископомъ *Завишею*, *Добиславомъ* и *Сендзивоемъ;* но и этотъ способъ правленія не могъ успокоить Польшу. Самоправство вельможъ, *наѣзды* и разбои обагряли ее кровью собственныхъ ея сыновъ. Между тѣмъ Люд-

вигъ, вопреки своему обѣщанію, присоединилъ Галицію къ Венгріи; а сосѣдняя Литва, пользуясь ошибками его царствованія, опустошала границы Малой Польши.

Не имѣя сыновъ, Людвигъ хотѣлъ, чтобы польскій престоль достался послѣ него которой-нибудь изъ двухъ его дочерей. Съ этою цѣлью, еще въ 1374 году, онъ созвалъ въ *Кошицахъ* (Кошау) сеймъ. Чтобы склонить шляхту на свою сторону, онъ уменьшилъ двумя третями платимую ею поземельную подать, съ тѣмъ что еслибы со временемъ нужды королевства потребовали большей подати, то рѣшеніе по этому прежнему должно зависить отъ сейма. Такимъ образомъ, кромѣ избранія короля, *сеймъ получилъ право и назначать подати*. Возгордясь этими правами, шляхта стала почитать себя ровною всѣмъ польскимъ вельможамъ и даже требовала уничтоженія графскихъ и баронскихъ титуловъ. Вельможи, нуждаясь въ мелкой шляхтѣ для большинства голосовъ на сеймахъ, по наружности братались съ ними, поили и кормили, а внутренно презирали ихъ [1]). Низшій классъ народа (gmin) совсѣмъ былъ забытъ и презрѣнъ: на него смотрѣли не много лучше, чѣмъ на рабочій скотъ и даже запрещали ему всякое украшеніе въ одѣяніи [2]). Мало по-малу все народонаселеніе Польши раздѣлилось на два главныя лагеря: *паны, и хлопы*.

Кошецкій сеймъ предоставилъ право наслѣдства *оной изъ дочерей Людвига, не опредѣляя имени*. Но когда Людвигъ хотѣлъ еще при жизни своей уступить польскій престолъ мужу старшей своей дочери Маріи, бранденбургскому маркграфу Сигизмунду, то поляки воспротивились этому. Сигизмундъ хотѣлъ-было вооруженною рукою захватить престоль и началъ опустошать Мазовію; но въ это самое время (1382) Людвигъ умеръ и, вмѣсто небрежнаго царствованія его, въ Польшѣ настало бурное время междуцарствія.

Главными соискателями польскаго престола были маркграфъ бранденбургскій *Сигизмундъ* и князь мазовецкій *Зимовитъ*. Тотъ и другой пришли съ своимъ войскомъ въ Польшу

---

[1]) Pamiętniki o Dziejach... wydał W. A. Maciejowski. 1839. Tom 1, страница 357, 358.

[2]) Dano prawo każdemu zapozwać do sądu człowieka gminnego stanu, którego w strojnym obaczy ubiorże. Тамъ же, стран. 352.

и зажгли въ ней междоусобную войну. Жители Малой Польши держали сторону Сигизмунда, а великополяне стояли за Земовита; тѣ и другіе взаимно опустошали свой край до 1384 года. Наконецъ поляки просили вдову покойнаго короля Людвига, чтобъ отпустила къ нимъ на престолъ меньшую дочь свою *Ядвигу*.

Пятнадцатилѣтняя *Ядвига* пріѣхала въ Краковъ, очаровала народъ своею красотою, и вскорѣ за тѣмъ была (15 октября 1284 года) торжественно коронована. Вслѣдъ за Ядвигою пріѣхалъ въ Краковъ обрученный съ нею и любимый ею женихъ, *Вильгельмъ эрцгерцогъ Австрійскій*. Но поляки, возводя молодую королеву на тронъ, *себѣ* предоставили право избрать ей мужа. Напрасно Ядвига хотѣла остаться вѣрною своему: Вильгельма не пускали къ ней въ краковскій замокъ. Когда же она нашла средство видѣться съ нимъ въ церкви францисканскаго монастыря, то и ей, своей королевѣ, не позволили отлучаться изъ замка. Огорченная невѣста схватила топоръ и слабою, дѣвическою рукою хотѣла-было разрубить запертыя ворота; но всѣ усилія ея были тщетны: подданные требовали, чтобъ королева вышла замужъ за предложившаго ей свою руку великаго князя литовскаго *Ягеллу*, находя въ этомъ союзѣ крѣпкій залогъ величія Польши и единственное средство—спастись отъ угрожавшей ей погибели.

Польша, скоро послѣ развитія своего, начала клониться къ паденію, и въ самой себѣ носила сѣмя разрушенія: короли ея спорили съ папою и съ императоромъ за королевскій титулъ, съ родственниками—за краковскій престолъ; народъ раздѣлялся на природныхъ поляковъ, на переселенцевъ нѣмецкихъ, и евреевъ: тѣ и другіе имѣли свой особый языкъ, свои обычаи, свой особый судъ и расправу. На божественной службѣ, въ дѣлахъ судебныхъ и въ словесности господствовалъ языкъ латинскій, непонятный для большей части народа; вельможи неслушали королей; доховенство проклинало ихъ. При такомъ разногласіи правъ, уставовъ, языка и понятій, Польша не могла бы долго существовать въ видѣ самостоятельнаго государства: ей не доставало внутренней силы, которая возникаетъ только подъ вліяніемъ родныхъ уставовъ роднаго языка, родныхъ

обычаевъ, при неразрывномъ согласіи всѣхъ условій общественныхъ [1]). Сверхъ всего этого, Польшѣ со всѣхъ сторонъ угрожали истребленіемъ сосѣди ея: чехи, нѣмецкіе рыцари, венгры и Литва: ей нужна была опора и защита.

Лучшіе изъ поляковъ угадали, что самая надежная опора и защита для ихъ отечества состоитъ въ томъ, чтобъ оно соединилось съ Россіей, если тогда еще не со всею, по крайней мѣрѣ съ тѣми частями ея, которыя составляли Великое Княжество Литовское, и надъ которыми владычествовалъ *Ягелло*,—одинъ изъ сыновъ *Ольгерда*. Кромѣ этой политической цѣли, была еще цѣль религіозная: Ягелло, крещенный въ православіи съ именемъ Іакова, сватаясь за Ядвигу и обѣщая соединить свое княжество съ Польшею, вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ самъ присоединиться къ римской церкви и не только литвиновъ-язычниковъ, но и русскихъ православныхъ христіанъ обратить въ христіанъ католическаго исповѣданія. Во всемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ было литвиновъ-язычниковъ не болѣе $1/12$ народонаселенія; князья литовскіе и подданные ихъ обнаруживали явную наклонность къ греко-восточному исповѣданію христіанской вѣры; рѣдкій изъ князей былъ женатъ не на христіанкѣ, княжнѣ русской и самъ не крестился. Для польскаго духовенства открывался случай—такую наклонность Литвы къ христіанству обратить въ пользу своей церкви, и—Ядвига рѣшилась отдать свою руку Ягеллѣ [2]).

Ягелло (въ 1386 году) пріѣхалъ въ Краковъ, присоединился къ римско-католической церкви, подъ именемъ *Владислава*, обвѣнчался съ Ядвигою и короновался королемъ польскимъ, давъ предварительно присягу ввести латинскую вѣру

---

[1]) Устряловъ. Рус. Ист. Томъ 1. [изд. 1849] стран. 164, 165.

[2]) Młoda królowa przez względy na religią i dobro kraju skłoniła się dadź rękę Jagielle. Dziéje.. Tom 1, стран, 457. Нѣкоторые историки думаютъ, что Ягелло былъ до того времени язычникомъ; но въ этомъ отношеніи не устранены слѣдующія противорѣчія: Ягелло былъ сынъ тверской княжны—христіанки и Ольгерда, который хотя въ продолженіе своей жизни измѣнялъ христіанству, однако умеръ не только христіаниномъ, но еще монахомъ-схимникомъ, подъ именемъ Алексія; братья Ягелловы, Андрей-Дмитрій, Скиригайло, Ѳеодоръ, и другіе,—дяди его Явнутъ и Наримундъ, были христіане; самое имя **Ягеллы** есть переводъ на литовскій языкъ христіанскаго имени, **Іаковъ**:—не говоритъ ли все это въ пользу того факта, что Ягелло и до брака своего съ Ядвигою былъ уже христіаниномъ—только не западной, но восточной церкви?

въ Литвѣ и соединить свое княжество съ Польшею въ одно государство.

III.

ПОЛЬША,

подъ правленіемъ королей изъ дома Ягеллоновъ.

(1386—1572)

Владиславъ II Ягелло.

(1386—1434).

Младшій изъ одинадцати сыновъ Ольгерда—*Ягелло* былъ отъ отца назначенъ преемникомъ великокняжескаго литовско-русскаго престола. Кромѣ старшихъ его братьевъ, обиженныхъ такимъ предпочтеніемъ, еще болѣе обижался этимъ братъ и сподвижникъ Ольгерда *Кейстутъ*, который, по тогдашнимъ понятіямъ, почиталъ себя законнымъ наслѣдникомъ послѣ своего брата. Ягелло заключилъ дядю въ темницу и тамъ замучилъ; послѣ чего старшіе братья его, а равно и сынъ Кейстута Витолдъ, опасаясь и за свою участь, разбѣжались въ сосѣднія государства,—первые большею частью въ Москву, а послѣдній въ Пруссію. Ягелло остался единовластилелемъ великаго княжества литовско-русскаго и, какъ сказано выше, въ 1386 году сдѣлался сверхъ того королемъ польскимъ.

Такимъ образомъ — соединеніе Польши съ Россіей началось со вступленія Владислава Ягеллы на польскій престолъ. Этого соединенія желали обѣ стороны: Ягелло предложилъ, Польша съ радостью: приняла [1]). Та часть Россіи, которою

---

[1]) Propozycja ta dobrze przyjęta. Teod. Wagi Historya... стран. 142. Szczęśliwe złączenie obojga narodów sprawiło radość powszechną po całym chrześciańskim świecie. Dziéje Tom 2, стран. 18.

владѣлъ Ягелло подъ именемъ великаго князя литовско-русскаго, и съ которою въ 1386 году соединялась Польша, состояла изъ нынѣшнихъ губерній виленской, ковенской, минской, гродненской, витебской, могилевской, черниговской, кіевской, волынской и каменецъ-подольской. Изъ соединенія Польши съ этою великою частью Россіи готово было составиться огромное государство, съ ощущительнымъ перевѣсомъ силы надъ прочими сосѣдними государствами. Большинство народонаселенія въ этомъ соединявшимся государствѣ состояло изъ русскаго народа, а старшинство, съ титуломъ королевства, было на сторонѣ Польши. Чтобы слить оба народа въ одно политическое тѣло, польское духовенство придумало, а правительство пустило въ ходъ слѣдующее средство: обратить литовскую Русь восточнаго исповѣданія къ римскому исповѣданію. Этимъ средствомъ, хотя не скоро, достигли желаемой цѣли, только не съ той стороны, съ которой хотѣли. Литовская Русь, по естественному взаимному другъ къ другу влеченію однородныхъ частей, рано или поздо должна была возвратиться къ первобытному соединенію съ московскою Русью. А какъ сама Польша усиливалась связать свою судьбу съ судьбою литовской Руси и составить съ нею одно тѣло, то изъ этого вышло естественное слѣдствіе, что и Польша должна была неминуемо, вмѣстѣ съ Литвою, войти въ составъ одной державы Русской,—каковое событіе совершилось не скоро и послѣ многихъ кровопролитныхъ столкновеній и недоразумѣній.

Вскорѣ послѣ своей коронаціи, Ягелло съ Ядвигою и со многими польскими панами поѣхалъ въ Вильно, гдѣ немедленно приступилъ къ уничтоженію древняго литовскаго язычества: неугасаемый огонь въ честь *Перкуна* онъ велѣлъ погасить, боготворимыхъ змѣй убить, и священныя рощи вырубить. Литвины-язычники ожидали, что боги ихъ непремѣнно вступятся за себя и накажутъ князя за истребленіе святыни. Но когда боги не сдѣлали чуда въ отмщеніе за свою обиду, то язычники презрѣли ихъ и охотно шли креститься,—тѣмъ болѣе, что князь и княгиня раздавали имъ при крещеніи новые, бѣлые, суконные кафтаны и кожаные сапаги, въ замѣнъ прежнихъ рубищъ и лаптей. При этомъ случаѣ, Ягелло толковалъ для новопросвѣщенныхъ, на литовскомъ языкѣ, символъ вѣры

и молитву Господню, закрѣпляя свою проповѣдь и денежными подарками. Для духовнаго управленія крестившеюся Литвою, тогда же было учреждено въ Вильнѣ Латинское епископство и семъ приходовъ [1]).

Но къ святому дѣлу обращенія язычниковъ немедленно примѣшались корыстолюбивые виды прозелитизма: окрестивши язычниковъ, польскіе прелаты захотѣли и христіанъ восточнаго исповѣданія перекрещивать въ латинскую вѣру. Ягелло, побуждаемый духовенствомъ, издалъ законъ, что только тѣ дворяне великаго княжества литовскаго могутъ пользоваться правами польскихъ шляхтичей, кои принадлежатъ къ римско-католической церкви,—запретилъ католикамъ жениться на христіанкахъ греко-восточнаго исповѣданія и не велѣлъ опредѣлять не католиковъ къ государственнымъ должностямъ [2]); а двухъ литовскихъ вельможъ православнаго исповѣданія, не хотѣвшихъ измѣнить вѣрѣ своихъ предковъ, даже замучилъ [3])....

Возвращаясь въ Польшу, Ягелло оставилъ своимъ намѣстникомъ въ Литвѣ брата своего—Скиригайла (1387).

Православные жители великаго княжества литовскаго, будучи жестоко оскорблены отъ Ягелла гоненіемъ ихъ религіи, обратились къ двоюродному брату его *Витолду,* скрывавшемуся въ Пруссіи. Витолдъ, съ войскомъ прусскихъ рыцарей, пришелъ въ Литву и почти безъ сопротивленія занялъ великокняжескій престолъ, а Скиригайлѣ далъ въ управленіе городъ Кіевъ, гдѣ сей князь, свирѣпый нравомъ и любившій вино до крайности, скоро умеръ.

Витолдъ (въ св. крещеніи Александръ), будучи хитрѣе, властолюбивѣе и сильнѣе Ягеллы, управлялъ литовскою державою независимо отъ польскаго короля, и самъ хотѣлъ принять титулъ *литовскаго короля.* Онъ вмѣшивался въ дѣла нѣмецкихъ рыцарей и, неоднократными побѣдами, едва не сокрушилъ ливонскаго ордена. Татары также трепетали его: онъ очистилъ отъ ихъ улусовъ все пространство между Днѣпромъ

---

[1]) «Założenie biskupstwa wileńskiego i siedmiu plebanii» служитъ, между прочимъ, очевиднымъ доказательствомъ, что литвиновъ-язычниковъ было очень немного,—составилось только 7 приходовъ.

[2]) Dziéje królestwa polskiego Tom 2. стран. 35, 37.

[3]) См. примѣчаніе 110 къ 5 Тому И. Г. Р. Карамзина.

и Азовскимъ моремъ, и оттуда нѣсколько тысячъ татаръ переселилъ въ Литву, гдѣ и теперь живутъ ихъ потомки. Честолюбіе Витолда простиралось еще дальше: онъ хотѣлъ господствовать даже надъ Золотою Ордою, поддерживая хана *Тохтамыша* въ его борьбѣ съ ужаснымъ *Тамерланомъ*. Но полководецъ сего послѣдняго, *Эдигей*, на берегу рѣки Ворсклы, такъ поразилъ войско Витолда, что едва только третья часть его спаслась бѣгствомъ. Всѣ области русскія, отъ Ворсклы до города Луцка, были опустошены татарами.

Съ московскою Русью Витолдъ также не ладилъ, не смотря на то, что дочь свою *Софію* выдалъ за мужъ за великаго князя московскаго *Василія Дмитріевича* (сына Донскаго). Въ 1395 году онъ, посредствомъ коварства и обмана, завладѣлъ Смоленскомъ и уже простиралъ свои алчные виды на Псковъ и Новгородъ. Зять его великій князь московскій—Василій Дмитріевичъ ѣздилъ къ нему въ Смоленскъ, чтобы, наконецъ, утвердить какъ-нибудь границы между его и своими владѣніями. Захваченное и присвоенное Литвою достояніе св. Владиміра простиралось отъ псковскихъ границъ—съ одной стороны—до Галиціи и Молдавіи, а съ другой до береговъ Оки, до Курска, Сулы и Днѣпра, словомъ—вся южная Россія была уже въ рукахъ Витолда. Можайскъ, Боровскъ, Калуга и Алексинъ были пограничными московскими городами. Чтобы совершенно отдѣлиться отъ московской Руси, Витолдъ въ 1425 году рѣшился прекратить и церковную связь своихъ подданныхъ съ Москвою: указалъ своимъ епископамъ избрать и посвятить особаго митрополита для литовской Руси (*Григорія Цамблака*).

По смерти зятя своего, великаго князя московскаго Василія Дмитріевича, Витолдъ напалъ на владѣнія малолѣтняго внука своего *Василія Василіевича* и осадилъ псковскій городъ *Опочку* (1426); потомъ подступилъ къ новгородскому городу *Порхову*. Новгородцы купили у него миръ за 55 пудовъ серебра.

Въ 1429 году, имѣя уже 80 лѣтъ отъ роду, Витолдъ, съ цѣлію возложить на себя корону литовскаго королевства, принималъ у себя въ *Луцкѣ* и, въ продолженіе 50 дней, великолѣпно угощалъ короля польскаго Ягеллу, императора нѣмецкаго Сигизмунда, императора греческаго Іоанна III, датскаго

и шведскаго короля Эрика, гросмейстера нѣмецкихъ рицарей, многихъ князей русскихъ и хановъ татарскихъ. Нѣмецкій императоръ охотно соглашался дать ему корону и титулъ короля; но Ягелло и паны польскіе [1]) всѣми мѣрами противились этому, не желая разстаться съ мыслью о соединеніи Польши съ литовскою Русью. Ягелло (также 80-ти лѣтній старикъ) даже *предлагалъ Витольду польскую корону послѣ своей смерти*, лишь бы онъ не возлагалъ на себя особой, литовской короны. Съѣздъ кончился ничѣмъ.

Въ слѣдующемъ 1430 году опять былъ у Витольда поэтому случаю съѣздъ въ *Трокахъ* и въ *Вильнѣ*. Около семи недѣль пировали у него внукъ его великій князь московскій Василій, князья тверскій, рязанскій, одоевскіе, мазовецкіе, ханъ перекопскій, послы императора греческаго, гросмейстеръ прусскій, ландмаршалъ ливонскій и король польскій Ягелло. Уже и корона была выслана Витольду отъ нѣмецкаго императора; но польскіе паны перехватили ее въ дорогѣ [2]), а папа, по просьбѣ Ягеллы, не далъ своего благословенія на коронованіе Витольда. Огорченный Витольдъ, заболѣлъ; гости разъѣхались и—онъ умеръ.

Хотя соединеніе литовско-русскаго великаго княжества съ Польшею не могло такъ скоро совершиться, какъ желали того поляки, но королева Ядвига восполнила эту неудачу розвращеніемъ отъ Венгріи тѣхъ галиційскихъ замковъ и городовъ, которыми незаконно овладѣлъ отецъ ея Людвигъ, какъ-то: Ярославля, Перемышля, Галича, Львова, Трембовля и др. Полякамъ чрезвычайно хотѣлось присоединить къ себѣ и Подолію, но ее крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ Витолдъ. Набожная Ядвига, желая споспѣшествовать распространенію христіанской вѣры между литвинами, воспитывала на свой счетъ въ Прагѣ (въ тамошнемъ университетѣ) нѣсколько литовскихъ юношей, для приготовленія ихъ къ священнической должности на родинѣ и убѣдила Ягеллу распространить краковскій университетъ. Къ характеристикѣ того времени должно

---

[1]) Въ особенности **Янъ Тарновскій** воевода, **Сендзивой Остророгъ** воевода и **Збигнѣвъ Олесницкій**, епископъ краковскій.

[2]) Teod. Wagi Historya стран. 148. Dziéje Bandtkiego. Tom 2, стр. 42.

отнести то непріятное обстоятельство, что и добродѣтельная Ядвига, даже на тронѣ, не избѣгла самой гнусной клеветы. Краковскій подкоморій *Гнѣвошъ* очернилъ ее предъ Ягелломъ, будто въ отсутствіи его пріѣзжалъ къ ней прежній женихъ ея Вильгельмъ австрійскій и будто королева имѣла съ Вильгельмомъ непозволительное обращеніе. Королева должна была присягою подтвердить свою невинность и успокоить подозрительнаго супруга [1]). Въ 1399 году она умерла, бывши, кажется, не совсѣмъ счастливою въ супружеской жизни.

Не имѣя отъ Ядвиги дѣтей, Ягелло, послѣ ея смерти, хотѣлъ-было возвратиться въ Литву; но польскіе паны убѣдили его остаться у нихъ королемъ и жениться на внучкѣ Казиміра III, *Аннѣ*, не смотря на ея безобразіе.

Земля Добржинская, принадлежавшая прежде Польшѣ, находилась съ нѣкотораго времени въ залогѣ у нѣмецкихъ рыцарей за одолженные ими опольскому князю Владиславу 50 тысячъ злотыхъ польскихъ. Желая выкупить эту землю, Ягелло, послѣ предварительныхъ *сеймиковъ* по повѣтамъ, назначилъ (1404) великій сеймъ въ *Корчинѣ*, на которомъ поляки согласились взнести единовременно поземельной подати еще по 10 грошей сверхъ прежнихъ двухъ. Такимъ образомъ собрали требуемую сумму и выкупили Добржинскую землю.

Можно было тогда же выкупить отъ чеховъ и Силезію. Король чешскій Вацлавъ просилъ за нее у Ягелла только 400 вооруженныхъ воиновъ, для пособія въ войнѣ съ королемъ венгерскимъ; но поляки не захотѣли служить въ чужомъ войскѣ [2]) и—дѣло не состоялось.

Подобную же неудачу потерпѣла Польша и въ предполагаемомъ тогда возвращеніи отъ нѣмецкихъ рыцарей Помераніи и Хелминской земли; и въ этой неудачѣ виновны были сами поляки. Съ 1408 по 1411 годъ они воевали съ нѣмецкими рыцарями. Послѣ многихъ нерѣшительныхъ битвъ, 22-го іюля 1410 года произошло, наконецъ, въ Пруссіи, между *Гринвальдомъ* и *Таненбергомъ*, такое счастливое для поляковъ сра-

---

[1]) А клеветникъ былъ наказанъ только тѣмъ, что na sėjmie wiślickim musiał kłamstwo swoję pod ławą w senacie odszczekiwać. Dziėje... Tom 2. стр. 23.

[2]) Polacy sami lenności obowiązku na siebie przyjmować nie chcieli. Dziėje. Tom 2. страница 26.

женіе, что рыцарей пало на немъ около 50 тысячъ человѣкъ и самъ гросмейстеръ ихъ *Ульрихъ де-Юнгингенъ* былъ убитъ. Вся Пруссія, кромѣ замка *Мальбурга*, была въ рукахъ поляковъ. Командоръ рыцарей—*Генрихъ де Плавенъ* вышелъ изъ замка къ Ягеллѣ, просилъ мира, и отдавалъ обратно Померанію и Хелминскую землю. Но безразсудные совѣты пановъ польскихъ, несогласіе между самыми совѣтниками и недѣятельность Ягеллы, были причиною, что Польша не умѣла взять обратно своихъ областей [1]. Полякамъ захотѣлось непремѣнно взять приступомъ Мальбургъ. Но рыцари защищались съ такимъ ожесточеніемъ, что поляки, послѣ тщетныхъ усилій, принуждены были въ слѣдующемъ 1411 году принять предложенный имъ миръ уже безъ тѣхъ уступокъ, какія дѣлали рыцари въ предъидущемъ году.

Паны польскіе-совѣтники Ягеллы виновны и въ томъ, что онъ не умѣлъ соединить подъ одинъ скиптръ съ Польшею Богемію, которая сама просила о томъ. Въ Богеміи кипѣло тогда междоусобіе. *Іоаннъ Гуссъ* и *Іеронимъ Прагскій*, за возстаніе противъ злоупотребленій папы, были, по приговору констатцкаго собора, сожжены живыми. Народъ раздѣлился на двѣ части, —на гусситовъ и католиковъ, которые взаимно рѣзали и жгли другъ друга. По смерти короля Вацлава, чехи не хотѣли принять брата его Сигизмунда на свой престолъ и просили (1420) Ягеллу быть королемъ ихъ. Но паны польскіе лучше придумали, какъ имъ казалось, присовѣтовавши своему королю не принимать богемской короны, но помочь Сигизмунду въ занятіи богемскаго престола—съ тѣмъ чтобъ онъ, сдѣлавшись королемъ богемскимъ, возвратилъ Польшѣ Силезію. И то, и другое было потеряно.

Сорокавосьмилѣтнее царствованіе Владислава Ягеллы въ Польшѣ было исполнено самыхъ прекрасныхъ намѣреній со стороны короля, и самыхъ жалкихъ неудачъ, происходившихъ отъ совѣта и распоряженій польской аристократіи. Частые сеймы болѣе и болѣе подрывали монархическую власть, и пре-

---

[1] Odrzucono te ofiary za radą Zbigniewa Brzeziskiego marszałka królewskiego,... opieszałość w oblenżeniu zamku, odjazd Witołda, nieczynność króla, a na reszcie i różność zdań w radzie sprawiły to, że nie dobyto Malborka. Dziéje.. Tom 2, страница 32, 33.

вращали Польшу въ республику. На ородельскомъ сеймѣ 1413 года было постановлено, чтобы Литва, безъ воли короля и сената польскаго, не избирала себѣ великаго князя, и взаимно,— чтобы поляки, безъ вѣдома Литвы, не избирали себѣ короля, чѣмъ положено начало политическаго соединенія Литвы съ Польшею. На едлинскомъ сеймѣ (w Jedlnie) 1430 года, по случаю избранія въ наслѣдники Ягеллѣ *того изъ сыновей его, который будетъ способнѣйшимъ*, польская шляхта выторговала себѣ у короля освобожденіе отъ денежныхъ податей и другихъ повинностей, отъ всякаго преслѣдованія за преступленія *безъ явныхъ доказательствъ* и взяла съ короля обязательство, что онъ *не будетъ чеканить монеты, безъ соизволенія сената.*

Въ литовско-русскомъ великомъ княжествѣ послѣ Витолда занялъ престолъ братъ Ягеллы *Свидригайло.* Хотя подданные любили его за покровительство православной вѣрѣ; но постоянное пьянство его, вѣтренность и неистовство не обѣщали счастья для Литвы. Онъ питалъ непримиримую вражду къ брату Ягеллѣ, даже удержалъ его у себя плѣнникомъ [1]), и хотя потомъ выпустилъ, но съ Польшею началъ самую кровопролитную войну, въ которой и литовскіе руссы жестеко мстили Ягеллѣ за униженіе ихъ вѣроисповѣданія [2]). Противъ Свидригайла выступилъ братъ Витолда *Сигизмундъ*, поддерживаемый поляками. Онъ изгналъ Свидригайла изъ Литвы и объявилъ себя великимъ княземъ, съ обязанностью платить королю польскому подать, памогать ему во всѣхъ его войнахъ, уступить Польшѣ Волынь и Подолію и не думать о королевской коронѣ. А Ягелло обѣщалъ, что не будетъ болѣе обращать русскія церкви въ латинскіе костелы, предоставитъ всѣмъ свободу вѣроисповѣданія и оставитъ каждаго при своихъ правахъ [3]). Свидригайло, собравши огромное войско изъ русскихъ нѣмцовъ и татаръ, пошелъ противъ Сигизмунда... Среди этихъ кровавыхъ междоусобій Владиславъ Ягелло умеръ на 86 году своей жизни.

Послѣ первыхъ двухъ женъ,—Ядвиги и потомъ Анны,

---

[1]) Więził króla Dziéje. Tom 2. стран. 44.

[2]) Rusini urażeni o to, że król bardziéj łacińskiemu, jak greckiemu sprzyjał obrządkowi, gnębili Łacinników i burzyli kościoły katolickie na Rusi. Dziéje. Tom 2. стран 44.

[3]) Że odtąd cerkwie Russkie na kościoły łacińskie nie będą obracane, i każdy przy swoich prawach zostanie. Тамъ же, стран. 45.

онъ еще два раза былъ женатъ. Отъ послѣдней жены Софіи оставилъ двухъ малолѣтнихъ сыновъ,—Владислава и Казиміра.

Историки хвалятъ Ягелла за его щедрость, набожность и трезвость, но не скрываютъ и того, что щедрость у него доходила иногда до расточительности. Даже для жалованья войску у него часто не было денегъ; даже папа, не получая отъ него *гроша для св. Петра*, принужденъ былъ самъ отказаться отъ этой дани. У Ягеллы было правило: половину только давать того, о чемъ его просили, а потому злоупотребители милостей его всегда просили у него вдвое больше противъ надлежащаго. Набожность Ягеллы доходила до нетерпимости другихъ вѣроисповѣданій: для униженія грековосточнаго вѣроисповѣданія, онъ положилъ въ Польшѣ начало тѣмъ кровавымъ междорсобіямъ, которыя погубили эту державу [1]). Будучи воздерженъ въ питьѣ и не употребляя ничего, кромѣ воды, онъ былъ за то слишкомъ не воздерженъ въ пищѣ, и спалъ до полудня, а правосудіемъ вовсе не отличался. Внутренніе разбои и *наѣзды* продолжались по прежнему во все время долгаго его царствованія. Буйная шляхта разграбила даже Ченстоховскій монастырь, а Ягелло въ это время забавлялся охотою [2]). Можетъ быть, Ягелло не заслужилъ бы этихъ упрековъ отъ исторіи, если бы не былъ своими подданными стѣсненъ и ограниченъ въ своей власти. Тѣ самые, которые ожидали для Польши всякаго благополучія отъ дарованія народу, т. е. шляхтѣ, разныхъ свободъ и вольностей (przez nadanie różnych swobód i wolności), осуждаютъ Ягеллу за излишнее подчиненіе чужимъ совѣтамъ (zbyteczne przestawanie na cudzéj radzie [3]). Въ духѣ

---

[1]) Jagiełło pierwszy, prawda, uniesiony podobną zbytnią gorliwością, zakazał małżeństwa katolikom z rusinkami i starał się od urzędów w Litwie odsunąć na zawsze russinów, żeby łaciński obrządek mógł otrzymać pierwszeństwo. Dziéje. Tom 2 стр. 37. Онъ вмѣстѣ съ Ядвигою и ксендзами путешествовалъ по разнымъ областямъ русскимъ и лично обращалъ русскихъ въ латинство, строилъ костелы, учреждалъ кляшторы и первый латинскій костелъ въ Бѣлоруссіи построенъ его иждивеніемъ, въ м. Обольцахъ, въ нынѣшней могилевской губерніи. Этотъ костелъ былъ первымъ разсадникомъ римско-католичества въ этой, искони православно-русской землѣ.

[2]) Szlachty rozbójniczéj zgraja splondrowała pod jego panowaniem klasztor Częstochowski, gdy król o wszystkiém zapomniawszy bawił się jedynie myśliwstwem na łowach. Dziéje. Tom 2. стр. 47.

[3]) Тамъ же, страница 46.

пропаганды римской, онъ учредилъ латинское, титулярное епископство кіевское, хотя Кіевъ, будучи столицею православія для всей Руси и имѣя своего митрополита, вовсе не нуждался тогда въ латинскомъ епископѣ.

Владиславъ III

(1434—1444).

Старшему сыну Ягеллы, Владиславу, было только 10 лѣтъ отъ роду, когда умеръ отецъ его. Не смотря на то, что па едлинскомъ сеймѣ (1430 года) поляки торжественно обѣщали наслѣдство престола *способнѣйшему изъ сыновъ Ягеллы*,—теперь они не хотѣли избирать своимъ королемъ ни старшаго, ни младшаго его сына. Только кардиналъ – епископъ краковскій *Збигнѣвъ Олесницкій*, облагодѣтельствованный покойнымъ Ягелломъ, стоялъ за сыновъ своего благодѣтеля и наконецъ успѣлъ убѣдить всѣ чины къ избранію на польскій престолъ старшаго сына — *Владислава*, подъ опекою матери его Софіи и нѣсколькихъ сенаторовъ. А какъ молодой король, по несовершеннолѣтію, не могъ присягать на pacta conventa, то мать его поручилась въ выполненіи имъ присяги по достиженіи совершенныхъ лѣтъ. Десятилѣтняго Владислава короновали.

Несчастное тогда было состояніе Польши,—отъ самоуправства вельможъ, отъ ограниченія королевской власти, отъ недостатка казны, отъ ссоръ духовенства съ духовными его чадами за десятину и отъ взаимной вражды между разновѣрцами [1])! Воеводичъ краковскій *Спытекъ-Мельшинскій* открыто воевалъ съ кардиналомъ *Збигнѣвомъ*. Силезская шляхта съ одной стороны, а нѣмецкіе рыцари съ другой стороны опустошали границы польскія.

Въ Литвѣ также происходила кровавая война между Свидригайломъ и Сигизмундомъ. Наконецъ Сигизмундъ побѣдилъ и выгналъ своего соперника въ Молдавію, но и самъ, по при-

---

[1]) Wszelako nie była Polska ani spokojna ani szczęśliwa. i t. d. Dziéje. Tom 2. стр, 50.

чинѣ своей жестокости и неистовства, не долго былъ великимъ княземъ литовскимъ: князья Иванъ и Александръ Чарторижскіе, внуки Ольгердовы, убили его. Жители великаго княжества литовскаго не хотѣли слышать о соединеніи съ Польшею, и въ 1440 году избрали своимъ кназемъ другаго, младшаго сына Ягеллы *Казиміра*. Временное соединеніе (впрочемъ состоявшее доселѣ болѣе въ желаніи и предположеніи, нежели на самомъ дѣлѣ) великаго княжества литовскаго съ Польшею имѣло для него самыя вредныя слѣдствія. Аристократія литовско-русская заняла у польской всѣ недостатки ея, начала мѣшаться въ управленіе ограничивала власть своего князя и завела въ Литвѣ республиканскіе сеймы; города присвоивали себѣ магдебургское право, даже языкъ русскій, общенародный и оффиціальный въ Литвѣ, началъ портиться чрезъ смѣшеніе со многими польскими словами и переродился въ особое *бѣлорусское* нарѣчіе [1].

Достигши 15 лѣтняго возраста, Владиславъ выполнилъ присягу на pacta conventa и вскорѣ затѣмъ былъ приглашенъ венграми къ запятію и у нихъ престола, сдѣлавшагося свободнымъ по смерти короля ихъ Албрехта. Паны польскіе сильно сопротивлялись соединенію венгерской короны съ польскою; но Владиславъ, назначивши своихъ намѣстниковъ въ Польшѣ, выѣхалъ въ Венгрію, и короновался короною Св. Стефана. Венгры полюбили Владислава, равно какъ и русскіе въ Литвѣ полюбили брата его Казиміра, за ихъ ласковость, благоразуміе и за щедрость, доходившую впрочемъ до расточительности.

Послѣ флорентинскаго собора (1439), трудившагося надъ соединеніемъ восточной церкви съ западною подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы выгнать турокъ изъ Европы и спасти отъ нихъ погибшую византійскую имперію, папа Евгеній IV искалъ по

---

[1]) Wpływ polski (въ великое княжество литовское) równie przymnaża dyzharmonii. Osiadanie polaków, łatwe dla rusinów dialectu polskiego przyięcie, zaprowadzenie do miast magdeburgyi, przwiléje stanu szlacheckiego Litwie obiecane, stąd zmienne życzenia aristokracyi z demokracją szlachecką, na ostatek życzenie jednych dopełnienia połączenia się z Polską, Pwstręt od tego innych wystawują obraz wzajem mieszających się ruchów państwa i narodu russko-litewskiego. Teodora Wagi historia. стр. 151.

всему свѣту защитниковъ для этой несчастной имперіи. Но—время крестовыхъ походовъ тогда уже прошло; на голосъ папы откликнулся только молодой король польско-венгерскій Владиславъ III. Онъ, съ венгерскимъ войскомъ, выступилъ противъ султана *Амурата*,—два раза разбилъ его, сперва надъ рѣкою *Моравою* въ Сербіи, потомъ подъ *Македонскими горами* и принудилъ его къ заключенію мира на десять лѣтъ. Въ вѣрности мирнаго договора венгры присягали на Евангеліи, а турки на алкоранѣ (1444). Но папа былъ не доволенъ этимъ миромъ, *разрѣшилъ Владислава отъ присяги*, и заставилъ его опять воевать съ Амуратомъ, обѣщая вспомогательное войско изъ Италіи. Обѣщанное пособіе не пришло: Владиславъ, одинъ съ венграми, началъ биться съ турками и, при всеобщемъ пораженіи венгерскаго войска подъ *Варною*, былъ убитъ на 21 году своей прекрасной и много добраго обѣщавшей жизни. Въ Польшѣ онъ царствовалъ 10 лѣтъ а въ Венгріи четыре года.

Казиміръ IV

(1444—1492).

Польша тогда только убѣдилась въ невозвратной потерѣ своего короля Владислава III, когда венгры избрали на свой престолъ другаго короля. Въ слѣдствіе чего поляки (въ 1445 году) опредѣлили на сеймѣ просить себѣ въ короли великаго князя литовскаго *Казиміра*. Но Казиміръ долго не соглашался; потомъ, когда, по убѣжденію матери своей, согласился, то литовскіе дворяне долго не пускали его въ Польшу. Наконецъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1447 года, онъ пріѣхалъ въ Краковъ и вѣнчался на царство. Причиною долгаго промедлѣнія его съ выѣздомъ въ Польшу было то, что онъ, при восхожденіи своемъ на литовскій престолъ, далъ Литвѣ присягу не отдѣлять отъ нея Волынь, Подолію и Кіевъ, а поляки, предлагая ему свою корону, требовали отъ него присяги, чтобы онъ именно эти русскія области присоединилъ къ Польшѣ. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, Казиміръ, сдѣлавшись даже коро-

лемъ польскимъ, долго не присягалъ. Но поляки объявили ему, что до тѣхъ поръ не будутъ ему повиноваться, пока онъ не дастъ присяги 1), въ доказательство чего скоро представился слѣдующій, достойный сожалѣнія, случай: въ 1450 году Казиміръ хотѣлъ въ Малой Польшѣ наказать нѣкоторыхъ преступниковъ, но-воевода краковскій *Янъ Тенчинскій* не допустилъ его до этого 2).

Будучи такъ нагло ограниченъ въ своихъ правахъ, Казиміръ IV сзывалъ сеймы, чтобы хотя съ ихъ помощью сдѣлать для Польши что-либо доброе, но ни піотрковскій сеймъ 1451 года, ни краковскій 1452 года, ни сѣрадскій сеймъ, не помогли ему. Между тѣмъ татары ежегодно своими наѣздами опустошали пограничныя мѣста Польши даже до Львова. Король, не видя отъ своихъ подданныхъ должнаго послушанія, пересталъ думать о защитѣ ихъ и спокойно занимался охотою. Наконецъ въ 1453 году поляки вынудили отъ него присягу, которую онъ выполнилъ съ сожалѣніемъ и страхомъ. Литва не хотѣла соединяться съ Польшею, и Казиміръ предпочиталъ ее бурному королевству польскому: хотя тогда и Литва уже начала заражаться отъ Польши республиканскими понятіями, но при всемъ томъ она гораздо больше повиновалась своему государю, нежели Польша 3).

Нѣмецкіе рыцари (или рыцари Св. Креста), составляя монашескій орденъ, овладѣли, подъ предлогомъ распространенія христіанской вѣры, цѣлою Пруссіей,—какъ сказано выше 4), и отъ Польши оторвали древнюю славянскую область Поморье, или Померанію и землю Хелминскую. Пруссовъ-язычниковъ они почти всѣхъ истребили, а славянъ или поляковъ, подчиненныхъ имъ (т. е. поморянъ), чрезвычайно угнетали. Поморяне еще въ 1397 году хотѣли отложиться отъ рыцарей и

---

[1]) Zjazd cały oświadczył mu, że polacy dopóty słuchać go nie będą, aż przysięże. Dziéje. Tom 2, страница 60.

[2]) Gdy król chciał łotrowstwa ukarać, wstrzymał sądy Jan Tęczyński wojewoda krakowski. Тамъ же.

[3]) Nie chciało się królowi opuszczać dziedzicznéj Litwy, w któréj lubo przez porównanie praw i swobód z polską nie mało przymnożyło się wolności a przytém niejakaś we zwyczaj weszła elekcya, jednak lud daleko bardziéj przywykł do posłuszeństwa, niż w Polszcze. Dziéje... Tom 2, стран. 61.

[4]) См. стран. 71.

отдаться подъ власть польскаго короля. Въ царствованіе Владислава Ягеллы (1410 г.), послѣ пораженія рыцарей между Гринвальдомъ и Таненбергомъ 1), Польша упустила превосходный случай возвратить отъ нихъ свои области. Но этотъ случай опять возобновился въ царствованіе Казиміра IV. Поморяне, вышедши изъ терпѣнія отъ притѣсненій и распутства своихъ владѣтелей—монаховъ, возмутились противъ нихъ, выгнали ихъ изъ многихъ крѣпостей и (въ 1454 году) просили Казиміра принять ихъ въ подданство. Въ слѣдствіе чего Польша пошла воевать съ рыцарями. Не смотря на всевозможный безпорядокъ этой войны, происходившій отъ неповиновенія польской шляхты 2), наконецъ чрезъ 12 лѣтъ (1466 г.) нѣмецкіе рыцари, при заключеніи мира въ *Торнѣ*, отдали Польшѣ западную часть Пруссіи, т. е. *Померанію*, *землю Хелминскую*, *Мальбургскую*, и *княжество Варминское*. Сверхъ того гросмейстеръ рыцарей призналъ себя данникомъ Польши, съ правомъ засѣданія въ польскомъ сенатѣ на первомъ мѣстѣ съ лѣвой стороны.

Во время этой внѣшней войны, внутри Польши кипѣла другая война, внутренняя,—за Волынь и Подолію. Поляки требовали себѣ этихъ областей отъ Литвы, а Литва не хотѣла отдать ихъ. Казиміръ IV, будучи связанъ присягою въ пользу той и другой стороны, не зналъ, что дѣлать и кому благопріятствовать. Литовскіе дворяне, руководимые виленскимъ воеводою *Гастольдомъ*, хотѣли уже отложиться отъ Казиміра и избрать себѣ другаго князя; а польскіе паны совершенно вышли изъ повиновенія своему королю, и *его же въ глаза упрекали за то, что онъ не истребляетъ у нихъ злоупотребленій* 3).

Еслибы войско было вѣрно Казиміру, онъ могъ бы исправлять сколько-нибудь безурядье своего королевства и обуздывать бур-

---

[1]) Страница 122.

[2]) Z dwóma nieprzyiaciołmi miał zatem Kazimierz IV do czynienia: z Krzyżakami i z szlachtą Polską; bo gdy z tamtymi bić się przypadało, to z tą targować się musiał. Dzieje... Tom 2, стран. 64.

[3]) См. Historja książąt i królów Polskich, Teod. Wagi (1833) стран. 159.

Такое же противорѣчіе логикѣ безсознательно отозвалось даже на страницахъ Исторіи. На одной и тойже 64 страницѣ своихъ Dzieje (Томъ II) Бандке пишетъ такъ о Казимірѣ IV: nie dały nieba króla Polakóm, coby przez wyższość dowcipu albo umysłu władał sercami ludu; а чрезъ 10 строкъ хвалитъ его: Znał Kazimierz IV prawa tronu i korony... etc..

ные сеймы, которые судили и рядили какъ хотѣли дѣла государственныя. Но обычная всѣмъ Ягеллонамъ расточительность была причиною того, что Казиміръ не исправно платилъ жалованье своему войску, и оно не отличалось ни исправностью, ни повиновеніемъ. Долговъ у польскаго короля было такъ много, что часто у него не доставало денегъ на содержанье своего дома 1).

Не смотря на столь незавидную участь, Казиміръ IV неупускалъ случая дѣлать всевозможное добро для Польши. Въ этомъ королевствѣ оставалось еще нѣсколько удѣльныхъ князей, которые владѣли своими участками почти независимо отъ короля. Желая по возможности искоренить эти остатки удѣльной системы, Казиміръ купилъ за 50 тысячъ гривень серебра *Освѣцимское княжество* и присоединилъ его къ королевству, а по смерти князя мазовецкаго Зѣмовита въ 1462 году, присоединилъ и его удѣлъ, составившій два повѣта—*белзскій и плоцкій*.

Въ 1471 году чехи, по смерти своего короля, предложили корону свою старшему сыну Казиміра IV—*Владиславу*, который и воцарился у нихъ. Въ томъже году венгры, недовольные своимъ королемъ Матѳеемъ Корвиномъ, отложились отъ него и избрали своимъ королемъ другаго Казимірова сына—*Казиміра*. Но сей послѣдній опоздалъ пріѣхать въ Венгрію, далъ Матѳею время собраться съ силами, для примиренія съ возмутившимися своими подданными и незанялъ предложеннаго ему престола. Нескоро потомъ, въ 1490 году, когда Матѳей умеръ, венгры избрали на свой престолъ третьяго Казимірова сына—*Яна Албрехта*.

Между тѣмъ—непримѣтно и неожиданно усилилось въ сосѣдствѣ великое княжество московское. *Іоаннъ III—Великій*, сдѣлавшись московскимъ государемъ, успѣлъ уничтожить удѣлы въ своемъ государствѣ и рѣшился соединить всю литовскую Русь съ московскою Русью. Онъ началъ это дѣло съ Великаго Новгорода, который, заразившись отъ западныхъ сосѣдей республиканскими понятіями и слѣдуя совѣтамъ женщины—*Марѳы Посадницы*, хотѣлъ-было подчиниться Казиміру IV и войти въ составъ его такъ-называемыхъ *литовскихъ владѣній*. Іоаннъ III

---

1) Dzieje... Tom 2. стран. 72.

обложилъ Новгородъ своимъ войскомъ, и голодомъ принудилъ его къ сдачѣ и къ совершенному подданству, съ уничтоженіемъ всѣхъ прежнихъ республиканскихъ правъ. Въ отмщеніе за это Казиміръ IV заключилъ союзъ съ *Ахматомъ*, ханомъ сарайскимъ, чтобы, въ одно и тоже время, напасть на Москву съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Но не успѣли еще они согласиться на счетъ похода, какъ крымскій ханъ *Менгли-Гирей* вѣрный союзникъ Іоанна III, по первому призыву его, стремительно напалъ на владѣнія Казиміра IV, въ нынѣшней подольской губерніи и произвелъ тамъ страшное опустошеніе. Тогда Казиміру IV было уже не до союза съ Ахматомъ: надобно было защищать свои собственныя владѣнія. А ханъ Ахматъ, не успѣвши одинъ ничего сдѣлать въ великомъ княжествѣ московскомъ, бѣжалъ оттуда съ своею ордою и, отъ досады на Казиміра за его неустойчивость въ союзѣ, разорилъ по дорогѣ двенадцать городовъ великаго княжества литовскаго. Послѣ сего Іоаннъ Великій далъ знать Казиміру IV, что всѣ литовскіе владѣнія, и Кіевъ и Волынь и Подолія, составляютъ его прямое наслѣдіе отъ св. Владиміра, и что онъ намѣренъ вырвать свою отчину изъ рукъ литовскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ единовѣрные съ московскою Русью правнуки Ольгерда, князья *Трубецкіе*, *Ольшанскій*, *Бѣльскій*, *Олельковичъ*, и потомки св. Владиміра—князья *Одоевскіе*, *Воротынскіе и Перемышльскіе*, вмѣстѣ съ родовыми своими имѣніями въ сѣверской землѣ, добровольно поступили въ подданство Іоанна, объявивши только Казиміру, по древнему княжеско-удѣльному обычаю, о своемъ переходѣ подъ другую власть. Казиміръ молчалъ и не смѣлъ ничего предпринять противъ Іоанна Великаго. Къ большему несчастію, сыновья его *Владиславъ* и *Янъ-Албрехтъ* начали ссориться за венгерскую корону. Хотя венгры сами избрали своимъ королемъ Яна-Албрехта, но между ними много было такихъ, которые хотѣли соединиться съ Богеміей подъ однимъ скиптромъ тамошняго короля Владислава. Братья—соперники начали воевать между собою. Янъ-Албрехтъ былъ побѣжденъ Владиславомъ и отрекся отъ венгерской короны—съ тѣмъ условіемъ, что и Владиславъ долженъ былъ отречься отъ всякаго права на наслѣдство польскаго престола. Во время этихъ усобицъ между братьями, отецъ ихъ Казиміръ IV умеръ въ

1492 году, на 64 году своей жизни и на 36 году своего царствованія въ Польшѣ. Поляки не любили этого короля за его привязанность къ Великому Княжеству Литовскому; но— можно ли было предпочесть тогдашнюю Польшу Литвѣ 1)?

Безпристрастная исторія справедливо ставитъ въ упрекъ Казиміру IV расточительность, которая заставляла его торговаться съ шляхтою, при назначеніи податей и каждой разъ доводила его до унизительной уступки чего-либо изъ королевскихъ правъ.

Царствованіе Казиміра IV достопамятно еще тѣмъ, что въ это время усилились враги христіанства—турки, завоевавшіе Константинополь и на развалинахъ Греческой Имперіи основавшіе свою, Оттоманскую Имперію.

Я н ъ-А л б р е х т ъ

(1492—1501).

У Казиміра IV было шесть сыновъ: старшій, *Владиславъ*, какъ сказано выше, былъ чешскимъ королемъ; другой сынъ, *Казиміръ*, искавшій венгерскаго престола, умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, прежде своего отца; *Янъ-Албрехтъ, Александръ и Сигизмундъ* преемственно одинъ послѣ другаго были польскими королями; а самый младшій, *Фридерикъ*, былъ сперва краковскимъ епископомъ, потомъ гнѣзненскимъ архіепископомъ и кардиналомъ.

По смерти Казиміра IV, жители великаго княжества литовскаго упредили Польшу: чтобы не соединяться съ нею, избрали себѣ особаго князя, четвертаго Казимірова сына *Александра*. А поляки, съѣхавшись въ *Піотрковъ* на избирательный сеймъ, не вдругъ опредѣлили свой выборъ: только молодой королевичъ, епископъ *Фридерикъ*, прибывши на сеймъ съ 1600 вооруженныхъ воиновъ, заставилъ всѣ голоса согласиться въ пользу брата своего *Яна-Албрехта*, который и былъ провозглашенъ королемъ.

---

1) Nie lubili go Polacy z przyczyny, że Litwie więcéy sprzyiał, ale trudno było przekładać królestwo do wolnéy elekcyi dążące nad xięstwo dziedziczne. Dzieje..,. Tom 2, стран. 75.

Новый король увеличилъ польское королевство, присоединивши къ нему *Заторское* удѣльное *княжество*, купленное имъ въ 1494 году за 80 тысячъ червонцевъ у князя *Януша*. Въ томъ же году онъ старался, для младшаго брата своего-Сигизмунда, завоевать Молдавію; но въ господарѣ ея Стефанѣ встрѣтилъ сильнаго противника, который въ буковинскомъ лѣсу, посредствомъ засады, истребилъ почти все польское войско и потомъ, при помощи турокъ и татаръ, пошелъ съ огнемъ и мечемъ на Польшу. Все пространство отъ ея границы до Львова было опустошено и болѣе 100 тысячъ человѣкъ уведено изъ Польши въ неволю. Только необычайно-суровая зима 1498 года остановила успѣхи непріятелей и положила конецъ этой разрушительный войнѣ.

Три родные брата,—Владиславъ, Янъ-Албрехтъ и Александръ, сидѣли на трехъ сосѣднихъ престолахъ. Казалось бы, чего добраго въ пользу христіанства не могли предпринять и исполнить три союзные и родные государи, тѣмъ болѣе, что въ это время папа возбуждалъ всѣхъ европейцовъ къ крестовому походу противъ турокъ? Но на призваніе папы никто изъ государей не отозвался, и Янъ-Албрехтъ въ 1501 году принужденъ былъ заключить съ султаномъ *Баязетомъ* мирный договоръ на 5 лѣтъ. Въ томъ же году онъ и умеръ.

Къ безпорядкамъ прежнихъ царствованій Янъ-Албрехтъ допустилъ и прибавилъ еще слѣдующіе: 1) въ слѣдствіе постановленій піотрковскаго сейма 1496 года, крестьяне потеряли личную свободу, лишились права собственности надъ воздѣлываемою ими землею и превратились въ панскихъ невольниковъ; 2) высшія, духовныя должности въ польско-католической церкви были предоставлены только шляхтичамъ, а плебеи (т. е. мѣщане и уволенные изъ крестьянскаго званія—emancipati) могли занимать самыя низшія должности, подъ условіемъ предварительнаго полученія степени доктора богословія, правовѣдѣнія, или медицыны,—какъ будто духовное званіе само по себѣ не имѣетъ никакихъ внутреннихъ достоинствъ и благодатныхъ даровъ Божіихъ и нуждается въ свѣтскомъ облагороживаніи; 3) король, безъ согласія сейма, не имѣлъ права собирать войско, или ополченіе (pospolite ruszenie).

Александръ

(1501—1506).

Александръ Казиміровичъ, прежде возшествія на польскій престолъ, былъ уже девять лѣтъ великимъ княземъ литовскимъ. Чтобы задобрить самаго опаснаго сосѣда своего, царя, великаго князя московскаго Іоанна III, Александръ въ 1496 году сочетался бракомъ съ его дочерью *Еленою*, предоставивъ ей право оставаться въ греко-восточномъ исповѣданіи. Но княгиня Елена была крайне стѣсняема супругомъ въ своей вѣрѣ: онъ не позволялъ ей устроить для себя придворную церковь своего исповѣданія, даже удалилъ отъ нея духовника ея, священника *Өому* 1). Если же государыня терпѣла такія стѣсненія въ своей вѣрѣ, то легко вообразить, какимъ притѣснѣніямъ были подвержены православные подданные великаго княжества литовскаго. Виленскій епископъ Албертъ *Таборъ*, съ Бернардинскими монахами, ѣздилъ по Литвѣ—изъ города въ городъ, чтобы склонять русское духовенство, князей, бояръ и народъ къ переходу на латинскій обрядъ; а Александръ грозилъ насиліемъ. Въ слѣдствіе такихъ притѣснительныхъ мѣръ, православные города Черниговъ, Гомель, Любечъ, Новгородъ-Сѣверскій, Путивль, Мценскъ, Серпейскъ и Рыльскъ, съ своими князьями, боярами и прочими жителями, отложились отъ великаго князя литовскаго и добровольно поддались государю Московскому. Поэтому поводу произошла кровопролитная война между зятемъ и тестемъ.

Близъ *Дорогобужа*, на берегу рѣки *Ведроши*, 14 іюля 1500 года, войско Іоанна III одержало рѣшительную побѣду надъ литовцами и самого главнокомандующаго ихъ, князя *Константина Острожскаго* взяло въ плѣнъ. Государь московскій хотѣлъ-было взять и Смоленскъ, но зимнее время заставило его отложить это на другое время. Между тѣмъ союзники Іоанна—Менгли-Гирей, ханъ крымскій, съ другой стороны двинулся съ татарами на литовскія владѣнія и опусто-

---

1) См. Примѣч. 473 и 474 къ И. Г. Р. Карамзина.

шилъ города Хмѣльникъ, Кременецъ, Брестъ, Владиміръ-волынскій, Луцкъ, Браславль и нѣсколько городовъ польской Галиціи.

Накликавши на себя такую военную бурю, Александръ искалъ союзовъ въ Польшѣ, Богеміи, Венгріи, Молдавіи, у хана большой татарской орды Шигъ-Ахмета и у ливонскихъ рыцарей. Гросмейстеръ рыцарей *Вальтеръ фонъ Плеттенбергъ* заключилъ съ Александромъ договоръ и обѣщалъ быть ему вѣрнымъ союзникомъ; а братья Александра послали своихъ пословъ къ Іоанну и склоняли его къ миру съ зятемъ. Между тѣмъ Янъ-Албрехтъ умеръ и очистилъ для Александра польскій престолъ.

Московское войско, 14 ноября 1501 года, побѣдило литовцевъ близъ *Мстиславля* и положило ихъ на мѣстѣ около семи тысячъ человѣкъ. Гросмейстеръ Плеттенбергъ, осадившій Псковъ, не могъ взять его, и послѣ того принужденъ былъ защищаться въ своихъ собственныхъ предѣлахъ: русскій близъ *Гельмета* побѣдили его весною 1502, опустошили Ливонію почти до Ревеля. Ханъ большой орды *Шигъ-Ахметъ*, при всемъ добромъ желаніи помочь Александру, не могъ управиться съ союзникомъ Москвы крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ и, весною тогоже 1502 года, былъ отъ него совершенно разбитъ. Напрасно онъ самъ просилъ помощи у Александра, за котораго ополчился. Король польскій, занимаясь въ Краковѣ пирами, по случаю своей коронаціи, посылалъ хану дары, *обѣщалъ* свою помощь. Шигъ-Ахметъ, оставшись безъ войска и безъ орды,—какъ бѣглецъ, сперва бросился за помощью къ султану турецкому, но тотъ отказалъ ему въ своей милости; потомъ онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, принадлежавшій союзнику его Александру, но здѣсь польское правительство взяло его подъ стражу. Будучи представленъ на радомскій сеймъ къ королю, онъ торжественно обвинялъ его въ вѣроломствѣ и предательствѣ; но прежній союзникъ, теперь безсильный и безполезный, не возбудилъ ни въ комъ сожалѣнія и—умеръ невольникомъ въ Ковнѣ [1]).

Александръ былъ коронованъ въ Краковѣ отъ младшаго брата своего кардинала Фридерика; но жена его Елена не была удостоена этой чести, потому что принадлежала къ

[1]) Schwytano go, złożono sąd, a ten potępił go na wieczne więzienie w Kownie. Dzieje.. Tom 2, стр. 112.

греко-восточному исповѣданію; однако, прибавляютъ историки, ей позволено было имѣть въ краковскомъ зáмкѣ придворную церковь своего вѣроисповѣданія,—какъ будто это позволеніе было такою великою уступкою, что даже исторія должна была записать его, хотя и евреи и татары давно уже пользовались въ Польшѣ свободою своего богослуженія 1). Поляки, по соглашенію съ литовскими панами, объявили, что съ этого времени санъ польскаго короля и великаго князя литовскаго будетъ соединенъ въ одной особѣ.

Выѣхавши послѣ коронаціи въ Литву, чтобъ быть ближе къ театру войны съ Москвою, Александръ поручилъ управленіе Польшею брату своему кардиналу Фридерику.

Менгли-Гирей, разбивши Шигъ-Ахмета и уничтоживши самые остатки большой или золотой орды, напалъ на владѣнія польскія и опустошилъ ихъ баже до Сандоміра. А другой союзникъ царя московскаго—*Стефанъ*, господарь молдавскій, отвоевалъ отъ Польши цѣлую днѣстровскую область *Покутье*, т. е. Колымью, Галичъ, Снятинъ и Красное. Въ 1503 году умеръ кардиналъ—намѣстникъ, и королевство польское осталсь безъ управы. Польское войско, давно неполучавшее жалованья, рѣшилось само себя удовлетворить, напавши на имѣнія принадлежавшія польскому духовенству.

Ливонскіе рыцари не помогли Александру. Царь московскій опять подступилъ къ Смоленску, и хотя не взялъ его, но опустошилъ всю окрестность. Наконецъ папа вступился за польскаго короля и началъ ходатайствовать у Іоанна III о примиреніи его съ зятемъ. Іоаннъ согласился, заключилъ съ Александромъ перемиріе и умеръ въ 1505 году.

Не такъ легко было управиться съ Менгли-Гиреемъ, который весною 1506 года напалъ опять на Польшу и увелъ

---

[1]) Żona Helena córka Cara Moskiewskiego, nie koronowana z powodu, iż Religii swoiéy Greckiéy odstąpić nie chciała, lecz pozwolono iéy mieć kaplicę swoią w zamku Krakowskim. Rys Historyi Polsk. przez J. Mikłaczewskiego, стран. 96.

Żona zaś jego Helena, ponieważ religii była disunickiey. honoru tego nie otrzymała; atoli pozwolono iey mieć na zamku królewskim kaplicę, gdzieby nabożeństwu swemu obyczaem greckim zadosić czynić mogła.. Teod. Wagi. Hist. стран. 168.

изъ нея около ста тысячъ плѣнниковъ. Однако, въ августѣ того же года, поляки страшно отмстили Хану: предводимые княземъ *Михаиломъ Глинскимъ*, они напали на него подъ *Клецкомъ* и одержали надъ нимъ такую рѣшительную побѣду, что изъ татарскаго войска мало-кто спасся бѣгствомъ. Извѣстіе объ этой славной побѣдѣ застало короля Александра на смертной постелѣ. Пораженный параличемъ, онъ умеръ въ Вильнѣ 9 августа 1506 года, на 45 году своей жизни.

Нѣкоторые историки называютъ Александра законодателемъ (prawodawcą), потому—что въ его царствованіе піотрковскій сеймъ 1503 и 1504 года и радомссій сеймъ 2505 года занимался собраніемъ всѣхъ узаконеній, вышедшихъ въ предшествованія царствованія. Дѣло это было возложено на коронпаго концлера *Яна Ласкаго,* который исполнилъ его по мѣрѣ своихъ средствъ и понятій своего времени. Замѣчательно, что съ этого времени правовѣды польскіе начали оффиціально называть свое *королевство республикою* (Rzecz Pospolita) и, требуя на сеймахъ не большинства, а единомыслія или всеобщаго совѣта и согласія («wspólney rady i zgody»): нечувствительно приготовили дорогу для ужаснаго liberum veto, погубившаго Польшу. Сеймы обратили вниманіе и на расточительность своихъ королей, постановивши законъ, чтобъ король не смѣлъ, безъ ихъ согласія, ни дарить, ни давать въ залогъ имѣній, называемыхъ *королевскими,* которыя теперь объявлены были собственностью республики. Но это еще не все: Александръ, въ своемъ статутѣ 1505 года, обѣщалъ за себя и за своихъ преемниковъ —*не предпринимать ничего новаго въ управленіи, безъ всеобщаго согласія сейма.* Польша видимо сама себя губила.

Литовскіе паны не повезли усопшаго короля погребать въ Краковъ, боясь, чтобы, въ отсутствіе ихъ, Михаилъ *Глинскій,* любимый народомъ и прославившійся побѣдою надъ татарами, не объявилъ себя государемъ литовскимъ. О покойномъ Александрѣ современники говорили, что онъ кстати умеръ, прежде нежели успѣлъ раздарить всю Польшу и Литву 1). Такой отзывъ подданныхъ о королѣ не дѣлаетъ чести ни имъ

[1]) W sam czas umarł, niż Polskę i Litwe rozdarował. Dzieje... Tom 2, стран. 113.

ни ему, и только свидѣтельствуетъ о жалкомъ состояніи тогдашняго королевства—республики. И въ Польшѣ и въ Литвѣ вельможи дѣлали все, что хотѣли. Разбои по городамъ, наѣзды, грабежи были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Даже женщины промышляли разбоемъ: такъ, какая-то *пани Русиновская,* передѣтая въ мужеское платье, въ сапагахъ со шпорами, была поймана съ своею шайкою и по приговору сейма наказана смертью 1). Польша какъ будто на перекоръ шла цивилизаціи и быту цѣлой Европы. Въ современной Англіи, Франціи, Испаніи, Португаліи, въ московско-Русскомъ царствѣ, и даже въ искуственно-устроенной нѣмецкой Имперіи—вездѣ монархическая власть пріобрѣтала теперь должную силу на развалинахъ ѳеодальной и удѣльной системы; а въ Польшѣ, съ каждымъ новымъ царствованіемъ, власть короля болѣе и болѣе была ограничиваема и наконецъ ослаблена была до того, что Поляки сами назвали свое *королевство республикою.* И соединеніе съ Литвою не принесло ожидаемой пользы, а только внесло въ литовскія владѣнія тѣже самыя сѣмена разрушенія, отъ которыхъ погибла Польша.

Сигизмундъ I

(1506—1548).

Сигизмундъ, младшій братъ Александра, сидѣвшій дотолѣ на удѣльномъ княжествѣ глогавскомъ, прибылъ въ Вильно еще предъ смертью Александра и былъ отъ Литвы провозглашенъ великимъ княземъ прежде, нежели успѣли похоронить умершаго короля. Послѣ этого Польшѣ не оставалось ничего больше, какъ его же избрать своимъ королемъ. Между тѣмъ и московскій царь *Василій* (сынъ Іоанна III-Великаго) хотѣлъ-было стараться, для блага рода славянскаго, о соединеніи Польши и Литвы подъ одинъ скипетръ съ московскою державою, но опоздалъ съ своимъ предложеніемъ.

---

[1]) Nie jedna tylko Rusinowska rozbojów dopuściła się w Polszcze, lecz i o inszych paniach jest wzmianka w dziejach Polskich, które tę samą popełniły Zbrodnią. Dziéje... Tom 2, стран. 113.

Состояніе Польши и Литвы было тогда самое не надежное. Превосходя своею обширностью каждое европейское государство—отдѣльно взятое, кромѣ московскаго царства, она также превосходила ихъ всѣхъ своимъ безсиліемъ и безпорадками. Казна была истощена до послѣдней крайности; доходовъ не достаточно было даже для стола королевскаго; постояннаго войска не было, кромѣ придворной гвардіи, численость которой и въ лучшее время, при Владиславѣ Ягеллѣ, не превышала 900 человѣкъ [1]). Всеобщее ополченіе шляхты по случаю войны (pospolite ruszenie) никогда не отличалось дисциплиною и военною нравственностью, а по окончаніи войны расходилось по домамъ, оставляя не рѣдко короля безъ средствъ воспользоваться плодами завоеванія или побѣды. Паны польскіе и литовскіе заводили свои «*дворы*» на подобіе королевскихъ, держали своихъ собственныхъ придворныхъ воиновъ и сами собою управлялись и управляли другими—слабѣйшими, презирая всякіе законы. Вся тяжесть государственныхъ податей лежала только на крестьянахъ, а шляхтичъ, какъ бы онъ ничтоженъ ни былъ, почиталъ себя «равнымъ воеводѣ» и ничего не платилъ. Ко всему этому надобно еще прибивить постоянную ненависть польско-католическаго духовенства къ своимъ согражданамъ—христіанамъ другихъ исповѣданій [2]). Вотъ въ какомъ состояніи принялъ Сигизмундъ I подъ свое правленіе королевство польское и великое княжество литовское!

Находившійся въ Москвѣ военно-плѣннымъ, главнокомандующій литовскій князь *Константинъ Острожскій* присягнулъ московскому царю на вѣрноподданство, но скоро потомъ, измѣнивши клятвѣ, бѣжалъ къ Сигизмунду. Какъ будто въ замѣнъ его, явились и въ Москву такіе же знаменитые, какъ Острожскій, перебѣщики,—*князья Глинскіе*, съ своими родами и многими пріятелями. Поэтому случаю между Польшею и московскимъ государствомъ опять закипѣла война. Чтобъ обезпечить себя со стороны Крыма, Сигизмундъ платилъ сынамъ Менгли-Гирея ежегодно по 15 тысячъ червонцовъ, чтобъ они не только не помогали московскому царю, но еще постоянно тревожили царя нападеніемъ на его владѣнія. Царь Василій

[1]) Dzieje.., Tom 2, стран. 117.

[2]) Dziéje... Tom 2, стран. 115, 116, 117, 118, 119.

Іоанновичъ выслалъ войско и самъ выступилъ противъ Сигизмунда. Война, съ перемѣннымъ счастьемъ, продолжалась болѣе десяти лѣтъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1514 года Василій, лично предводительствуя своимъ войскомъ, взялъ *Смоленскъ* приступомъ и всю его область, находившуюся 119 лѣтъ въ отчужденіи отъ великой Россіи, присоединилъ къ своей державѣ. Въ отмщеніе за это, Константинъ Острожскій съ польско-литовскимъ войскомъ разбилъ московское войско подъ *Оршею*. Эту блистательную (хоть и безполезную) побѣду праздновалъ даже папа въ Римѣ. Уставши отъ кровопролитія, Василій и Сигизмундъ въ 1522 году заключили миръ, по которому Смоленскъ остался за Москвою [1]).

Не смотря на червонцы, ежегодно платимые Сигизмундомъ крымскимъ татарамъ, эти хищники, не различавшіе друга отъ недруга, нѣсколько разъ нападали и на польскія владѣнія, производя въ нихъ всевозможное опустошеніе. Хотя они въ 1512 году подъ *Вишневцемъ* были разбиты Константиномъ Острожскимъ на голову, но и послѣ того еще не переставали тревожить польскія границы, пока, наконецъ, Сигизмундъ въ 1527 году заключилъ миръ съ верховнымъ покровителемъ ихъ, султаномъ турецкимъ *Солиманомъ II*, который обязался удерживать татаръ отъ набѣговъ на Польшу.

Не полагаясь на прочность мира съ магометанами, Сигизмундъ искалъ болѣе надежнаго средства къ обезпеченію хоть южныхъ границъ своихъ владѣній. Для этой причины, онъ еще въ 1511 году, на піотрковскомъ сеймѣ, успѣлъ убѣдить своихъ подданныхъ въ необходимости новой временной поземельной подати, чтобъ устроить и содержать 4 тысячи постояннаго коннаго войска. Но еще болѣе сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, обративши свое вниманіе на малороссійскихъ и запорожскихъ *козаковъ*, которые составляли собою стѣну отъ Крыма, Молдавіи и Турціи и могли бы постоянно защищать Польшу отъ враждебныхъ сосѣдей.

Когда Россія, послѣ нашествія татаръ съ Батыемъ, раздѣлилась на московскую и на литовскую Русь, многіе жители

---

[1]) Polacy lubo pod kommendą Konstantyna książęcia Ostrogskiego pod Orszą mocno Moskwę porazili, atoli ztąd korzyść bardzo mała dla Polski urosła. Historga Teod. Wagi. стран. 175, 176.

нынѣшнихъ малороссійскихъ губерній, потерявши свое отечество и не желая покоряться ни моголамъ, ни Литвѣ, удалились на днѣпровскіе острова, огражденные скалами, непроходимыми тростинками и болотами, начали принимать къ себѣ другихъ россіянъ, бѣжавшихъ отъ угнетенія, и вообще охотниковъ, изъ всѣхъ странъ и народовъ, только подъ непремѣннымъ условіемъ—исповѣданія православной вѣры за которую они не жалѣли своей жизни. Мало по-малу изъ этого свободнаго народонаселенія въ южныхъ приднѣпровскихъ странахъ образовалось воинственное христіянское общество, или *рыцарство*, называвшееся *черкасами*, а потомъ *козаками* 1). Козаки занимались преимущественно охотою и рыбною ловлею; но главнымъ занятіемъ и цѣлью ихъ жизни были не ожиданные набѣги на бусурмановъ чаще всего на татаръ, которыхъ они не милосердо били и грабили, въ отмщеніе за ту горькую долю, какую терпѣла отъ нихъ любезная козакамъ Россія. Русскій языкъ и русская вѣра, отчаянная храбрость въ схваткахъ съ бусурманами, быстрота и ловкость нападенія, неимовѣрная воздержность и терпѣніе во время похода и самое разгульное бражничество во время отдыха,—вотъ общія качества козаковъ! Они скоро раздѣлились на двѣ касты: на *женатыхъ* и *холостыхъ*. Женатые козаки разселились по всей Малороссіи и Украйнѣ, занимались сельскимъ хозяйствомъ и были чѣмъ-то въ родѣ польской шляхты. Изъ нихъ не всякъ выступалъ въ походъ, а только тѣ, которые были записаны *въ реестръ*, а потому и назывались *реестровыми*. А обрекшіе себя на холостую жизнь—всѣ до одного были воины. Они избрали для себя мѣсто на одномъ изъ днѣпровскихъ острововъ за *порогами* рѣки, устроили тамъ крѣпость, названную *Сѣчью запорожскою*, и сами, для отличія отъ своихъ братьевъ, назывались *запорожцами* 2). Козаки сами выбирали своихъ начальниковъ и судились собственнымъ своимъ судомъ. Появленіе какого особаго воинственнаго общества въ литовскихъ владѣніяхъ (status in statu) не могло бы произойдти безъ вѣдома и позволенія польско-литовскаго пра-

---

1) Козакъ—легко-вооруженный воинъ.

2) Въ это же время между Крымомъ и московскимъ государствомъ основались другіе козаки-дунайцы, которые, впрочемъ, не имѣютъ никакого отношенія къ польской исторіи.

вительства, еслибы это правительство управляло страною, какъ слѣдуетъ. Но самобытное учрежденіе козачества служитъ очевиднымъ доказательствомъ, какъ мало средствъ имѣли великіе князья литовскіе и короли польскіе, чтобъ—или не допустить образоваться въ своихъ владѣніяхъ особенной вооруженной силѣ, или, наконецъ, дать этой силѣ приличное назначеніе и направленіе. Сигизмундъ первый обратилъ вниманіе на козаковъ, и хотя не сдѣлалъ изъ нихъ полезнаго употребленія, покрайней мѣрѣ не препятствовалъ устройству ихъ и не стѣснялъ ихъ. Въ его царствованіе козачій гетманъ—*Евстафій Рожинскій* раздѣлилъ всѣхъ реестровыхъ козаковъ на 20 полковъ, а полки на сотни; въ каждомъ полку было двѣ тысячи человѣкъ 1). Полковники и сотники управляли не только военною, но и гражданскою частью въ Малороссіи.

Въ продолженіе войны съ Москвою, не давалъ покою Польшѣ и господарь молдавскій *Богданъ*. Мстя Сигизмунду за отказъ въ рукѣ сестры его, господарь, въ 1509 году, напалъ на польскія провинціи и опустошилъ ихъ даже до Львова. Но коронный гетманъ *Николай Камнецкій* сперва сдѣлалъ диверсію внутрь самой Молдавіи, а потомъ, встрѣтившись съ Богданомъ при переправѣ чрезъ Днѣстръ, сильно разбилъ его войско. Въ 1537 году Богданъ опять попалъ на днѣстровской Покутье. Чтобъ отразить его вооруженною рукою, Сигизмунду нужны были деньги, и онъ требовалъ отъ своей шляхты новой временной подати; но шляхта отказала ему въ этомъ требованіи. Тогда король объявилъ всеобщее вооруженіе (pospolite ruszenie). Народъ, не любившій покою, собрался на этотъ призывъ около Львова въ числѣ 150 тысячъ воруженныхъ человѣкъ; но вмѣсто того, чтобы воевать съ молдованами, шляхта начала разорять и грабить сограждaнъ-жителей Червоной Руси,—не слушала ни короля, ни сената и *спорила о своей вольности*. Историки замѣчаютъ, что это былъ *первый* примѣръ неповиновенія и необузданности шляхты, который въ послѣдствіи времени сталъ

---

[1]) Полки были кіевскій, черниговскій, сѣверскій, переяславскій, каменецкій, черкасскій, чигиринскій, уманскій, корсунскій, браславскій, калишскій, кропивянскій, острожскій, миргородскій, полтавскій, гадячскій, лубенскій, прилуцкій, нѣжинскій и винницкій. Pamiętniki o dziejach.., etc. Ustępy i ułamki historyczne. II. O kozakach, przez Maciejowskiego. 1839. Pamiętnik I. стран. 293, 294.

часто повторяться, и что съ этого времени вошло въ Польшѣ въ обычай *больше судить и рядить нежели дѣлать* 1). Не имѣя чѣмъ и кѣмъ защититься отъ Богдана, Сигизмундъ обратился съ жалобою на него къ султану турецкому, который, занявши на Дунаѣ всѣ крѣпости и порты, угрожалъ Молдавіи, если не совершеннымъ уничтоженіемъ ея, то по крайней мѣрѣ тяжкимъ игомъ. Султанъ въ 1539 году удалилъ Богдана съ молдавскаго престола и вмѣсто него сдѣлалъ господаремъ Александра.

Не смотря на то, что гросмейстеромъ нѣмецкихъ рыцарей былъ тогда родной племянникъ Сигизмунда *Албертъ*, маркграфъ бранденбургскій,—этотъ предводитель непріязненнаго для Польши и Литвы ордена не хотѣлъ ни присягать Сигизмунду въ качествѣ польскаго вассала, ни платить прежней дани. По этой причинѣ между Польшею и Пруссіей долго происходили недоразумѣнія и даже кровавыя стычки, чему болѣе всѣхъ сосѣдей благопріятствовалъ императоръ нѣмецкій *Максимиліанъ*, завидовавшій могуществу дома Ягеллоновъ. Но въ 1525 году это дѣло устроилось совершенно иначе, нежели какъ можно было ожидать. Гросмейстеръ Албертъ принялъ ученіе Лютера, оставилъ католическую вѣру, сбросилъ монашеское платье и женился; примѣру его послѣдовали нѣмецкіе и ливонскіе рыцари,—при чемъ сіи послѣдніе отдѣлились отъ нѣмецкихъ. Сигизмундъ, желая привязать къ себѣ племянника, примирился съ нимъ и возвелъ его, съ будущимъ потомствомъ, въ достоинство свѣтскаго владѣтельнаго *князя прусскаго*, на правѣ ленной зависимости отъ Польши, и далъ гербъ новому прусскому княжеству—*чернаго одноглаваго орла*. Прусскій князь имѣлъ право занимать первое послѣ короля мѣсто въ польскомъ сенатѣ и обязанъ былъ, въ случаѣ войны, присылать королю для прислуги 100 конныхъ воиновъ. Никто не могъ тогда предвидѣть, чтобъ изъ такого скромнаго княжества могла вырости нынѣшняя, сильная прусская монархія.

Ученіе Лютера противъ злоупотребленій папы такъ далеко пустило корни, и адепты этого ученія такъ далеко за-

---

[1]) Zamiast żeby bić się, łupili sami Polacy dzierżawy współbraci na Rubi i kłócili się z królem i Senatem o wolności. Był to pierwszy rokosz czyli związek szlachty przeciw królowi i Senatowi; ale zły przykład został i na dal, i odtąd weszło we zwyczay więcéy radzić, niż czynić. Dziéje.,. Tom 2. стран. 133, 134.

шли отъ первоначальной идеи этого ученія, что, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ римскихъ злоупотребленій, дерзнули и на преобразованіе самой религіи Спасителя. Многіе послѣдователи Гусса въ Польшѣ легко приняли Лютерову реформу, и цѣлый городъ Гданскъ въ 1527 году рѣшился отложиться отъ католической вѣры,—при чемъ не обошлось безъ бунта и кровопролитія. Сигизмундъ лично прибылъ въ Гданскъ, 14 главнѣйшихъ бунтовщиковъ казнилъ, другихъ выгналъ, но не могъ уже остановить распространенія реформы.

Въ томъ же (1527) году умеръ послѣдній изъ владѣтельныхъ удѣльныхъ князей *мазовецкихъ*, потомковъ Пяста, и Сигизмундъ всю *Мазовію* присоединилъ къ Польшѣ.

Венгры, по смерти своего короля Людвига II, предлагали свою корону Сигизмунду; но онъ отказался, желая свободнѣе заняться благоустройствомъ Польши. Этотъ отказъ былъ для Польши и тѣмъ полезенъ, что предотвратилъ отъ нея неминуемую войну съ турками, имѣвшими свои виды на Венгрію.

Въ 1529 году Литва и Польша, еще при жизни Сигизмунда I, избрали преемникомъ ему десятилѣтняго сына его—*Сигизмунда-Августа*, и въ слѣдующемъ году даже короновали его. Мать этого королевича, королева *Бона*, изъ медіоланскихъ принцессъ,—хитрая, властолюбивая и корыстолюбивая итальянка, много причиняла горя своему королю-супругу, вмѣшиваясь въ правленіе. Продавая мѣста и достоинства, она была причиною, что поляки, прежде любившіе Сигизмунда, начали ненавидѣть его. А когда онъ хотѣлъ противиться властолюбію своей жены, то она приставала къ недоброжелателямъ его и готова была произвести междоусобіе. Домашнія смуты въ королевскомъ семействѣ этимъ не ограничились. Когда молодой королевичъ Сигизмундъ-Августъ въ 1543 году женился на *Елисаветъ* дочери чехо-венгерскаго короля, Бона такъ возненавидѣла свою невѣстку, что даже подозрѣвали,—не ею ли была отравлена (1545) эта несчастная принцесса [1]).

Въ царствованіе Сигизмунда I законодательные сеймы съ 1507 по 1521 годъ продолжали трудиться надъ собраніемъ

---

[1]) Tesciowa nie nawidzała ją tak dalece, że nawet podéyrzenie było, iż z jéy sprawy przez truciznę umarła, r. 1545. Dzieje... Tom 2, стран. 134.

и приведеніемъ въ порядокъ законовъ, какому дѣлу начало положилъ, еще въ предшествовавшее царствованіе, Янъ Ласкій. Сигизмундъ хотѣлъ, чтобы для Польши и Литвы былъ составленъ одинъ статутъ, или одно собраніе законовъ; но законы русскіе въ великомъ княжествѣ литовскомъ были собраны отдѣльно отъ польскихъ и, въ послѣдствіи времени (1588 года), были напечатаны въ Вильнѣ, на русскомъ языкѣ, подъ именемъ *Статута Литовскаго*. Въ составъ этаго Статута, главнымъ образомъ, вошла «Русская Правда» Ярославова и послѣдующіе законы русскихъ князей. Редакціей польскихъ законовъ занимались сперва, подъ надзоромъ короля, *Шидловецкій* и *Томицкій*, а по смерти ихъ — *Ташицкій*, съ пятью товарищами. Когда изготовленная книга этихъ законовъ была (1534) представлена піотрковскому сейму на утвержденіе, то паны — *Петръ Кмить* и *Зборовскіе* возстали и взбунтовали цѣлый сеймъ противъ книги и, такимъ образомъ, долголѣтіе труды Сигизмунда I по законодательству, остались не приняты и не оцѣнены по достоинству [1]. Сигизмундъ хотѣлъ раздѣлить шляхту на высшую и низшую, чему, конечно, благопріятствовали богатые паны, украшенные титулами князей и графовъ; но низшая шляхта, гордясь «братствомъ и равенствомъ съ панами», стояла за себя и, будучи многочисленнѣе пановъ, дѣлала своими голосами перевѣсъ на сеймахъ [2]. А мѣщане и крестьяне не имѣли въ Польшѣ никакого голоса и даже — никакой защиты законовъ. Напрасно добрый король два раза (въ 1539 и въ 1545 году) вводилъ на сеймъ депутатовъ отъ мѣщанъ: шляхта выгоняла ихъ изъ сейма. Надъ крестьянами паны присвоили себѣ не только право суда, но — даже право жизни и смерти [3]. Король хотѣлъ помочь бѣднымъ крестьянамъ, но не могъ.

---

[1]) Tak wniwecz poszły wszystkie o prawodastwo Zygmunta starania. Teod. Wagi Historga... стран. 181.

[2]) Pode Lwowem była także wzmianka, aby szlachtę na wyższą i niższą podzielić, ale nie przyszło to do skutku. Dzieje... Том 2, стран. 135.

[3]) Król stary podwakróc z seymu w 1539 i 1545 wyganianych posłów mieyskich wprowadzał.... Panowie przyznali sobie senioralne sądownictwo nad kmiecami i nad nimi prawo życia i smierci. Nigdzie tego w ustawach nie było, ale nadużycie zwyczay tworzyło. Hist. Teod. Wagi, стран. 183, 184.

Великую твердость души и мудрость показалъ Сигизмундъ по крайней мѣрѣ въ томъ, что, во все время долгаго своего царствованія, не преслѣдовалъ иновѣрцовъ, не смотря на усильное побужденіе его къ тому со стороны приверженцевъ и защитниковъ папы. Противнику Лютера—*Іоанну Эку*, желавшему, вооружить короля противъ лютеранъ, онъ отвѣчалъ: «позволь мнѣ быть королемъ овецъ и козлищъ» 1). Вооруженное козачество, не будучи притѣсняемо въ своей религіи, не нарушало спокойствія Польши 2). Хотя паны были недовольны Сигисмундомъ за такую терпимость, но онъ не обращалъ вниманія на различіе вѣроисповѣданія при оцѣнкѣ заслугъ и раздавалъ староства и другія награды только достойнымъ: такимъ образомъ князя Константина Острожскаго, въ 1522 году, онъ сдѣлалъ воеводою троцкимъ, хотя этотъ князь своимъ вліяніемъ удерживалъ единовѣрцовъ своихъ отъ флорентійской уніи 3).

Удрученный лѣтами и трудами, Сигизмундъ умеръ въ 1548 году. Такой государь могъ бы составить счастье всякаго другаго государства, кромѣ Польши, гдѣ самоуправство подданныхъ отнимало у короля всякую возможность сдѣлать ихъ счастливыми. Впрочемъ, не смотря на любовь къ безурядицамъ поляки искренно сожалѣли о Сигизмундѣ и, безъ всякаго наказа, носили по немъ цѣлой годъ трауръ 4). Сигизмундъ не гонялся за новыми пріобрѣтеніями и за расширеніемъ границъ своего государства, а только хотѣлъ, насколько у него хватало, средствъ привести Польшу и Литву въ благоустроенное состояніе. Будучи самъ умнѣйшимъ человѣкомъ своего вѣка, онъ старался о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, и особеннымъ образомъ покровительствовалъ краковскій университетъ: профессорамъ онаго, какого бы ни были они происхожденія, даровалъ онъ права благородства (nobilitatis), хотя шляхта и въ этомъ хотѣла ему поперечить 5). Папа Бонифацій разрѣшилъ наконецъ препо-

---

1) Dzieje Król. Polsk. przez Bandtkie, Tom 2, стран. 146.

2) Powstanie kozaków za porogami przy nienaruszonéy wolności religii nie mieszało jeszcze umysłów. Dziéje. Tom 2, стр. 136.

3) Oto szemrali panowie Litewscy katolicy... bez braku wiary oddawał Zygmunt I wyznawcom Greckim urzędy i starostwa. Dzieje. Tom 2. стран. 147.

4) Dzieje... Tom 2, стран. 135.

5) Z dyplomatów udzielających professorom szlachectwo, widać jawnie, że przykro znosiła szlachta, iż swóy kleynot z ludźmi gminnego stanu podzielała, i

давать богословіе въ краковскомъ университетѣ, и изъ него вышло много ученыхъ богослововъ, на примѣръ: вышеупомянутый *Іоаннъ Экъ*, также вышеупомянутый правовѣдъ и богословъ *Іоаннъ Ласкій*, *Петръ Томицкій* и другіе. Древняя литература, преимущественно латинская, также процвѣтала по тогдашнему времени въ Краковѣ: *Клеменсъ Яницкій* и *Янъ Дантишекъ* отличались предъ прочими искуствомъ писать латинскіе стихи. Но матиматическое отдѣленіе университета почиталось первымъ въ Европѣ: здѣсь получилъ первоначальное образованіе знаменитый *Коперникъ* (Николай, каноникъварминскій, умершій 1543 году.) Первая постоянная типографія въ Краковѣ основалась около 1503 года, а первая польская книга напечатанная въ ней (1522 г.) была «Жизнь Господа Іисуса,» сочиненіе Бонавентуры, переведенное академикомъ *Опецомъ*; потомъ, въ 1540 г., была напечатана *Псалтырь*, переведенная съ подлинника *Валеніемъ Врублемъ*. Въ Вильнѣ напечатались славянско-русскія книги: первая книга напечатана въ 1525 году—*Дѣянія и Посланія св. Апостоловъ*, переведенныя *Францишкомъ Скориною*. Вильно, бывши столицею Литвы имѣла болѣе 30 церквей грековосточнаго исповѣданія и только семъ католическихъ костеловъ; а все литовское великое княжество было раздѣлено на 10 православныхъ эпархій или епископствъ, которыя назвались владимірскимъ, луцкимъ, полоцкимъ, львовскимъ, перемышльскимъ, хелмскимъ, пинскимъ, кіевскимъ, могилевскимъ и смоленскимъ [1]). Въ богослуженіи, въ судопроизводствѣ и въ общежитіи, Литва употребыла языкъ русскій.

Сигизмундъ (II) Августъ

(1548—1572).

Королевичъ—*Сигизмундъ-Августъ*, по смерти первой своей жены *Елисаветы* (см. выше), женился тайно отъ родителей своихъ

---

nie powiadają Dzieje, ażeby professorów łatwo przypuszczano do urzędów. O zakładach naukowych... etc.. prez Maciejowskiego, Pamiętnik I, стран. 330.

[1]) Dzieje.... Tom 2, стран. 141.

и отъ сената на вдовѣ воеводы троцкаго Станислава Гастольда—*Варварѣ, урожденной княжнѣ Радзивиллъ*. Получивши въ Вильнѣ извѣстіе о смерти отца своего Сигизмунда I, онъ три дня никому не объявлялъ о томъ и употребилъ это время на оглашеніе своего брака съ Варварою; а потомъ, вмѣстѣ съ нею, поѣхалъ въ Краковъ—хоронить отца. Мать его, королева—Бона и паны польскіе возстали противъ этого брака и, на собравшемся въ Піотрковѣ сеймѣ, требовали, чтобы молодой король развелся съ своею женою. Панъ *Янъ Тенчинскій* осмѣлился сказать на сеймѣ, что онъ лучше желалъ бы видѣть на польскомъ престолѣ султана турецкаго, нежели Варвару Радзивиллъ; а примасъ архіепископъ гнѣзненскій, *Николай Джержговскій*, не боясь злоупотребленія пастырскаго права, предлагалъ—разложить грѣхъ королевскаго развода на всѣхъ жителей Польши [1]). Но король устоялъ на своемъ и приказалъ короновать Варвару, хотя, къ сожалѣнію, она не долго послѣ того пользовалась своимъ саномъ; чрезъ шесть мѣсяцовъ она умерла.

Не успѣвши склонить короля къ разводу, паны требовали отъ него давно-обѣщаннаго всѣми предками его тѣснѣйшаго соединенія Литвы съ Польшею, угрожая, въ противномъ случаѣ, не допустить его до правленія [2]). Король обѣщалъ сдѣлать это при первомъ удобномъ случаѣ и спокойно принялся за правленіе.

Между тѣмъ студенты краковскаго университета, будучи недовольны, что правительство не наказало священника *Чарнковскаго* за убійство нѣсколькихъ товарищей ихъ въ дракѣ съ его слугами,—взбунтовались, вышли изъ Кракова и ушли за границу. Чрезъ нѣсколько времени почти всѣ они возвратились въ Польшу уже протестантами, отрекшись за границею отъ исповѣданія своихъ предковъ и начали въ Польшѣ распространять реформацію. Этотъ маловажный, по видимому, случай былъ причиною важныхъ слѣдствій: протестанство такъ быстро распространилось въ Польшѣ, что скоро потомъ въ сенатѣ польскомъ, за исключеніемъ католическихъ епископовъ, почти всѣ сенаторы были уже протестанты [3]). Многіе даже епископы, даже

[1]) Dziéje. Tom II, стр. 152.

[2]) Dziéje Tom II, стр. 153.

[3]) Тамъ же, стран. 173.

король Сигизмундъ-Августъ, колебались въ вѣрѣ [1]). Онъ не только не запрещалъ своимъ подданнымъ переходить въ протестантскія секты, давалъ протестантамъ разныя привиллегіи; но и самъ хотѣлъ принять ученіе Кальвина и объявить его господствующимъ въ Польшѣ и самомъ княж. литовскомъ. Съ этою цѣлью, Сигизмундъ-Августъ хотѣлъ однажды отправиться въ виленскую кальвинскую кирху, въ сопровожденіи кальвинистовъ, ихъ пасторовъ и Николая Радзивилла-Чернаго, главнаго покровителя реформаціи въ Литвѣ и Польшѣ; но виленскій римско-католическій епископъ, предувѣдомленный объ этомъ намѣреніи короля, собралъ всѣхъ католиковъ и духовенство въ каѳедральный костелъ, мимо котораго нужно было ѣхать Сигизмунду въ кирху и, лишь только онъ поровнялся съ каѳедрою, въ полномъ епископскомъ облаченіи, въ сопровожденіи народа и духовенства,—вышелъ на встрѣчу королю и, схвативъ за узду его лошадь, воскликнулъ «польскіе короли не проходили мимо этаго храма, не помолившись въ немъ Богу». Пораженный неожиданностью, король сошелъ съ коня и вступилъ въ костелъ. Здѣсь епископъ и его духовенство пропѣли Te Demu laudamus и принудили короля дать клятву—не измѣнять вѣрѣ предковъ. *Станиславъ Оржеховскій*, каноникъ перемышльскій, не слагая съ себя сана, женился [2]) и сильно защищалъ свой поступокъ предъ сеймомъ, епископами и даже предъ папою. Самъ примасъ-архіепископъ *Уханскій* не повиновался уже Риму, и даже хотѣлъ изречь клятву на папу; а *Николай Пацъ*, епископъ римско-католическій—кіевскій (1562—1580) явно принялъ лютерову реформу и оставивши епископскій санъ, женился и принялъ должность каштеляна мстиславскаго [3]). Было нѣсколько мудрыхъ людей, которые, держась *золотой средины*, потребовали на піотровскомъ сеймѣ 1556 года только слѣдующихъ исправленій въ католичествѣ: отправленія литургіи на отече-

---

[1]) Тамъ же, стран. 165.—Hisorya Teod. Wagi стран. 190.

[2]) Wszakże Karol Kardynał de Bourbon także był żonaty. Wielu bowiem z duchowieństwa wszędzie przechodziło na nowe mniemania, a tak same duchowieństwo, prawie tyle, jeżeli nie więcéj, jak swieccy przyczyniło się do nie jedności kościołów. Czacki. 1. 297.

[3]) Dzieje... Tom 2, стран. 168, 169.

ственномъ языкѣ, преподаванія мирянамъ святѣйшаго таинства Ехаристіи подъ двумя видами, уничтоженія безбрачія священниковъ и годичной подати, посылаемой въ Римъ. Можетъ быть, исполненіе этихъ умѣренныхъ и справедливыхъ требованій дало бы сильный отпоръ лютеранству, но онѣ не были уважены [1]).

Король не препятствовалъ протестантамъ строить свои храмы и совершать свое богослуженіе. Такъ называемая *святая инквизиція* издавна была уже введена въ Польшѣ и принадлежала собственно къ обязанности епископовъ; но они рѣдко пользовались своимъ правомъ и, при Станиславѣ Августѣ, въ Польшѣ не было еще ни костровъ, ни пытокъ. Теперь (1559) епископы польскіе вздумали-было сдѣлать кровавое употребленіе изъ своего права и осудили на смерть одну дѣвицу и нѣсколько жидовъ. Но шляхта, руководимая гетманомъ *Яномъ Тарновскимъ*, возстала на епископовъ и даже требовала удаленія ихъ изъ сената, какъ такихъ людей, которые, будучи подчинены иностранной власти Рима, не могутъ настоящимъ образомъ радѣть о благѣ своего отечества [2]) Чтобы поддержать колеблющуюся католическую церковь, кардиналъ *Гозіусъ* ввелъ (1566 г.) въ Польшу, на ея погибель, *іезуитовъ* и заложилъ для нихъ въ Варміи коллегію.

Къ этимъ религіознымъ неустройствамъ присоединились еще для короля семейныя непріятности. По настоянію матери своей, онъ вступилъ въ третій бракъ съ сестрою первой своей жены—*Екатериною*, вдовою князя *Гонзаго*, но не любилъ ее и искалъ утѣшенія въ другихъ непозволительныхъ связяхъ. Мать его Бона скоро затѣмъ выѣхала въ Италію и вывезла съ собою изъ Польши великія сокровища и деньги, собранныя продажею мѣстъ и достоинствъ. Она одолжила испанскому королю 320 тысячъ червонцовъ и потомъ, года чрезъ два, умерла, будучи отравлена—какъ говорили—любимцами своими. Напрасно Сигизмундъ-Августъ требовалъ возвращенія тѣхъ денегъ: этотъ долгъ, извѣстный подъ именемъ *«неаполитанскихъ суммъ»*, остался неуплаченнымъ. Жена Сигизмунда-Августа также оставила Польшу и выѣхала въ Вѣну. Къ несчастіямъ Сигизмунда-Августа присоединилось и то, что онъ всегда

---

[1]) Тамъ же, стран. 158, 159.

[2]) Dziéje... Tom 2, стран. 159, 160.

нуждался въ деньгахъ и за нѣсколько лѣтъ уже не платилъ жалованья своему войску, задолжавши ему 700 тысячъ злотыхъ. Случилось одинъ разъ, что воины хотѣли силою вытребовать у него деньги и даже не выпускали короля изъ люблинскаго за́мка, пока онъ съ ними не разсчитался 1).

Не смотря на всѣ эти непріятности, король долженъ былъ еще воевать съ ливонскими рыцарями, а потомъ съ Москвою. Ливонія сдѣлалась яблокомъ раздора между московскими царями и королями польскими. Меченосцы, или ливонскіе рыцари поселились на древней русской землѣ, и даже одинъ изъ главныхъ городовъ ихъ, *Дерптъ*, былъ первоначально основанъ, подъ именемъ *Юрьева*, 2) великимъ княземъ русскимъ Ярославомъ 3). Съ теченіемъ времени, хотя рыцари сдѣлались полными хозяевами занятой ими страны, тѣмъ болѣе что Россія, обезсиленная татарами и раздѣлившаяся на московскую и на литовскую Русь, не могла вредить имъ; но московскіе цари не забывали о древней своей отчинѣ, и гросмейстеръ ливонцевъ *Вальтеръ фонъ Плеттенбергъ*, будучи побѣжденъ царемъ московскимъ Іоанномъ III за помощь его королю польскому Александру, обѣщалъ царю платить дань. Прошло съ того времени 50 лѣтъ, а дани ливонцы не платили. Хотя, по отдѣленіи ливонскаго ордена отъ нѣмецкихъ рыцарей, императоръ нѣмецкій Карлъ V и призналъ ливонскаго гросмейстера въ достоинствѣ князя нѣмецкой имперіи; но судьба слабосильной Ливоніи возбуждала вопросъ: будетъ ли она существовать самобытно, или въ видѣ чьего-либо вассальства. Ливонія, раздѣленная на нѣсколько владѣтельныхъ католическихъ епископствъ, подъ верховною властью гросмейстера, также приняла Лютерову реформу. Послѣ того архіепископъ рижскій *Вильгельмъ*,— родственникъ короля Сигизмунда-Августа, хотѣлъ поддаться съ своимъ владѣніемъ герцогу или князю прусскому—Алберту; но гросмейстеръ ливонскій *Фирстенбергъ*, узнавши объ этомъ,

---

[1]) Żołnierże niepłatni, którym należało się 700,000 złotych, chcieli nawet gwałtem w zamku w Lublinie dopominać się zapłaty, nie wypuszczając króla, ażby im zadosyć uczynił. Ledwie że ten rozruch uspokojono. Dziéje... Tom 2, стран. 169.

[2]) Населенъ былъ православными и въ немъ была столица юрьевскаго православнаго епископа.

[3]) См. страницу 76.

заключилъ архіепископа въ темницу. Когда же Сигизмундъ-Августъ требовалъ освобожденія своего родственника, то Фирстенбергъ приказалъ убить королевскаго посла. Сигизмундъ рѣшился оружіемъ наказаль ливонцевъ. Впрочемъ объявленное королемъ *посполитое рушенье* не составилось; потому что поляки не хотѣли принимать участія въ этой войнѣ, и Сигизмундъ-Августъ только съ литовскимъ войскомъ пошелъ на Ливонію. Фирстенбергъ просилъ мира, освободилъ архіепископа рижскаго, явился съ повинною головою къ королю и призналъ себя данникомъ его. Въ это же самое время (1558) московскій царь *Іоаннъ Грозный*, не получая отъ ливонцевъ обѣщанной дани и будучи раздраженъ на нихъ за разрушеніе построеннаго русскими на берегу Наровы *Иванъ-города*, выслалъ свое войско съ повелѣніемъ непремѣнно завоевать всю Ливонію. Города ливонскіе, одинъ за другимъ, сдавались и присягали Іоанну. Фирстенбергъ сложилъ съ себя достоинство гросмейстера и уѣхалъ въ Москву, а на его мѣсто былъ избранъ *Готгардъ Кетлеръ*. Новый гросмейстеръ, доведенный до крайности успѣхами русскаго оружія, рѣшился по согласію съ своими епископами, раздѣлить Ливонію слѣдующимъ образомъ: *Лифляндію* отдать великому князю литовскому, *Эстляндію*—королю, *Островъ Эзель*—датскому королю, *а Курляндію* оставить въ потомственномъ владѣніи его Кетлера, съ титуломъ герцога и съ ленною зависимостью отъ великаго князя литовскаго. На этотъ дѣлежъ всѣ были согласны, кромѣ Іоанна Грознаго, который, кромѣ продолженія войны въ Ливоніи, обратилъ теперь свое оружіе и противъ Сигизмунда-Августа. Много произошло сраженій, съ перемѣннымъ для обѣихъ сторонъ счастьемъ, но перевѣсъ остался на сторонѣ московскаго царя: онъ отнялъ у Сигизмунда (1563) и удержалъ за собою городъ *Полоцкъ*. Имѣя въ своемъ распоряженіи только литовское войско и не видя помощи отъ Польши [1]), Сигизмундъ-Августъ опредѣлилъ четвертую часть своихъ собственныхъ королевскихъ доходовъ на содержаніе постояннаго войска. Собравши такимъ образомъ армію почти въ 100 тысячъ человѣкъ, король дви-

[1]) Gdy Polacy nie chcieli się wdawać w woynę Inflantską, to tylko Litewskiemi siłami przy posiłkach Polskich toczyła się ta woyna. Dzieje... Tom 2, стран. 163.

нулъ ее противъ Москвы; но этотъ походъ кончился ничѣмъ, и чрезъ два мѣсяца войско разошлось по домамъ 1).

При такомъ невоинственномъ расположеніи своего войска, Сигизмундъ-Августъ едва-было не накликалъ на себя еще новую войну,—съ турками. Было нѣсколько искателей господарскаго престола въ Молдавіи; однихъ поддерживала Турція, другихъ Польша. Когда одинъ изъ этихъ искателей, нѣкто *Михаилъ Томжа*, будучи выгнанъ турками, бѣжалъ въ Польшу, то Сигизмундъ-Августъ велѣлъ схватить его во Львовѣ и умертвить, а голову его послалъ въ Константинополь и тѣмъ только спасъ себя отъ угрожавшей войны съ турками.

Между тѣмъ Іоаннъ Грозный, кромѣ оружія, началъ воевать и посредствомъ политики: склонилъ на свою сторону владѣтеля эзельскаго, принца датскаго *Магнуса,* выдалъ за него свою племянницу и далъ ему титулъ *короля Ливонскаго*, съ ленною зависимостью отъ Москвы.

Эта война съ Москвою за Ливонію была нечаяннымъ поводомъ и побужденіемъ къ окончательному соединенію Литвы съ Польшею. Ни польское войско, ни литовское не хотѣло идти на войну, потому что не получало отъ короля жалованья. Вмѣсто денегъ, Сигизмундъ-Августъ рѣшился платить привиллегіями и началъ съ Литвы, даровавши дворянству ея тѣже самыя права вольности, какими пользовалась польская шляхта. Польша, завидуя привязанности короля къ Литвѣ, нарочитымъ посольствомъ просила его возвратиться изъ Вильна въ Краковъ и кончить *«великое дѣло соединенія двухъ народовъ»* 2), Поэтому случаю собирались сеймы въ 1562, 63, 64 и 1565 г. На сеймѣ 1563 года былъ установленъ особый верховный судъ, для окончанія, именемъ ко-

---

[1]) Spełzła ta wyprawa na niczém i rozeszło się woysko po dwumiesięczney stracie czasu. Тамъ же стран. 171.

[2]) Nie widząc król dosyć powolney dla siebie Polski, wdał się do Wilna, i tam, ażeby Litwę więcey do rzeczy Jnflant zachęcić, zaczął od nadania stanowi szlacheckiemu, od czasu Horodelskich za Jagełły obietnic przyznanych mu wolności, ale dotychczas nie exystuiących. Niespokoyna i obrażona Polska odnowiła ieszcze za panowania Zygmunta Starego powtarżane żądania naprawy rzeczypospolitey i dopełnienia ściśleyszego związania Litwy i Prus z koroną; wysłane poselstwa do Wilnia nalegali na króla, aby przybył i wielkiego dzieła dopełnił. Hist. Теор. Wagi, стран. 194, 195.

роля, всѣхъ задавнившихся дѣлъ; а на сеймѣ 1566 года король отрекся отъ своихъ феодальныхъ правъ надъ помѣстьями шляхты и даровалъ шляхтичамъ полное право располагать своимъ имѣніемъ. Въ благодарность за это, шляхта помогла королю возвратить въ казну всѣ тѣ староства и помѣстья, которыя слишкомъ щедро раздарили предки его 1). Оставалось только слить два народа въ одно политическое тѣло. Пока былъ живъ канцлеръ литовскій *Николай Радзивиллъ*, этого нельзя было сдѣлать 2), потому что онъ былъ противъ этого слитія, говоря: «поляки льнутъ къ Литвѣ, какъ пчелы къ цвѣтамъ, чтобы, высосавъ медъ, бросить ихъ.» Но по смерти этого доблестнаго литвино-руса начали дѣйствовать рѣшительнѣе—тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ-Августъ былъ уже старъ и бездѣтенъ, и можно было опасаться, чтобы послѣ его смерти литовская Русь не соединилась съ Русью московскою. Для окончанія этого дѣла, былъ въ 1569 году созванъ въ *Люблинѣ великій сеймъ* изъ представителей обоихъ народовъ. Неохотно шли на этотъ сеймъ представители великаго княжества литовскаго, чувствуя, что рѣшается дѣло объ искорененіи національности ихъ 3). Многіе изъ нихъ ушли изъ сейма, не дождавшись окончанія его и не откланявшись королю 4). Неизвѣстно, чѣмъ бы кончился этотъ сеймъ, еслибы два знаменитые и сильные обыватели литовскаго княжества не измѣнили своему отечеству: это были—князь *Константинъ Острожскій*, воевода кіевскій, и князь *Александръ Чарторыжскій*, воевода волынскій. Они подписали постановленіе люблинскаго сейма; за ними подписали приверженцы ихъ, а потомъ и нѣкоторые другіе, и—*соединеніе Литвы съ Польшею въ одну рѣчь посполитую (республику) совершилось*. Бѣжавшимъ же изъ Люблина представителямъ

---

[1]) Za pomocą mniéyszéy szlachty dokazał król tego, że przyszła exekucya praw czyli odzyskanie starostw i dóbr stołowych do skutku. Dzieje, Tom 2, стран. 175.

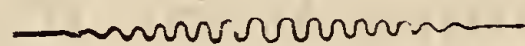
[2]) Тамъ же, стран. 171.

[3]) Dopełnienie jednak unii Polski z Litwą okazywało się bydź jeszcze naytrudnieyszą rzeczą... Litwa mianowicie staraniem Zyg. Augusta porzucała swoy Ruski język, polski przeymowała. Z językiem i obyczay Polski szerzył się. Histor. Wagi, стран. 197.

[4]) Wielu Litwinów seym ten porzucało
Тамъ же, стран. 198. Działyński—Seym Lubelsky.

разныхъ городовъ, повѣтовъ и воеводствъ Литвы, Волыни и Подоліи приказано было королевскимъ универсаломъ подписаться на актѣ этого соединенія, подъ страхомъ наказанія конфискаціею имѣній ихъ. (См. Акты, изд. врем. кіев. ком.) Положено было ни Литвѣ, ни Польшѣ не избирать отдѣльнаго государя, но королю польскому быть и королемъ литовскимъ; *для избранія короля* и для сужденія о дѣлахъ государственныхъ депутатамъ Литвы и Польши собираться на общемъ сеймѣ въ Варшавѣ; права и преимущества обоихъ народовъ должны быть совершенно равны; сенатъ долженъ быть одинъ и состоять изъ равнаго числа членовъ обоихъ народовъ. Такимъ образомъ—сперва татары, а потомъ политика, на долго отдѣлили литовскую Русь отъ московской. Татары разрушали русскіе города, губили народъ и князей, брали тяжкую дань, но не трогали ни вѣры, ни языка, ни гражданскихъ уставовъ,—и въ московской Руси національность осталась неприкосновенною. А политика Польши, сообщила литовской Руси свой образъ правленія,—странную смѣсь анархіи съ деспотизмомъ, отняла у нея природный языкъ, а потомъ и прародительскую вѣру. Польша, объявивши на люблинскомъ сеймѣ 1569 г. свой престолъ *избирательнымъ*, сама себя разрушила. Когда всѣ прочіе престолы въ Европѣ изъ избирательныхъ обращались въ потомственно-наслѣдственные, тогда именно, какъ будто наперекоръ общему порядку, Польша дѣйствовала на оборотъ и сама спѣшила къ погибели [1]).

Чрезъ два года послѣ *люблинскаго сейма* умеръ Сигизмундъ-Августъ, оставивши Польшу собственному ея произволу. Съ этимъ королемъ кончилась династіи Ягеллоновъ, царствовавшая въ Польшѣ 186 лѣтъ.

[1]) Los to był jakiś dla Polski, że gdy wszędzie indziéy dokoła trony obierzcze w dziedziczne się zamieniały, w Polszcze na opak dziedzictwo Jagiełłonow poszło na wolnéy elekciy wichry niespokoyne, które nareszcie całą oyczyznę w bezdennéy nieładu przepaści pogrążyły. Dzieje... Том 2, стран. 176.

IV.

ПОЛЬША

подъ правленіемъ королей изъ разныхъ домовъ

(1572—1796).

МЕЖДУЦАРСТВІЕ

и выборъ перваго короля вольными голосами

(1572—1594).

И такъ—Польша достигла исполненія своихъ желаній: соединилась съ Литвою и превратилась *въ одну республику.* Достоинство *короля* было оставлено только для того, *чтобъ имѣть право избирать его*, торговаться о коронѣ и каждый разъ выторговывать какія-либо выгоды, которыя, впрочемъ, всегда были обѣщаемы, но почти никогда на дѣлѣ не доставляемы. Идея *республики, имѣющей короля*, оказалась на практикѣ уродливою; излишество вольности вело къ своеволію и безурядицамъ народа, а частныя выгоды магнатовъ вытѣсняли любовь къ отечеству, которое горькими утратами платило за ошибки своихъ дѣтей [1]).

По смерти Сигизмунда-Августа (7-го іюля 1572), несогласіе началось съ вопроса: кто имѣетъ право назначать собраніе сейма для избранія новаго короля,—примасъ ли-архіепи-

---

[1]) Co naylepszém zdaje się bydź z układu teoryi, jest naygorszém z doświadczenia praktyki; zbytek wolności zrodził niezgody, a zysky prywatne zatarły u możniéyszych nie raz pamięć na dobro oyczyzny; a oyczyzna przypłacała gorzką stratą błędy swych dzieci. Dziéje... Том 2, стран. 178, 179.

скопъ гнѣзненскій *Іаковъ Уханскій*, или коронный маршалъ *Фирлей?* Народъ, т. е. шляхта, раздѣлился на партіи: одна партія толковала объ этомъ въ *Краковѣ*, другаа въ *Книшинѣ*, третья въ *Сродѣ* (we Srzodzie), четвертая въ *Каскахъ*. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, признали это право за примасомъ, и онъ назначилъ избирательный сеймъ въ Варшавѣ на 6-е число генваря 1573 года. Но этотъ сеймъ не могъ приступить къ избранію короля, потому что не соглашались касательно вопроса о разновѣріи избирателей. Протестанты требовали прежде всего, чтобы свобода ихъ вѣроисповѣданія была обезпечена письменнымъ актомъ. Всѣ члены сейма—духовные и свѣтскіе, сперва соглашались на это; но примасъ Уханскій воспротивился и вооружилъ весь сеймъ противъ требованія протестантовъ,—только краковскій епископъ *Красинскій* обезсмертилъ себя тѣмъ, что *одинъ онъ* на этомъ сеймѣ подписалъ свободу протестантскаго вѣроисповѣданія. Сеймъ отложенъ былъ на 7-е число апрѣля.

Кандидатовъ на польскій престолъ оказалось четыре: эрцгерцогъ австрійскій *Эрнестъ* (сынъ императора Максимиліана II), *Генрихъ Валуа*, братъ короля французскаго Карла IX, *Іоаннъ III*, король шведскій для себя, или для шестилѣтняго сына своего *Сигизмунда* и московскій царь *Іоаннъ Грозный*. Были и такіе депутаты, которые хотѣли провозгласить королемъ короннаго маршала *Фирлея*, другіе хотѣли каштеляна *Яна Шафранца*, а нѣкоторые чеха *Вильгельма Розинберга*. Избиратели расположились лагеремъ на полѣ подъ Варшавою. Въ назначенный день послы кандидатовъ престола говорили къ народу краснорѣчивыя рѣчи; только Іоаннъ Грозный не прислалъ нарочитаго посла, а просто приказалъ объявить сейму, что онъ готовъ, буде желаютъ, принять Польшу въ вѣчное свое подданство, тѣмъ болѣе, что русскіе жители Литвы хотѣли имѣть его своимъ государемъ 1).

---

[1]) Wszystkich zaś niewypowiedzianie obraziła zuchwałość cara moskiewskiego, który przez ostatnią pogardę, posłów nawet do rzeczy pospolitey nie wysławszy, wskazał tylko do stanów, ażeby albo samego, albo syna jego na tron wybrali, oraz ustąpili Moskwie wiecznemi czasy Jnflant i Kiiowa, tudzież aby przyrzekli, że berło Polskie z familii jego nigdy nie wynidze. Hist. Teod. Wagi стран. 208, 209.

Большинство голосовъ склонялось на сторону эрцгерцога Эрнеста; но турецкій султанъ заблаговременно прислалъ на сеймъ свой отзывъ, что онъ не желаетъ видѣть австрійскаго принца на польскомъ престолѣ, а рекомендуетъ избрать французскаго принца [1]). Поляки, будучи увѣрены въ томъ, что *дѣйствуютъ по собственной волѣ*, избрали королемъ того, кого *приказалъ имъ избрать* (prawie roskazywał) султанъ турецкій—*Генриха Валуа.* Златая свобода!!..

Послѣ того сеймъ составилъ *контрактъ*, или такъ называемыя pacta conventa, т. е. условія на которыхъ Генрихъ можетъ быть допущенъ къ польской коронѣ. Главнѣйшія условія были слѣдующія: 1) король не имѣетъ права назначать по себѣ наслѣдника ни при жизни, ни послѣ смерти своей; 2) король не имѣетъ права, безъ позволенія сейма, ни вступить въ бракъ, ни развестись съ женою; 3) король не имѣетъ права употреблять при своемъ имени титулъ *господина и дѣдича* (pana i dziedzica); 4) разновѣрцамъ дастъ покой, 5) безъ согласія сената и сейма не будетъ ни начинать войны, ни прекращать, не будетъ налагать податей и посылать пословъ въ другія государства; 6) изъ доходовъ, получаемыхъ имъ изъ Франціи, будетъ ежегодно вносить въ польскую казну 450 тысячь злотыхъ; и наконецъ 7)-самое необыкновенное условіе—еслибы король не сдержалъ своего слова и не выполнялъ этихъ усвій, то поляки освобождаются отъ присяги ему на вѣрность и послушаніе [2]).

Посолъ Генриха Валуа, епископъ валенскій *Жанъ де Монлю* подписалъ эти условія и присягнулъ за короля въ исполненіи ихъ. Тогда отправлено было великолѣпное посольство во Францію къ Генриху съ прошеніемъ, чтобъ онъ пожаловалъ на польскій престолъ, и предложило ему, сверхъ подписанныхъ условій, не угодно ли будетъ ему вступить въ бракъ съ дочерью польскаго короля Сигизмунда I, Анною.

W Litwie dla zakończenia wojen z Moskwą życzyło sobie wielu, aby Iwan Wasilewicz został królem. Dziéje... Tom 2, стран. 179.

[1]) Nie mniey pełne zuchwałości były cesarza Tureckiego listy, w których prawie roskazywał Polakom, ażeby nie obierali Austryaka, a brata króla Francuskiego radził. Hist. Teod. Wagi, стран. 209.

[2]) Historya książąt i królów polskich, Teod. Wagi, стран. 210, 211 Dzieje królestwa Polskiego. Bandtkie, Tom 2, стран. 183.

Генрихъ Валуа

(съ 21 февраля по 18 іюля 1574).

Посольство польское къ Генриху, состоявшее болѣе нежели изъ 250 лицъ, въ богатомъ польскомъ нарядѣ, удивило Парижъ своимъ великолѣпіемъ и болѣе всего умѣньемъ говорить пофранцузски. Генрихъ Валуа долго не соглашался на два, подписанныя посломъ его, условія: *на дарованіе покоя разновѣрцамъ и на увольненіе поляковъ отъ вѣрноподданической присяги, въ случаѣ неустойки короля въ обѣщаніяхъ.* Касательно перваго изъ упомянутыхъ условій, нѣкоторые изъословъ тутъ-же признались Генриху, что оно не было утверждено всеобщимъ согласіемъ сейма; а касательно другаго, успокоили его, что это могло бы случиться только въ крайнемъ случаѣ [1]. Генрихъ подписалъ pacta conventa и, въ парижскомъ соборѣ, присягнулъ въ исполненіи ихъ; впрочемъ, присягая соблюдать миръ съ разновѣрцами, онъ прибавилъ отъ себя слѣдующія слова: «*оставляя въ силѣ права королевства*» [2]. Предложеніе о бракѣ съ королевною Анною Генрихъ отклонилъ отъ себя подъ тѣмъ предлогомъ, что не имѣетъ на это согласія отъ самой невѣсты.

18 Февраля 1574 года пріѣхалъ Генрихъ въ Краковъ и, чрезъ 3 дня потомъ, торжественно короновался. Еще до выѣзда изъ Франціи, онъ уже разлюбилъ польскій престолъ слишкомъ стѣсненный въ правахъ [3]; а въ Краковѣ, скоро послѣ коронаціи, когда еще не кончился сеймъ поэтому случаю, его поразило слѣдующее происшествіе: на дворѣ краковскаго замка,— почти предъ глазами самаго короля, панъ *Самуилъ Зборовскій* и каштелянъ *Янъ Тенчинскій* поссорились, обнажили сабли и начали драться. Пріятель Тенчинскаго—*Андрей Ваповскій* хотѣлъ развести ихъ и помирить; но Зборовскій такъ сильно ранилъ примирителя, что тотъ чрезъ нѣсколько времени и умеръ. Надобно было наказать убійцу примѣрнымъ образомъ,

---

[1]) Dzieje... Tom 2, стран. 186. Historia T. Wagi стран. 215.

[2]) «Salvis juribuc regni». Dziéje... Tom 2, стран. 187.

[3]) Jemu już nie bardzo smakowało królestwo Polskie, tak określone prawami. Hist. T. Wagi, стран. 215.

но король Генрихъ, будучи обязанъ Зборовскому избраніемъ на престолъ, осудилъ его только на удаленіе изъ Польши,— чѣмъ чрезвычайно огорчилась партія Тенчинскаго и Ваповскаго, и вообще всѣ поборники правосудія. Послѣ сего, скучая ограниченіемъ соoихъ правъ, Генрихъ проводилъ большую часть своего времени въ пиршествахъ и разсѣянности,—за что еще болѣе не понравился своимъ подданнымъ 1).

Между тѣмъ 30 мая умеръ въ Парижѣ братъ его, король *Карлъ IX*. Получивши объ этомъ извѣстіе, Генрихъ совѣтовался съ сенаторами, какъ ему выѣхать во Францію, для приведенія въ порядокъ тамошнихъ дѣлъ. Ему совѣтовали созвать сеймъ и просить позволенія на выѣздъ, но онъ распорядился иначе: 18-го іюля ночью выѣхалъ тайно изъ Кракова и отправился въ Парижъ, оставивши сенаторамъ письма, въ которыхъ обѣщалъ возвратиться какъ можно скорѣе. Панъ Тенчинскій и панъ Жебридовскій погнались за королемъ, нагнали его на силезской границѣ, со слезами умоляли его возвратиться, но онъ не внялъ ихъ мольбамъ и поѣхалъ. Изъ Парижа писалъ онъ къ сенаторамъ, чтобы прислали къ нему пословъ для разсужденія о дѣлахъ Польши, но сенатъ польскій представилъ ему свое опредѣленіе, что ежели онъ къ 12 числу мая слѣдующаго 1575 года не возвратится въ Польшу, то будетъ приступлено къ избранію новаго короля. По истеченіи назначеннаго срока, примасъ-архіепископъ объявилъ междуцарствіе въ Польшѣ и назначилъ на 7 день ноября сеймъ, для избранія короля. Между тѣмъ крымскіе татары безнаказанно дѣлали набѣги на Подоль, Волынь и Галицію и около 20 тысячъ жителей увели съ собою въ неволю.

Стефанъ Баторій

(1575—1586).

Выборы продолжались не долго и весьма успѣшно: поляки избрали себѣ *двухъ королей*,—*Максимиліана II*, императора нѣмецкаго, и *Стефана Баторія*, воеводу семиградскаго.

[1]) Do tego ustawiczne biesiady i rozrzutność króla odrażali co raz bardziéy serca narodu od niego. Dzieje... Tom 2, стран. 187.

Максимиліанъ старался о польской коронѣ не для себя, но для сына своего Эрнеста, или для брата Фердинанда; но все польское духовенство вмѣстѣ съ примасомъ Уханскимъ, 12 декабря 1575 года, провозгласило самаго Максимиліана своимъ королемъ и послало къ нему пословъ съ извѣщеніемъ объ избраніи. Другая партія—свѣтская, желала избрать кого-либо изъ потомковъ Пяста, но видя безуспѣшность своихъ желаній и силясь разрушить выборъ духовенства, 14 декабря провоглаcила королевою польскою сестру послѣдняго Ягеллона Сигизмунда-Августа, *Анну*, съ тѣмъ—что на ней женится и будетъ королемъ *Стефанъ Баторій*, воевода семиградскій. И эта партія послала пословъ къ своему избраннику съ приглашеніемъ занять престолъ польскій 1). Оставалось *тому изъ двухъ быть королемъ, кто раньше пріѣдетъ и сядетъ на престолъ*. Стефанъ Баторій поспѣшилъ пріѣздомъ, 1 маія былъ коронованъ вмѣстѣ съ Анною, а на другой день бракосочитался съ нею. Прежде коронаціи, онъ подтвердилъ своимъ подписомъ и присягою тѣ условія, на которыхъ тронъ былъ предложенъ предшественнику его, или такъ называемыя *Генриховы статьи* (artykuły Henrykowe), и сверхъ того прибавилъ еще слѣдующія: a) заплатить долги республики польской, b) возвратить отъ Москвы всѣ завоеванныя ею мѣста, c) подтвердить миръ съ турками и обезпечить границы отъ нападенія крымскихъ татаръ, d) выкупить изъ Крыма всѣхъ польскихъ плѣнниковъ и, e) въ случаѣ войны, содержать на собственномъ иждивеніи 1,500 человѣкъ постояннаго пѣхотнаго войска.

Партія примаса принуждена была смириться и присягнула на вѣрноподданство Баторію; а къ Максимиліану послали сказать, что избраніе его на польскій престолъ было неправильно 2). Долѣе всѣхъ не присягали жители Гданска, такъ что Стефанъ даже принужденъ былъ двинуть противъ нихъ войско; наконецъ и Гданскъ 11 декабря 1577 года сдался и присягнулъ, заплативши королю за свое упрямство 200 ты-

---

1) Obie strony wysłały poselstwo, zapraszając electów swoich na tron. Dzieje... Tom 2, стран. 191.

2) Oświadczono Cesarskim posłom, że elekcya Maxymiliana była bezprawna. Dzieje... Tom 2, стран. 192.

сячъ злотыхъ пени, и обязавшись сверхъ того возобновить *Оливскій монастырь*, разрушенный гданскими лютеранами.

Стефанъ Баторій родился въ Венгріи отъ знаменитыхъ но не очень богатыхъ родителей. Получивши превосходное воспитаніе, онъ сперва служилъ при королѣ венгерскомъ Фердинандѣ и сопровождалъ въ Италію дочь его—Екатерину, вышедшую первымъ бракомъ за князя Гонзаго, а потомъ бывшую во второмъ супружествѣ за польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ (см. выше). Потомъ, будучи, посломъ отъ венгерскаго короля Іоанна-Сигизмунда Запольскаго при императорѣ нѣмецкомъ Максимиліанѣ II, онъ былъ, по случаю разрыва согласія между императоромъ и королемъ, взятъ подъ стражу и три года сидѣлъ въ заключеніи. Это время Стефанъ Баторій употребилъ на чтеніе древнихъ авторовъ, преимущественно историковъ, и записки Юлія Цезаря выучилъ на память. По смерти Іоанна Сигизмунда, онъ былъ выпущенъ на волю и потомъ избранъ въ семиградскіе воеводы, а чрезъ три года потомъ и въ короли польскіе.

Утвердившись на польскомъ престолѣ, Баторій первое вниманіе свое обратилъ на обезпеченіе границъ своего королевства. Живая стѣна малороссійскихъ и запорожскихъ козаковъ, стоявшая между Польшею и Крымомъ, была отъ него укрѣплена и распространена. Въ 1576 году онъ далъ козакамъ полное войсковое учрежденіе: раздѣлилъ ихъ на полки, по правую сторону Днѣпра чигиринскій, корсунскій, черкасскій, уманскій, лодыженскій, богуславскій и кіевскій, а по лѣвую сторону переяславскій, миргородскій и полтавскій; сверхъ того учредилъ надъ ними генеральныхъ старшинъ, обозпаго, судью, писаря, эссаула и хорунжаго. Гетману казачьему даровалъ королевское знамя, бунчукъ, булаву и войсковую печать,— позволилъ козакамъ селиться по всей Малороссіи и столичнымъ городомъ для нихъ назначилъ сперва *Терехтемировъ*, а потому *Батуринъ*.

Независимо отъ такого учрежденія козаковъ, духъ вольности, занятый ими у тогдашней Польши, часто побуждалъ ихъ составлять изъ себя *охочекомонные* (охотническіе) *полки*, подъ предводительствомъ какого-нибудь удальца-искателя добычи. Одинъ изъ такихъ удальцовъ въ 1576 году набралъ

охотниковъ, напалъ съ ними на Молдавію, изгналъ тамошняго господаря *Петра*, и за нарушеніе общаго покоя былъ, по повелѣнію Стефана Баторія, казненъ во Львовѣ. Но это не уняло *охотниковъ*: товарищи казненнаго удальца продолжали тревожить Молдавію и пограничныя турецкія владѣнія. Впрочемъ и козаки дѣйствовали въ смыслѣ общаго современнаго требованія: папа возбуждалъ всѣхъ христіанскихъ государей къ походу противъ турокъ и предлагалъ Баторію главное начальство надъ всѣми христіанскими войсками, съ жалованьемъ по 25 тысячъ скудовъ ежемѣсячно. Но Баторій хотѣлъ прежде управиться съ Москвою, а потомъ уже пойти на турокъ. Для удержанія крымцовъ отъ набѣговъ, онъ, въ видѣ подарка (donatiwa), платилъ имъ ежегодно дань [1]).

Хотя Магнусъ, наименованный отъ Іоанна Грознаго и ливонскимъ королемъ, измѣнилъ Іоанну, отказался отъ своего титулярнаго королевства и присоединился къ его непріятелямъ, но Іоаннъ воспользовался промежуткомъ времени отъ смерти короля Сигизмунда-Августа до воцаренія Баторія (1572—1575) и занялъ своимъ войскомъ почти всю Ливонію. Противъ него возсталъ сильный противникъ—Стефанъ Баторій. Для веденія войны съ царемъ московскимъ, королю прежде всего нужны были деньги, а казна польская была совершенно истощена. Баторій на варшавскомъ сеймѣ 1578 года убѣдилъ своихъ подданныхъ въ необходимости наложить на нихъ новую подать въ продолженіе двухъ лѣтъ, и даже духовенство склонилъ помочь ему изъ доходовъ отъ своихъ имѣній. Собравшись такимъ образомъ со средствами, король двинулъ свое войско противъ войскъ Іоанна Грознаго. Въ короткое время онъ овладѣлъ Полоцкомъ, Великими Луками, вытѣснилъ русскія войска изъ Ливоніи и направилъ путь прямо къ Москвѣ. Царскіе воеводы не смѣли вступать съ нимъ въ битву и отступали. Но Псковъ удержалъ стремленіе Баторія, и упорная оборона псковитянъ ослабила короля: въ неоднократныхъ приступахъ онъ потерялъ лучшую часть своего войска; ропотъ шляхты принудилъ его отступить. Между тѣмъ Іоаннъ Грозный успѣлъ уже найти дѣятельнаго посредника въ папѣ *Григоріи* XIII,

---

[1]) Histor. T. Wagi, стран. 226.

который, чрезъ легата своего *Антонія Поссевина*, примирилъ Россію съ Польшею договоромъ *Запольскимъ*, заключеннымъ возлѣ запольскаго яма, въ деревнѣ *Киверовой Горѣ*. Іоаннъ отказался отъ всѣхъ притязаній не Ливонію, признавъ ее польскою областью; Эстонія осталась въ рукахъ шведскаго короля; а Баторій возвратилъ Россіи всѣ занятыя имъ мѣста, кромѣ Полоцка.

Король немедленно занялся благоустройствомъ новоприсоединенной Ливоніи и раздѣлилъ ее на три воеводства: венденское, дерптское и пернавское. Вмѣсто прежнихъ епископствъ, уничтожившихся съ принятіемъ ливонцами лютеранизма, онъ учредилъ одну католическую епископскую каѳедру въ *Венденѣ*.

Любя науки, Баторій среди военныхъ заботъ не забылъ и о просвѣщеніи своихъ подданныхъ; для чего основалъ въ *Вильнѣ Академію*, поручивши ее, равно какъ и учрежденіе другихъ училищъ, іезуитамъ. Умный король не предвидѣлъ, что этотъ орденъ въ послѣдствіи времени, вмѣсто распространенія просвѣщенія, исключительно займется преслѣдованіемъ иновѣрцевъ и чрезъ то ускоритъ паденіе Польши [1]). Самъ Баторій не только не преслѣдовалъ иновѣрцевъ, но еще покровительствовалъ имъ, говоря «я поставленъ королемъ надъ людьми, а не надъ совѣстію ихъ» [2]). Онъ предвидѣлъ только, что Польша рано или поздо погибнетъ отъ своей вольности, о чемъ онъ и говорилъ своимъ подданнымъ [3]). Въ этомъ убѣжденіи, Баторій хотѣлъ непремѣнно установить въ Польшѣ наслѣдственный престолъ, чтобы спасти ее отъ своеволій избирательнаго правленія [4]). Были въ Польшѣ умные люди, готовые содѣйствовать королю въ этомъ предпріятіи, но ни онъ, ни они не успѣли [5]).

---

[1]) Nie przewidywał bowiem, że zacny wtedy ten zakon kiedyś stanie się pod gnuśném panowaniem Zygmunta III, porzuciwszy nauki, naywiększym prześladowcą pokoiu różnowierców, a przez to dopomoże do rozdwojenia umysłów, i założy kamień węgielny do upadku światła, nauk i oyczyzny... Dzieje Tom 2. стран. 201, 202.

[2]) Тамъ же, стран. 203, 204.

[3]) Тамъ же, стран. 206.

[4]) Тамъ же, стран. 200, 205. Teod. Wagi Hisroryа, стран. 232.

[5]) Баторій предлагалъ царю Ѳеодору, чтобы тотъ изъ нихъ двухъ, кто переживетъ другаго, царствовалъ и въ Москвѣ и въ Варшавѣ.

Право королевской власти Баторій показалъ въ справедливой карѣ преступниковъ. Самуилъ Зборовскій, удаленный Генрихомъ Валуа изъ Польши за убійство Ваповскаго (см. выше), скрылся тогда у Стефана Баторія, бывшаго еще воеводою семиградскимъ. По избраніи Стефана на польскій престолъ, и Зборовскій возвратился съ нимъ въ Польшу. Здѣсь у него были три брата, сильные и богатые паны—*Янъ*, *Андрей* и *Кристофъ*, которые дѣятельно старались объ избраніи Стефана. На основаніи всего этого, Зборовскіе думали, что король, обязанный имъ за свой престолъ, будетъ дѣлать все по ихъ желанію и требовали для себя и для своихъ приверженцевъ разныхъ милостей. Случилась вакансія короннаго канцлера, и одинъ изъ Зборовскихъ просилъ ее для себя; но король, уважая истинную заслугу и достоинство, сдѣлалъ канцлеромъ *Яна Замойскаго* и этимъ чрезвычайно раздражилъ противъ себя Зборовскихъ. Три брата—Самуилъ, Андрей и Криштофъ сдѣлали заговоръ, чтобы лишить короля жизни, или по крайней мѣрѣ престола. Этотъ заговоръ былъ открытъ Замойскимъ. По приговору короля, начальникъ заговора Самуилъ Зборовскій былъ казненъ; Криштофъ, лишенный достоинствъ и имѣнія, бѣжалъ въ Моравію, а Андрея король простилъ. За казнь Зборовскаго шляхта сильно возстала противъ короля на сеймѣ 1585 года, и даже пренебрегла всѣми тѣми общественными дѣлами, для которыхъ былъ собранъ сеймъ [1]); но король не устрашился криковъ шляхты: онъ казнилъ еще *Григорія Осцика*, богатаго пана, за его измѣнническую переписку съ Москвою, и каштеляна *Вицкаго* за убійство.

Справедливый въ казняхъ, Стефанъ Баторій столько же былъ справедливъ и въ милостяхъ, щедро награждая заслугу и достоинство, безъ всякаго ходатайства, и даже забывая свои личныя неудовольствія. За правду онъ готовъ былъ жертвовать собственною жизнью. Одинъ историкъ [2]) говоритъ, что «Баторій былъ въ костёлѣ болѣе, нежели священникъ, въ республикѣ болѣе нежели сенаторъ, въ судахъ болѣе нежели адво-

---

[1]) I tak o żadnym z walnych owych rzeczy pospolitey interessów, dla których osobliwie był seym zwołany, nic zgoła nie uchwalono. Hist. T. Wagi, стран. 231.

[2]) Пасторій.

катъ, въ войскѣ болѣе нежели гетманъ, на сраженіи болѣе нежели солдатъ, въ перенесеніи непріятностей, въ терпѣніи, добротѣ и въ прощеніи личныхъ оскорбленій—болѣе нежели человѣкъ». Великій король, среди великихъ своихъ дѣлъ и намѣреній для блага Польши, скоропостижно умеръ 12 декабря 1586 года, не имѣвши еще 60 лѣтъ отъ рожденія. Съ его смертью, исчезло счастье Польши «въ бездонной пропасти внутреннихъ неустройствъ» [1]).

Въ царствованіе Баторія славились въ Польши стихотворцы, три брата *Кохановскіе* (Янъ, Петръ и Николай) и историкъ *Мартинъ Кромеръ*.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ

(съ декабря 1586 по декабря 1587).

Со времени перваго избранія короля вольными голосами, въ Польшѣ установились три постоянные поэтому случаю сеймы, повторявшіеся при каждомъ новомъ выборѣ: сеймъ *созывательный* (konwokacyiny), *избирательный* (elekcyiny) и *сеймъ коронаціи* (koronacyiny). На созывательный сеймъ съѣзжались паны и шляхта для того, чтобы съ общаго согласія назначить день, въ который всѣ они должны были собраться для избранія короля. На избирательномъ сеймѣ занимались самымъ выборомъ государя, а сеймъ коронаціи занимался обрядами этого торжества, при чемъ взаимно присягали—король республикѣ, а республика королю. По смерти короля, на все время междуцарствія были учреждаемы такъ называемые *траурные суды* (kapturowe sądy), съ прекрасною, но рѣдко и мало исполнявшеюся, обязанностью блюсти за общественнымъ спокойствіемъ.

Созывательный сеймъ, по смерти Баторія собравшійся 2 февраля 1587 года, былъ бурный. Сильная партія пановъ Зборовскихъ, злобствуя противъ канцлера и гетмана Яна Замойскаго, забыла цѣль сейма и старалась только о томъ, чтобъ унизить своего врага, хотѣла даже отнять у него гетманскую

---

[1]) Znikła szczęśliwość Polski w przepaści bezdennéy domowych roztérków. Dziéje... Tom 2, страп. 200. Нѣкоторые историки подозрѣваютъ въ отравленіи его.

булаву, но не успѣвши въ этомъ, покрайней мѣрѣ отняла у него команду надъ войсками, охранявшими польскія границы отъ татаръ и турокъ. Еще не кончились ссоры поэтому предмету, какъ уже начались другія: протестанты—поляки требовали обезпеченія правъ своего вѣроисповѣданія, а католическіе епископы не соглашались на это. Чтобы не подписывать постановленіе о терпимости иновѣрцевъ, примасъ-архіепископъ, подъ предлогомъ болѣзни, а прочіе епископы, подъ другими предлогами, не ѣздили въ сенатъ. Только одинъ изъ духовныхъ сенаторовъ, каменецкій епископъ *Гослицкій* подписалъ это постановленіе съ прибавленіемъ словъ: «*покоя ради*» (pro bono pacis). Шумѣли, кричали, ссорились, а между тѣмъ тѣло Стефана Баторія ожидало еще погребенія, и въ память величайшаго изъ королей польскихъ никто не сказалъ ни одного слова [1]). Наконецъ—между ссоръ и взаимныхъ оскорбленій назначили для избирательнаго сейма 30 число іюня.

Къ назначенному дню партія Зборовскихъ, въ числѣ 10 тысячъ человѣкъ вооруженной шляхты, прибыла подъ Варшаву на поле избранія, какъ будто на сраженіе. Замойскій съ своею партіей, простиравшеюся до шести тысячъ вооруженныхъ человѣкъ, расположился лагеремъ на томъ же полѣ. Русскіе депутаты великаго княжества литовскаго не пристали ни къ той, ни къ другой партіи и стояли особымъ лагеремъ. Пять недѣль прошло въ ссорахъ и дракахъ. Такъ называемое *рыцарское коло* (кругъ)—мѣсто шумныхъ совѣщаній—часто превращалось въ мѣсто битвы: толпы стрѣляли другъ въ друга [2]). Замойскій съ своею партіей, въ угодность вдовствующей женѣ Баторія, предлагалъ въ короли шведскаго принца *Сигизмунда*, сына ея сестры. Зборовскихъ партія предлагала австрійскаго эрцгерцога *Максимиліана* (брата императора Рудольфа); депутаты великаго княжества литовскаго предлагали московскаго *Царя Θеодора Іоанновича*, съ которымъ они предварительно вошли уже въ сношеніе поэтому предмету; а султанъ турецкій рекомен-

---

[1]) A na pamiątkę naylepszego z królów nikomu nie dano i słowa wywówić z pochwałą. Wrzaski nieprzystoyne w wrzawie powszechnéy rozhukanych stronników tłumiły głos rozumu i zdania pomiarkowańszych. Dziéje... Tom 2, стр. 212.

[2]) Dla zapobieżenia rozlewowi krwi uchwalono, aby obie strony ani zbroyno, ani razem na elekcyą nie przychodziły. Dziéje. Tom 2, стран. 213.

довалъ брата Баторіева и угрожалъ войною, ежели изберутъ Максимиліана, или Θеодора. Послѣ долгихъ споровъ и несогласій условились наконецъ выставить на полѣ три знамени: московское, австрійское и шведское. Русскимъ знаменемъ была *московская шапка*, австрійскимъ—*шляпа нѣмецкая*, а шведскимъ—*селедка*. Подъ московскою шапкою собралось такое множество людей, что и другія двѣ партіи, видя свою малочисленность, присоединились къ нимъ. 4 августа духовенство, сенаторы и шляхетство торжественно приняли въ рыцарскомъ колѣ пословъ Θеодора Іоанновича,—князя *Троекурова*, *Стефана Годунова* и дьяка *Щелкалова*. Все склонялось къ тому, чтобъ литовская Русь возвратилась къ прежнему соединенію съ московскою Русью и чтобъ древняя славянская держава Польша соединилась съ такою же державою Россіей. Послѣ долгихъ и частыхъ переговоровъ сеймовыхъ пановъ съ русскими послами объ условіяхъ такого соединенія, всѣ препятствія были мало по малу устранены посредствомъ обоюдныхъ уступокъ; осталось одно только препятствіе: Θеодоръ Іоанновичъ не захотѣлъ вѣнчаться на королевство по римско-католическому обряду,—союзъ рушился, и поляки отказались отъ московскаго царя.

19 августа примасъ-архіепископъ приставши къ партіи Замойскаго, провозгласилъ королемъ польскимъ *Сигизмунда шведскаго королевича* (по матери внука Сигизмунда I); а партія Зборовскихъ, чрезъ три дня потомъ, провозгласила королемъ *Максимиліана австрійскаго*: опять два разомъ короля, опять междоусобіе и забвеніе всякаго политическаго приличія! Литовскіе паны, желавшіе царя Θеодора Іоанновича, не пристали ни къ Замойскому, ни къ Зборовскимъ, и разъѣхались по домамъ 1).

Обѣ партіи послали пословъ къ своимъ избранникамъ просить ихъ на престолъ; а Замойскій, для обезпеченія своего выбора, овладѣлъ Краковомъ и разставилъ въ немъ свой караулъ. Хотя шведскій король *Іоаннъ III* (сынъ Густава Вазы)

---

[1]) Gdy się między Austryakiem i Szwedem podzielili, Litwa nie chcąc się do żadney stony przypisać, do domów się swoich powróciła. Hist. T. Wagi, стран. 235.

Litwa nie chciała uznać żadnego z obudwuch za Pana, zaraz po tymże rozjechała się do domu. Dzieje... Tom 2, стран. 214.

нарочно воспитывалъ въ католической вѣрѣ сына своего *Сигизмунда* и училъ его польскому языку, чтобы со временемъ доставить ему польскую корону; но теперь, слыша о буйствѣ польскихъ сеймовъ, и почитая польскій скипетръ «ярмомъ, а не жезломъ правленія» 1), долго не соглашался отпустить сына въ Польшу—тѣмъ болѣе, что между условіями его воцаренія тамъ было и то, чтобъ Эстонію отдѣлить отъ Швеціи къ Польшѣ. Послѣ долгихъ споровъ, польскіе послы наконецъ отказались отъ требованія Эстоній и даже угрожали шведскому королю, что возведутъ на свой престолъ врага Швеціи, царя московскаго Θеодора Іоанновича. Угроза подѣйствовала; король шведскій отпустилъ сына.

Сигизмундъ, прибывши въ Гданскъ, выполнилъ въ оливскомъ костёлѣ присягу на предложенныя ему условія царствованія (pacta conventa) и получилъ отъ полковъ польскихъ дипломъ на санъ короля (dyploma elekcyi). 1 декабря Сигизмундъ пріѣхалъ въ Краковъ, благополучно избѣжавши засады, усроенной для него отъ противной партіи, которая хотѣла взять его въ плѣнъ 2). Партія Зборовскихъ долго не теряла надежды возвести на престолъ Максиміліана, который еще 16 октября, съ шестью тысячами нѣмецкаго войска, вторгнулся въ Польшу и шелъ къ Кракову. Зборовскіе присоединили къ нему 2,500 своей вооруженной шляхты. Но Замойскій, еще до пріѣзда Сигизмунда, 25 ноября, сильно поразилъ это войско и прогналъ его отъ Кракова; потомъ, погнавшись за Максиміліаномъ, 25 генваря 1588 года разбилъ его войско на силезской границѣ и самаго его взялъ въ плѣнъ. Партія Зборовскихъ разсѣялась; вся Польша присягнула Сигизмунду,—послѣ всѣхъ присягнула и Литва 3).

Между тѣмъ Сигизмундъ, 27 декабря 1587 года, короновался въ Краковѣ, и потомъ устроилъ великолѣпные похороны предшественнику своему, Стефану Баторію 4).

---

1) Polskiego berła sprawowanie za jarzmo raczey uciążliwe, niżeli za panowanie poczytywał. Тамъ же, стран. 238.

Obawiał się król Szwedzki puścić syna do Polski. Dziéje... Tom 2, стр. 216.

2) Dzieje Kr. Pol... Tom 2, стран. 217.

3) I Litwa wszystka dotąd ni pewna, za króla go uznała, i posłuszeństwo przysięgła. Historia .. Teod. Wagi, стран. 239.

5) Одинъ историкъ очень наивно прибавляетъ, что «wszystka zaś pogrzebowa parada pnblicznym kosztem podięta była»,—какъ будто иначе можно и должно погребать короля?..

Сигизмундъ III
(1587—1632).

Сигизмунду III, при вступленіи на престолъ, было только 20 лѣтъ; царствовалъ онъ 45 лѣтъ, и въ это продолжительное время разстроилъ совершенно Польшу, давно впрочемъ къ тому приготовленную. Всѣ историки польскіе единогласно начинаютъ съ царствованія этого короля оплакивать страшный упадокъ королевства и народа (początek okropnego upadku królestwa i narodu).

Условія, на которыхъ присягнулъ Сигизмундъ—царствовать въ Польшѣ, были повтореніемъ тѣхъ, на которыхъ присягали предшественники его, да къ нимъ были прибавлены еще слѣдующія: a) король обѣщалъ не ѣздить въ Швецію безъ позволенія сейма, b) отвоевать отъ Россіи Новгородъ Великій, Смоленскъ, или по крайней мѣрѣ Псковъ, и c) уступить польской республикѣ свое право на такъ называемую «неаполитанскую сумму», считавшуюся за испанскимъ королемъ. Хотя противъ прежней статьи о терпимости иновѣрцевъ само же духовенство польское опять протестовало, но Сигизмундъ присягнулъ и ее соблюдать, впрочемъ прибавилъ слова: «не нарушая правъ царства»,—каковое прибавленіе можно было изъяснять различнымъ образомъ [1]).

Началъ свое царствованіе Сигизмундъ амнистіей всѣмъ партіямъ, не желавшимъ видѣть его на престолѣ, и потомъ освободилъ изъ плѣна бывшаго соперника своего, эрцгерцога Максимиліана, получивши отъ него предварительно отреченіе отъ всѣхъ правъ на польскій престолъ. Но съ первыхъ же дней царствованія, ни поляки не полюбили Сигизмунда, ни онъ не полюбилъ своихъ подданныхъ, и въ этомъ случаѣ обѣ стороны были совершенно правы. Чрезвычайная ограниченность королевской власти не могла понравиться никакому королю; сверхъ того казна польская была такъ истощена, что Сигизмундъ на престолѣ часто терпѣлъ нужду [2]). А поляки,

---

[1]) Co rozmaicie można było tłómaczyć. Dzieje... Tom 2, стран. 216.

[2]) Nie mając z Szwecyi pieniędzy żył nie raz w niedostatku. Тамъ же, стран. 223.

сравнивая Сигизмунда съ покойнымъ Баторіемъ, были не довольны даже тѣмъ, что онъ не умѣлъ краснорѣчиво говорить, не упоминая уже о другихъ его недостаткахъ [1]).

Спустя одинъ годъ послѣ коронаціи, Сигизмундъ соскучился по Швеціи и выпросилъ у сейма позволеніе на выѣздъ изъ Польши для свиданія съ отцемъ. Поляки подозрѣвали, что онъ навсегда хочетъ оставить Польшу,—многіе даже и рады были тому. А другіе, боясь безпорядковъ междуцарствія, отклоняли его отъ этого намѣренія. Іезуитъ *Петръ Скарга*, имѣвшій сильное вліяніе на Сигизмунда, убѣдилъ наконецъ его не отказываться отъ польскаго престола, «на которомъ онъ такъ много можетъ сдѣлать для католической вѣры» [2]). Повидавшись съ отцемъ въ Ревелѣ, Сигизмундъ возвратился въ Польшу.

Во время отсутствія его, запорожскіе козаки, не спрашиваясь ничьего позволенія, напали на пограничныя турецкія владѣнія, сожгли Бендеры и Козловъ и ограбили всю окрестность. Султанъ турецкій, считая козаковъ подданными польскаго короля, требовалъ, чтобы Польша или заплатила ему въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ 300 тысячъ талеровъ, или же—приняла магометанскую вѣру [3]). Вслѣдъ за тѣмъ турецкія войска показались на польскихъ границахъ, предавая все огню и мечу. Польша не имѣла ни денегъ для войны, ни готоваго войска. Хотя собравшійся поэтому случаю сеймъ опредѣлилъ новую подать для покрытія предстоявшихъ военныхъ расходовъ, но примасъ-архіепископъ Корнковскій, собравши особое *коло*, уничтожилъ постановленіе сейма о новой подати [4]). Коронный гетманъ Замойскій, собравши войско собственнымъ коштомъ, пошелъ противъ турокъ; вслѣдъ за тѣмъ вступилась за Польшу англійская королева Елисавета и принудила Порту къ миру. Тогда же запорожцы едва не были причиною разрыва жежду Россіей и Польшей. Шайка изъ 600 козаковъ разбойничила въ южныхъ предѣлахъ Россіи, сожгла

---

[1]) Zygmunt III nie miał przymiotów króla Stefana, bo gdy ponury Szwed nie umiał odpowiedzieć na przywitanie w wybornéy łacinie uczynione, nie mógł wstrzymać się Zamoyski od zapytania Marcina Leśniowolsklego: «i coż za diablę nieme ze Szwecyi przywiezliście do nas»? Тамъ же, стран. 219.

[2]) Dzieje... Tom 2, стран. 224.

[3]) Śmiał wymagać Cesarz Turecki, żeby albo wiarę mahometańską przyięła Polska, albo szkody poczynione przez kozaków zapłaciła. Тамъ же, стран. 227.

[4]) Тамъ же, стран. 226. Teod, Wagi Historya, стран. 241,

новый городъ Воронежъ и убила тамошняго начальника князя Ивана Долгорукаго. Россія требовала удовлетворенія за это и двинула свое войско къ границамъ великаго княжества литовскаго. Послы польскіе пріѣхали въ Москву просить пощады и, 1-го генваря 1591 года, успѣли утвердить перемиріе съ Россіей еще на 12 лѣтъ.

По окончаніи этихъ тревогъ, Сигизмундъ рѣшился сблизиться съ австрійскимъ домомъ и жениться на дочери эрцгерцога Карла—*Аннѣ*. Сенаторы польскіе долго отговаривали его отъ этого намѣренія и предлагали ему созвать сеймъ для разсужденія объ этой женитьбѣ; но король, не дожидаясь и не спрашивая позволенія у своихъ подданныхъ, 30 маія 1592 года вступилъ въ бракъ съ австрійскою принцессою и потомъ приказалъ короновать ее 1). Вельможи оскорбились такимъ нарушеніемъ присяжныхъ условій царствованія и взвели на короля обвиненія. Говорили что онъ, занимаясь алхиміей, ищетъ философскаго камня, а жалованья войску не платитъ,—покупаетъ дорогія картины, а на общественныя надобности не даетъ ни гроша,—не слушается совѣтовъ Замойскаго, спасавшаго уже нѣсколько разъ отчизну, а предался іезуитамъ,—что его любимцы и совѣтники, ксендзы Бернардъ Голынскій и Петръ Скарга раздаютъ мѣста и достоинства и возмущаютъ общественное спокойствіе, поселяя въ католикахъ вражду къ иновѣрцамъ, которыхъ въ Польшѣ уже не почитали братьями одного семейства, дѣтьми одного отечества, и что, наконецъ, король болѣе заботится о выгодахъ Австріи, нежели Польши 2).

Съ такимъ неудовольствіемъ на короля, паны собрались въ Варшавѣ на сеймъ 6 сентября 1592 года. Этотъ сеймъ, по своей необычайности, былъ названъ *инквизиціоннымъ*. Одна партія, державшая сторону короля, называлась *регалистами*, а другая называвшаяся *канцляристами* отъ главы своего канцлера Замойскаго, требовала, чтобы король оправдался отъ возводимыхъ на него подозрѣній, будто онъ хочетъ уступить польскій престолъ въ пользу одного австрійскаго принца, а самъ думаетъ бѣжать въ Швецію. Для успокоенія раздраженныхъ

---

[1]) Хотѣли-было задержать невѣсту на границѣ, но не успѣли. Teod. Wagi Hist. стран. 243.

[2]) Dzieje.. Tom 2, стран. 228.

умовъ, король принужденъ былъ дать письменное завѣреніе въ томъ, что онъ Польшу не оставитъ и въ Швецію безъ позволенія сейма не поѣдетъ, о назначеніи себѣ наслѣдника вовсе не думаетъ, и правъ народа ничѣмъ не нарушитъ.

Чрезъ два мѣсяца послѣ этого страннаго сейма умеръ въ Швеціи отецъ Сигизмунда Іоаанъ III. Наслѣдство тамошняго престола принадлежало польскому королю; но за отсутствіемъ его объявленъ былъ регентомъ дядя его герцогъ зюдерманскій *Карлъ.* Прошелъ почти цѣлый годъ, пока Сигизмундъ получилъ позволеніе сейма отлучиться въ Швецію, для приведенія въ порядокъ тамошнихъ дѣлъ и пока онъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ (10 окт. 1593). Этимъ временемъ воспользовался дядя его—регентъ и успѣлъ озлобить шведовъ противъ своего племяника, выставляя имъ на видъ тѣ притѣсненія, какимъ Сигизмундъ подвергалъ въ Польшѣ послѣдователей авсбургскаго исповѣданія. Этому озлобленію много содѣйствовало и то обстоятельство, что Сигизмундъ пріѣхалъ въ Швецію со множествомъ іезуитовъ и даже съ нунціемъ папскимъ, какъ будто не на коронацію, а на какую-то духовную миссію. По случаю коронаціи вышли новыя неудовольствія: Сигизмундъ хотѣлъ короноваться отъ папскаго нунціа, а шведы предлагали ему корону изъ рукъ упсальскаго лютеранскаго архіепископа. Едва только въ мартѣ 1594 года Сигизмундъ согласился на желаніе шведовъ и короновался по ихъ обрядамъ.

Послѣ годичнаго отсутствія своего изъ Польши, Сигизмундъ возвратился въ Варшаву, хотя съ титуломъ *короля польскаго и шведскаго*, но не любимый ни поляками, ни шведами.

Не любя и не уважая своего короля, поляки однако старались, по видимому, о благосостояніи своего отечества и, боясь возвратиться въ то беззащитное и слабое состояніе, въ какомъ Польша была до соединенія съ Литвою, хотѣли русскія области великаго княжества литовскаго слить съ собою въ одинъ народъ, чтобъ отвлечь ихъ на будущее время отъ всякаго покушенія къ соединенію съ московскою Русью. Они уже сообщили этимъ областямъ свой образъ правленія и пріучили ихъ къ польской вольности. Русскій языкъ въ этихъ областяхъ съ каждымъ днемъ болѣе смѣшивался съ польскимъ языкомъ. Оставалась не прикосновенною только русская греко-восточная вѣра, которая,

составляя главную стихію русской національности, сильно напоминала этимъ областямъ о древнемъ единеніи ихъ съ московскою Русью: поляки рѣшились перемѣнить въ Литвѣ и эту національность. А король Сигизмундъ III поставлялъ всю славу своего царствованія въ томъ, чтобы, согласно руководству окружавшихъ его іезуитовъ, совращать въ католичество своихъ подданныхъ—иновѣрцевъ и, въ слѣдствіе такой неразумной ревности, хотѣлъ русскую церковь въ Литвѣ соединить къ римско-католической. Въ этомъ отношеніи король и подданные сошлись въ своихъ намѣреніяхъ и поступкахъ: дружно начали преслѣдовать греко-восточную вѣру и, общими силами разстроивши Польшу до возможной крайности, приготовили ее къ совершенному паденію.

Послѣ долговременнаго приготовленія умовъ къ давно-задуманной перемѣнѣ, въ 1595 году былъ созванъ въ *Брестѣ Литовскомъ* духовный соборъ, для соединенія въ Польшѣ восточной церкви съ западною, на основаніи флорентійскаго, неудавшагося соединенія. Князь *Константинъ Острожскій*, отъ лица всего русскаго народа, соединеннаго съ Польшею, протестовалъ на соборѣ противъ предложенной *уніи;* а козачій гетманъ *Ѳедоръ Косинскій*, послалъ отъ себя два представленія,—одно королю и сенату, а другое на соборъ, и откровенно объявилъ, что онъ не ручается за согласіе козаковъ на эту перемѣну. Косинскаго ласково пригласили въ Брестъ на соборъ; но когда онъ пріѣхалъ туда, его живаго замуровали въ каменный столбъ, въ одномъ кляшторѣ. [1]) Это была первая жертва уніи. Козаки, услыхавши о заключеніи своего гетмана, собрались, въ числѣ 7 тысячъ человѣкъ, и пошли освобождать его. Встрѣтившись съ польскимъ войскомъ подъ мѣстечкомъ *Пяткою* они поразили его на голову; но Косинскаго уже не застали живымъ. Папа Климентъ VIII благословилъ брестскую унію. Вся Малороссія и Литва взволновалась.

Правительство польское поручило своему коронному гетману *Станиславу Жолкевскому* занять Малороссію польскими войсками, ввести во всѣ малороссійскіе города, польскіе гарнизоны, не допускать козаковъ до избранія себѣ новаго гет-

[1]) Ustępy u ułamki historyczne. II. O kozakach. Pamiętniki... Maciejowskiego (1839), стран. 297, 298.

мана и вооруженною рукою помогать духовенству при обращеніи русскихъ въ унію.

Но козаки, на основаніи правъ дарованныхъ имъ отъ Станислава Боторія, избрали себѣ въ 1596 году гетманомъ генеральнаго эссаула *Павла Наливайка*, который, по избраніи своемъ, послалъ къ королю Сигизмунду III полковника *Лободу*, съ прошеніемъ о подтвержденіи своего избранія и правъ всего козачества и вмѣстѣ съ жалобою на притѣсненіе, терпимое козаками отъ польскихъ пановъ. Король отвѣчалъ чрезъ Лободу, что на первомъ, имѣющемъ быть сеймѣ онъ постарается прекратить злоупотребленія пановъ; но не смотря на это обѣщаніе, польское войско, подъ начальствомъ Жолкевскаго, напирало на козаковъ. При рѣкѣ *Тясминъ* сошлись козаки съ поляками. Наливайко выставилъ передъ своимъ войскомъ хоругвь съ крестомъ и съ надписью: *«миръ христіанству, а на зачинщика Богъ и крестъ!*;» а поляки, передъ своимъ войскомъ повѣсили трехъ малороссійскихъ чиновниковъ и выставили надъ высѣлицею знамя съ надписью: *«казнь бунтовщикамъ»*. Послѣ того они сдѣлали атаку на козачій лагерь. Убійство и сѣча продолжались болѣе семи часовъ; поляковъ легло болѣе 17 тысячъ, и побѣда осталась за козаками. Тогда Наливайко пошелъ съ своимъ войскомъ очищать Малороссію отъ поляковъ и отъ уніи, пока, наконецъ, пріѣхали къ нему въ лагерь, при рѣкѣ *Сулѣ*, послы отъ Сигизмунда III, съ приглашеніемъ къ миру. Всѣ три гетмана, коронный (или польскій), литовскій и козачій подписомъ своимъ и присягою утвердили мирный трактатъ, обезпечивавшій всѣ прежнія права и привиллегіи козаковъ.

Въ 1597 году открылся въ Варшавѣ сеймъ, на который, въ силу трактата, и козаки имѣли право прислать своихъ депутатовъ. Вмѣстѣ съ тремя депутатами отъ козачества поѣхалъ на сеймъ и самъ гетманъ *Наливайко* [1]. Въ первую ночь по пріѣздѣ ихъ въ Варшаву, поляки взяли ихъ подъ стражу и посадили въ тюрьму, а чрезъ два дня, безъ допроса и

---

[1]) Депутаты были: полковникъ Лобода, судья Ѳедоръ Мазепа и сотникъ кіевскій Яковъ Кизимъ. O Kozakach. Pamiętniki.. стран. 300.

суда, выведши ихъ на площадь, посадили живыхъ въ мѣднаго быка и сжарили въ немъ медленнымъ огнемъ [1]).

Послѣ убійства Наливайка, правительство польское объявило всѣхъ малороссійскихъ козаковъ хлопами, невольниками, или ясыромъ польскимъ, а земли ихъ принадлежащими польской коронѣ,—всю Малороссію заняло своими войсками, всѣ ранговыя имѣнія, деревни и староства козачія раздало во владѣніе своимъ панамъ; потомъ приступило вооруженною рукою къ совращенію всего тамошняго народонаселенія въ унію. Народъ, не принимавшій уніи, былъ объявленъ схизматиками; священники изгнаны изъ приходовъ, а монахи изъ монастырей; русскія церкви сперва были заперты, а потомъ отданы на откупъ жидамъ; некому было отпѣвать мертвыхъ, крестить младенцевъ... Подробная повѣсть о мученіяхъ и мученикахъ, пострадавшихъ при распространеніи уніи, принадлежитъ церковной исторіи. Политическая исторія по необходимости касается этихъ происшествій, на сколько онѣ имѣютъ отношенія къ гражданскому быту Польши. Угнетаемые малороссіяне начали большими толпами бѣжать въ Запорожье и тамъ, въ 1598 году, избрали себѣ гетманомъ генеральнаго обознаго *Петра Конашевича Сагайдачнаго.* Напрасно правительство польское хотѣло обезсилить Сагайдачнаго, назначивши отъ себя козачьимъ гетманомъ сперва сотника *Демьяна Кушку*, а потомъ старшину козацкаго *Бородавку:* первый изъ нихъ подъ Акерманомъ былъ взятъ татарами въ плѣнъ и убитъ, а послѣдняго Сагайдачный поймалъ, отдалъ подъ судъ и, по приговору войсковаго суда, разстрѣлялъ. Послѣ сего поляки, нуждаясь въ Сагайдачномъ, для защиты своихъ границъ отъ татаръ и турокъ, наконецъ признали его гетманомъ всей малороссіи.

Внутреннее разстройство Польши при Сигизмундѣ III родило *первую мысль о неизбѣжности раздѣленія этой державы*, не умѣвшей пользоваться своею самобытностью. Молдавскій господарь *Михаилъ*, поддерживаемый австрійцами и турками,

---

[1]) Bogu dzięka w naszym wieku ledwie można wyobrazić sobie, jak dla różności mniemania w wierze rozlewała się krew ludzka mimo zakazy boskie powszechną cierpliwość zdań odmiennych nakazujące· Dzieje... Tom 2, страница 233.

задумалъ раздробить Польшу—съ тѣмъ, чтобы Россіи отдать все литовское княжество, Швеціи—Ливнію, Австріи—краковскую область, а остальную часть присоединить къ Молдавіи [1]). Для уничтоженія такихъ замысловъ и предпріятій Михаила, былъ созванъ въ Варшавѣ сеймъ; но, вмѣсто пріисканія средствъ отстоять цѣлость своего отечества, паны, съѣхавшіеся на сеймъ, занимались интригами и спорами о замѣщеніи двухъ вакантныхъ епископскихъ каѳедръ—краковской и куявской, а касательно отпора молдавскому господарю ничего не придумали и разъѣхались по домамъ [2]). Не извѣстно, что было бы съ Польшею, если бы опять не спасъ ее доблестный Замойскій. Онъ началъ на собственный счетъ составлять войско и заохотилъ другихъ пановъ къ такому же подвигу. Собравши такимъ образомъ войско, онъ выступилъ съ нимъ противъ Михаила, разбилъ его и, выгнавши изъ Молдавіи и Валахіи, посадилъ на господарствѣ въ Молдавіи прежняго господаря—*Іеремію Могилу*, а въ Валахіи брата его—*Симеона* [3]).

На томъ же сеймѣ Сигизмундъ III жаловался своимъ панамъ объ утратѣ имъ шведскаго престола, которая произошла слѣдующимъ образомъ: по выѣздѣ Сигизмунда изъ Швеціи въ Польшу, дядя его-регентъ-Карлъ, мало по малу, присвоилъ себѣ всѣ права королевской власти—такъ, что Сигизмундъ носилъ только одно имя Шведскаго короля, а дѣйствительнымъ королемъ былъ Карлъ, и это было весьма естественно, если взять во вниманіе одну отдаленность Польши отъ Швеціи. Въ 1598 году Сигизмундъ, съ позволенія варшавскаго сейма, опять ѣздилъ въ Швецію, гдѣ нашелъ всѣ города и крѣпости занятыми войскомъ преданнымъ Карлу. Сигизмунда встрѣчали не какъ короля, но какъ непріятеля—тѣмъ болѣе, что онъ привелъ съ собою около пяти тысячъ войска, составленнаго изъ поляковъ, венгровъ и нѣмцевъ. Послѣ нѣсколькихъ кровавыхъ

---

[1]) Gospodarz Michał, wsparty od austryaków i turków o podziale polski przemyśliwał, gruntując się na nienawiści rusinów ku unii Brzeskiéj, przedsięwziął układy tak zuchwałe, jak widział, że niezdatność Zygmunta wszędzie napaści wolne otwierało pole, bo Moskwie Litwę, Szwedom Inflanty, Austriakóm Kraków obiecawszy, sobie resztę przedsięwziął zawojować. Pierwszy to był zamysł na podział polski. Dzieje.... Tom 2, стран. 239.

[2]) Historya... T. Wagi стран. 250, 251.

[3]) Historya Teod. Wagi, тамъ же.

стычекъ съ войсками своего дяди, Сигизмундъ назначилъ въ Стокгольмѣ сеймъ, для приведенія въ ясность всѣхъ недоразумѣній съ дядею и для устройства упрарленія Швеціей. Всѣ чины шведскіе спѣшили съѣзжаться въ Стокгольмъ; но Сигизмундъ, будучи напуганъ коварными совѣтами служившихъ при немъ шведовъ, не дождался сейма и неожиданно выѣхалъ изъ Швеціи въ Польшу, почти какъ бѣглецъ [1]). Послѣ этого шведы присылали еще просить Сигизмунда, чтобъ онъ или самъ возвратился въ Швецію, или по крайней мѣрѣ прислалъ имъ младенца—сына Владислава. Когда же король не сдѣлалъ ни того ни другаго, то шведы объявили его лишеннымъ престола и возвели на него Карла. Вмѣстѣ съ этою жалобою, Сигизмундъ просилъ варшавскій сеймъ помочь ему возвратить шведскій престолъ; но папы отказали ему въ своей помощи. Такимъ образомъ—у Сигизмунда, кромѣ совращенія иновѣрцовъ въ католичество, открылась на всю остальную жизнь, еще другая забота,—возвращеніе шведскаго престола.

Среди этихъ безпокойствъ со стороны Швеціи и Польши, Сигизмундъ, въ началѣ 1598 годъ, овдовѣлъ. Замойскій совѣтовалъ ему вступить во второй бракъ съ княжною *Ѳеодорою*, сестрою царя Ѳеодора Іоанновича, чтобы найти въ немъ, какъ родственникѣ, союзника въ войнѣ противъ Шведовъ, старавшихся отвоевать отъ Польши Ливонію; но Сигизмундъ рѣшился жениться на австрійской княжнѣ—*Констанціи*, родной сестрѣ первой своей жены. Дождавшись совершеннолѣтія этой невѣсты, опъ въ 1605 году женился на ней и приказалъ короповать ее, опять противъ воли сената и сейма. Замойскаго тогда уже не было въ живыхъ; некому было спасать короля и отечество отъ междоусобія. Кромѣ оскорбленія всѣхъ своею женитьбою, Сигизмундъ нажилъ себѣ еще трехъ личныхъ, сильныхъ враговъ: краковскаго воеводу *Зебржидовскаго*, краковскаго епископа *Мацѣевскаго* и литовскаго подчашаго *Яна Радзивилла*. Воевода былъ озлобленъ на короля за то, что лишенъ былъ казенной квартиры въ зáмкѣ, епископъ за то, что король приказалъ принять балдахинъ надъ его кресломъ въ костёлѣ, а Радзивиллъ за то, что не ему, а Ходкѣвичу король далъ староство дудское.

---

[1]) Własnie do ucieczki podobnym sposobem ze Szwecyi wyjechał. Тамъ же.

Три раздраженные магнаты воспользовались всеобщимъ неудовольствіемъ подданныхъ противъ короля, особенно за покровительствуемую имъ унію, и рѣшились свести его съ польскаго престола. Они начали собирать войско изъ охотниковъ къ бунту и набрали такихъ людей болѣе 60 тысячъ человѣкъ. А у короля всего войска было только три тысячи, да Жолкевскій, по замиреніи съ казаками, привелъ еще къ нему семъ тысячъ. Бунтовщики, не приступая еще къ кровопролитію, объявили междуцарствіе, требовали выбора новаго короля и предлагали избрать *Гавріила Баторія*, господаря семиградскаго. На помощь Сигизмунду пришелъ еще изъ Ливоніи *Ходкѣвичъ* съ 1600 человѣкъ конницы. Въ обоихъ противныхъ войскахъ не было ни согласія, ни дисциплины. Бунтовщики вообще были трусы и не любили повиноваться, а въ королевскомъ войскѣ ссорились между собою вожди, *Жолкевскій*, *Ходкѣвичъ* и *Потоцкіе*. Впрочемъ 6 іюля 1607 года обѣ противныя стороны сошлись подъ *Гузовомъ*, близъ *Сохачева*; битва закипѣла. Бунтовщиковъ легло на мѣстѣ около 1000 человѣкъ, а прочіе разбѣжались. Въ заключеніе своей побѣды, Сигизмундъ объявилъ амнистію всѣмъ своимъ врагамъ. Зачинщики бунта явились къ королю и, получивши прощеніе, повторили свою присягу на вѣрноподданство.

Этотъ постыдный бунтъ подданныхъ противъ короля происходилъ именно тогда, когда полякамъ слѣдовало бы общими силами позаботиться объ удержаніи за собою Ливоніи, которую отнимали у нихъ шведы. Со времени воцаренія въ Швеціи герцога зюдерманскаго Карла, не переставалъ кровавый бой между Польшею и Швеціей за Ливонію и Эстонію. Пока живъ былъ Замойссій, онъ счастливо велъ эту войну, потому-что собственными деньгами платилъ жалованье войску. Но, когда онъ сперва сдалъ команду Ходкѣвичу, а потомъ скоро и умеръ, то польское войско, не получая жалованья, худо сражалось и, отъ частыхъ побѣговъ, очень уменьшилось. Впрочемъ Ходкѣвичъ подъ *Кирхгольмомъ* одержалъ еще знаменитую побѣду надъ шведами, положивши ихъ на мѣстѣ до 9 тысячъ человѣкъ. Когда же Сигизмундъ вызвалъ изъ Ливоніи и Ходкѣвича, для защиты себя отъ бунтовщиковъ; то всѣ

плоды его побѣды были потеряны, и шведы опять овладѣли почти всею Литоніей.

Потерю Швеціи и Ливоніи Сигизмундъ задумалъ вознаградить завоеваніемъ русскаго государства, взволнованнаго самозванцами, не упуская изъ виду и главной цѣли своей жизни,—совращать иновѣрцевъ въ католичество,—для какой миссіи Россія представляла ему обширное поприще. Въ 1603 году нѣкто изъ служителей князя Адама Вишневецкаго, учившійся прежде у іезуитовъ въ *Гущъ* и въ другихъ школахъ 1), притворился смертельно больнымъ, призвалъ къ себѣ духовника-іезуита и признался ему, что онъ —*Димитрій* царевичъ русскій, котораго Годуновъ, для очищенія себѣ дороги къ престолу, приказалъ умертвить, но лѣкарь спасъ его, а вмѣсто его, по ошибкѣ, умертвили похожаго на него мальчика, и что онъ, скрываясь по монастырямъ отъ похитителя престола—Бориса Годунова, зашелъ въ Польшу, гдѣ вотъ—судилось ему умереть. Іезуитъ донесъ объ этомъ Адаму Вишневецкому; тотъ расказалъ брату своему *Константину* и тестю его воеводѣ сандомірскому *Мнишку*. Мнимый больной скоро за тѣмъ выздоровѣлъ; паны польскіе, повѣривши его сказкѣ, окружили его великолѣпіемъ и угодливостью и, при помощи папскаго нунція Рангони, представили Сигизмунду III. Король убѣжденный іезуитами, также повѣрилъ сказкѣ и назначилъ ловкому плуту 40 тысячъ злотыхъ ежегоднаго жалованья. А какъ не было извинительнаго предлога нарушать заключенное перемиріе съ Россіей; то Сигисмундъ, не объявляя ей войны, позволилъ однакожъ своимъ вельможамъ помогать Лжедимитрію въ отысканіи русскаго престола; а самозванецъ принялъ католическое исповѣданіе и далъ іезуитамъ письменное обязательство обратить всю Россію въ католичество, когда онъ сядетъ на московскомъ престолѣ. Папа Климентъ VIII прислалъ самозванцу свое благословеніе. Напрасно Замойскій, Збаражскій и Жолкевскій совѣтовали Сигизмунду не принимать участія въ этомъ нечистомъ дѣлѣ, признавая Лжедимитрія обманщикомъ 2); напрасно и московскій царь Борисъ извѣщалъ Сигизмунда, что

1) W Hoszczy i w Jnflantach w szkołach Iezuickich nauczył się po łacinie. Dziéje... Tom 2, стран. 251.

2) Dzieje... Tom 2, стр. 252.

плутъ, принявшій имя Димитрія, есть бѣглый чернецъ *Григорій Отрепьевъ*: ни царю, ни Замойскому не повѣрила Польша и начала помогать самозванцу, который, для усиленія своей партіи, обѣщалъ, послѣ воцаренія надъ Москвою, жениться на дочери воеводы Мнишка—*Маринѣ*.

Когда этотъ самозванецъ, успѣвшій сѣсть на московскомъ престолѣ при помощи поляковъ и потомъ женившійся на Маринѣ, былъ скоро послѣ того изобличенъ въ обманѣ и убитъ въ Москвѣ, и когда послѣ него возшелъ на московскій престолъ потомокъ Рюрика князь *Василій Шуйскій*, то, по примѣру перваго самозванца, начали являться другіе подобные ему обманщики. Полякамъ весьма понравилось терзать Россію посредствомъ самозванцевъ. Панъ *Мѣховецкій*, любимецъ перваго лжедимитрія, послѣ убійства его въ Москвѣ, сыскалъ въ Польшѣ какого-то человѣка (говорили, будто жида), похожаго на убитаго своего благодѣтеля, взялъ его подъ свое руководство, объявилъ его Дмитріемъ царемъ, уцѣлѣвшимъ и спасшимся въ Москвѣ отъ смерти, и пошелъ съ нимъ добывать московскаго престола и свергнуть съ него Василія Шуйскаго. Выпущенная изъ Москвы жена перваго обманщика—*Марина*, признала и втораго своимъ мужемъ, повѣнчавшись съ нимъ тайно для успокоенія совѣсти. Вельможи польскіе *Рожинскій*, *Сапѣга*, *Вишневецкій*, *Лисовскій* и *Тышкевичи*, каждый съ отрядомъ вооруженной вольницы, вступили въ Россію вмѣстѣ съ вторымъ Лжедимитріемъ и, дошедши до села *Тушина* (12 верстъ отъ Москвы), расположились лагеремъ. Держа Москву въ осадѣ и разоряя окрестности ея, они ожесточили противъ себя все народонаселеніе.

Почитая это время самымъ благопріятнымъ для своихъ видовъ на Россію, Сигизмундъ III, нарушивши вконецъ миръ, и самъ пошелъ на нее войною, въ намѣреніи покорить ее не для самозванца, но для себя, и потомъ обратить въ католичество. *Жолкевскій* совѣтовалъ ему идти прямо къ Москвѣ, но онъ заблагоразсудилъ взять сперва *Смоленскъ* и осадилъ его (сентября 1609). Для усиленія своей арміи, онъ призывалъ къ себѣ тѣхъ поляковъ, которые были въ Тушинѣ подъ Москвою при самозванцѣ, и этимъ такъ ослабилъ его, что тотъ принужденъ былъ бѣжать въ Калугу. Потомъ, когда царь Ва-

силій Шуйскій выслалъ свою армію для очищенія окрестностей Москвы отъ поляковъ, то Жолкевскій, съ небольшимъ отрядомъ своего войска, разбилъ его армію подъ Клушинымъ и осадилъ Москву. По старанію Жолкевскаго, царь Василій Іоанновичъ былъ свергнутъ съ престола буйными крамольниками, а на его мѣсто объявленъ былъ русскимъ царемъ сынъ Сигизмунда III Владиславъ. Посольство изъ Москвы отправилось къ Сигизмунду подъ Смоленскъ—просить, чтобъ онъ оставилъ осаду этого города и отпустилъ сына на московскій престолъ. Сигизмундъ сына не пустилъ, Смоленска не пересталъ осаждать, а пословъ русскихъ посадилъ въ темницу [1]). Между тѣмъ Жолкевскій овладѣлъ Москвою и управлялъ ею во имя Владислава. Когда же въ Москвѣ узнали, что король польскій не думаетъ отпустить сына на царство, а желаетъ завоевать Россію для себя, тогда возстали всѣ поголовно русскіе подъ предводительствомъ *князя Пожарскаго* и гражданина Нижегородскаго *Козьмы Минина;* изгнали поляковъ изъ Москвы и изъ Россіи и поднесли скипетръ русскій родственнику послѣднихъ царей, шестьнадцатилѣтнему юношѣ—*Михаилу Ѳеодоровичу Романову*. Хотя Сигизмундъ, простоявши подъ Смоленскомъ двадцать мѣсяцовъ, достигъ своей цѣли—взялъ этотъ городъ, но—потерялъ цѣлое русское царство, которое само себя предлагало въ подданство сыну его. Памятникомъ этихъ событій осталась въ Польшѣ могила несчастнаго царя московскаго Василія Шуйскаго, взятаго въ плѣнъ и привезеннаго Жолкевскимъ въ Варшаву; но эта могила была для Сигизмунда предметомъ упрека и стыда, а не славы [2]). Вся выгода отъ этой войны состояла только во взятіи на нѣкоторое время Смоленска, а невыгодъ было гораздо больше какъ по причинѣ огромныхъ военныхъ издержекъ, такъ и потому, что польское войско развратилось и сдѣлалось еще буйнѣе и своевольнѣе, чѣмъ прежде [3]). Напрасно Сигизмундъ въ 1617 году посылалъ сына своего Владислава съ вой-

---

[1]) Kazał wtrącić do więzienia. Dzieje. Tom 2, стран. 259.

[2]) Ciało jego spoczywało u Dominikanów w Warszawie z chlubnemi dla Zygmunta III napisami, które raczéy naganę wieczną, niż chwałę wyrzucały mu. Dzieje... Tom 2, стран. 265.

[3]) Z woyny Moskiewskiey prócz Smolenska nic więcéy nie odniosła Rzeczpospolita korzyści, niezmiernie uszkodzona nie tylko przèz wydatki króla i prywatnych, ale i przez zepsucie własnego woyska. Тамъ же, стран. 262.

скомъ и съ воеводою *Ходкѣвичемъ* отыскивать утраченный московскій престолъ; напрасно даже гетманъ запорожскій *Сагайдачный* былъ упрошенъ отъ короля—помочь Владиславу: дошедши до села Тушина, по слѣдамъ втораго самозванца, Владиславъ принужденъ былъ 1 декабря 1618 года заключить съ Россіей миръ въ селѣ *Деулинѣ*, по которому Польша, вмѣсто ожиданнаго покоренія всей Россіи, присоединила къ себѣ, и то не на долго, сверхъ Смоленска, Сѣверскую область, т. е. нынѣшнюю черниговскую губернію.

Московская война пріостановила на нѣсколько времени давнюю войну Сигизмунда со шведами за наслѣдство престола, потому что и шведы, во время междуцарствія въ Москвѣ, старались о возведеніи на русскій престолъ своего королевича *Филиппа* и не имѣли, по этой причинѣ, свободнаго времени для продолженія войны съ Польшею. Перемиріе продолжалось у нихъ съ Сигизмундомъ до 1616 года. Равнымъ образомъ война съ персами удерживала и турокъ отъ нападенія на Польшу. Теперь же, когда московская война приходила къ концу, за однимъ разомъ обрушились на Польшу двѣ войны: со Швеціей и Турціей. Кромѣ того, внутри Польши безразсудное и свирѣпое гоненіе, воздвигнутое на исповѣдниковъ греко-восточной вѣры было пагубнѣе для Польши всѣхъ войнъ и вело ее къ неизбѣжной погибели.

Въ Швеціи, по смерти *Карла* IX, царствовалъ сынъ его *Густавъ-Адольфъ*. Молодой герой, возобновивши войну съ поляками отнялъ у нихъ *Пернаву*, *Ригу*, *Митаву*, *Дерптъ* и всю почти Ливонію. Потомъ перенесъ онъ свое оружіе въ пограничныя съ Пруссіей польскія области и вездѣ поражалъ поляковъ. Впрочемъ, не смотря на свои успѣхи, Густавъ-Адольфъ искренно желалъ примириться съ Сигизмундомъ и возвращалъ ему всѣ свои завоеванія, кромѣ Риги, а отъ него требовалъ только отреченія отъ права на шведскій престолъ. Къ такой чрезвычайной уступчивости побуждало Густава-Адольфа то, что онъ, будучи главнымъ защитникомъ лютеранъ и одинъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ другой войнѣ (названной въ послѣдствіи времени 30 лѣтнею), долженъ былъ напрягать всѣ свои силы, чтобы противиться католической Лигѣ, возставшей на него. Но Сигизмундъ III, сочувствуя вра-

гамъ шведскаго героя,—католическимъ государямъ *Фердинанду II*, императору нѣмецкому и *Филиппу IV*, королю испанскому, гораздо, впрочемъ, меньше помогавшимъ ему въ войнахъ съ Россіей и Швеціей, нежели сколько они обѣщали,—не хотѣлъ внимать усильнымъ просьбамъ сената и сейма польскаго о примиреніи съ Густавомъ-Адольфомъ. Императору не благопріятствовали султанъ турецкій и могучій *Ришелье*, первый министръ Людовика XIII, короля французскаго. Султанъ свое недоброжелательство показалъ между прочимъ и тѣмъ, что пошелъ войною противъ союзника императорова, Сигизмунда; а Ришелье, воюя больше политикою, нежели оружіемъ, успѣлъ наконецъ уговорить Сигизмунда къ примиренію съ Густавомъ-Адольфомъ на 6 лѣтъ. Въ силу перемирія, заключеннаго 26 сентября 1629 года, Ливонія осталась за шведами.

Со времени мира, заключеннаго Сигизмундомъ I въ 1527 году съ султаномъ Солиманомъ II, (см. выше) прошло почти сто лѣтъ; а между Польшей и Турціей не было явной войны. Присяжники Турціи—крымскіе татары и считавшіеся въ подданствѣ польскаго короля запорожскіе козаки дѣлали взаимные набѣги на пограничныя мѣста той и другой державы; но все это ограничивалось взаимнымъ грабежемъ и было болѣе похоже на удальство наѣздниковъ, состязавшихся, кто кого сильнѣе побьетъ и ограбитъ, нежели на войну. Но съ нѣкотораго времени запорожцы начали дѣлать туркамъ безпокойства болѣе чувствительныя. Въ 1614 году они на многихъ лодкахъ пристали къ берегамъ Анатоліи, предали тамъ все огню и мечу и разорили городъ *Синопъ;* а въ 1616 году захватили на Черномъ морѣ нѣсколько турецкихъ купеческихъ судовъ и опустошили городъ *Трапезундъ*. И поляки, подобно запорожцамъ, задѣвали турокъ. Господарь молдавскій *Константинъ Могила*, родственникъ польскихъ пановъ Стефана Потоцкаго, Самуила Корецкаго и Михаила Вишневецкаго, былъ турками свергенъ съ господарства, за неисправный платежъ дани, и просилъ помощи у своихъ польскихъ родичей. Паны польскіе, не спрашивая позволенія ни у короля своего, ни у сейма, составили изъ разной вольницы войско и пошли войною противъ турокъ: а турки, побѣдивши и взявши въ плѣнъ этихъ храбрецовъ, въ томъ же 1616 году, двинулись къ польскимъ границамъ,

подъ предводительствомъ *Скиндеръ-Паши*, въ числѣ 80 тысячъ человѣкъ. Для защиты отечества выступилъ гетманъ Жолкевскій съ войскомъ. Но какъ въ то время еще не была кончена московская война, то онъ, по приказанію Сигизмунда, старался примириться съ турками—тѣмъ болѣе, что подчиненные ему начальники польскаго войска вовсе не повиновались гетману. При заключеніи мира, Жолкевскій отказался за Польшу отъ всякаго вліянія на Молдавію и Валахію [1]).

Къ сожалѣнію, поляки не долго держались своего обѣщанія. Новый султанъ турецкій *Османъ* II, будучи недоволенъ валахскимъ господаремъ *Граціаномъ*, низвелъ его съ господарства въ 1620 году. Поляки вступились за низверженнаго и опять выслали противъ турокъ Жолкевскаго съ войскомъ, при которомъ было и 6 тысячъ командированныхъ отъ Сагайдачнаго козаковъ, подъ начальствомъ генеральнаго эссаула *Потребича*. Самъ Сигизмундъ находился на Волыни, вблизи отъ театра войны. Войско Жолкевскаго, по отсутствію въ немъ дисциплины, могло бы служить образцомъ воинской безнравственности, не слушало приказаній гетмана и, приблизившись къ урочищу *Цецорѣ* надъ Днѣстромъ, частію разбѣжалось [2]). Съ остальнымъ войскомъ Жолкевскій началъ сраженіе съ турками и былъ убитъ; другой гетманъ, *Конецпольскій*, съ большею частью воиновъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Послѣ этой побѣды, случившейся 7 октября 1620 года, султанъ рѣшился завоевать всю Польшу.

Войска въ Польшѣ не было; казны не было; Жолкевскаго не было; Конецпольскій былъ въ плѣну; Ходкѣвичъ умеръ на походѣ; императоръ нѣмецкій не прислалъ помощи. Коекакъ успѣли поляки собрать 35 тысячъ человѣкъ войска, да Сагайдачный пришелъ на помощь съ 30 тысячами козаковъ. Съ этою ничтожною силою нужно было противустать турецкому войску, простиравшемуся свыше 300 тысячъ человѣкъ. Польшѣ предстояла конечная погибель; но Богъ еще разъ спасъ ее: визирь согласился помириться именно тогда, какъ въ поль-

---

[1]) Dzieje... Tom 2, стран. 267.

[2]) Zepsuta karność żołnierża nie słuchała rozkazów hetmańskich. Opuszczony nad Dniestrem hetman od części jazdy swoich poległ pod Cecorą z kwiatem rycerstwa. Тамъ же, стран. 268.

скомъ войскѣ оставался одинъ только боченокъ пороху [1]). Миръ заключенъ былъ на прежнихъ условіяхъ.

Казалось бы, что при такихъ частыхъ и тягостныхъ внѣшнихъ войнахъ, Сигизмундъ долженъ былъ позаботиться о внутренней тишинѣ Польши. Еще болѣе справедливымъ казалось, что козаки, помогавшіе Сигизмунду и въ московской и въ турецкой войнѣ, вполнѣ заслужили отъ короля если не благодарность, то по крайней мѣрѣ терпимость ихъ вѣры и народности. Но Сигизмундъ III рѣшился искоренить въ Польшѣ козаковъ и исповѣдуемую ими грековосточную вѣру. Пока былъ живъ доблестный гетманъ козаковъ Конашевичъ-Сагайдачный (ум. 1622), наставники Сигизмунда—іезуиты хотя прилежно и довольно успѣшно старались о распространеніи уніи въ подвластной Польшѣ Руси, но дѣйствовали по крайней мѣрѣ не слишкомъ нагло, а исподоволь. По смерти Сагайдачнаго, начали дѣйствовать рѣшительнѣе: Сигизмундъ III, прозванный отъ своихъ подданныхъ *королемъ іезуитовъ*, запретилъ козакамъ избирать особаго гетмана, подчинилъ ихъ польскому коронному гетману, а ранговыя гетманскія имѣнія раздалъ польскимъ панамъ. Грековосточная вѣра была названа «*хлопскою вѣрою*». Исповѣдующихъ эту вѣру не допускали ни къ какимъ должностямъ; богослуженіе въ православныхъ церквахъ было позволяемо не иначе, какъ съ заплатою пошлины жиду-откупщику церкви; даже пасхальный хлѣбъ (пасха, куличъ) надобно было покупать у жида съ его мѣткою. За два года предъ смертью Сагайдачнаго, цареградскій патріархъ *Ѳеофанъ* посвятилъ нѣсколько епископовъ на осиротѣлыя каѳедры въ подвластной Польшѣ Руси; но эти пастыри должны были скрываться въ частныхъ домахъ, какъ будто во время гоненія Діоклитіана [2]). Напрасно панъ *Вавржинецъ Дрѫсвицкій*, въ 1620 году, представлялъ сейму и королю о необходимости пощадить русскихъ хоть бы за одно то, что изъ нихъ составляется большая часть польскаго войска [3]). Напрасно князь Константинъ Острожскій въ

---

1) Zaczęto umawiać ugodę 28 września, gdy już jedna beczka prochu tylko była w obozie polskiem, i stanął na ostatek i pokój dnia 7 października r. 1621 na dawne z polską umowy. Dzieje. Tom 2, стран. 269, 270.

2) Dzieje królestwa polskiego T. 2, стран. 272, 273.

3) Тамъ же, стран. 271.

1623, не за долго предъ своею смертью, отъ лица всего русскаго народа жаловался королю и сейму на притѣсненія. Напрасно даже самъ королевичъ Владиславъ вступался и ходатайствовалъ за гонимыхъ козаковъ [1]). Сигизмундъ не внималъ никакимъ представленіямъ и утѣшался тѣмъ, что уже обратилъ къ уніи и къ католичеству до двухъ милліоновъ русскихъ [2]). Подобное же гоненіе терпѣли въ Польшѣ и протестанты, хотя шведскій король Густавъ-Адольфъ, чрезъ своего резидента въ Варшавѣ, неоднократно представлялъ Сигизмунду и сейму о пощадѣ ихъ. Въ одной краковской епархіи было отнято у нихъ до 40 храмовъ.

Малороссійскіе козаки, соединившись съ запорожскими, избрали себѣ въ 1624 году гетманомъ корсунскаго полковника *Тараса Трясилу* и вооружились противъ притѣснителей своей вѣры. Между *Трубежемъ* и *Альтой* близъ *Переяславля*, напалъ на нихъ съ польскимъ войскомъ польскій гетманъ Конецпольскій, освободившійся изъ турецкаго плѣна. Козаки оборонялись нѣсколько дней съ великимъ урономъ для обѣихъ сторонъ. Наконецъ дождались католическаго праздника во славу тѣла Христова, когда польское войско цѣлую ночь пировало и пило. Напавши ночью на пьяныхъ и вломившись въ ихъ лагерь, козаки перебили почти всѣхъ поляковъ—и лагерь ихъ, со всѣми запасами, взали въ добычу [3]). Послѣ этой побѣды, называемой въ лѣтописяхъ *Тарасовою ночью*, Тарасъ началъ очищать Малороссію отъ поляковъ и жидовъ и ужасно отмстилъ за то поруганіе, какому были подвержены грековосточная вѣра и козацкія права.

Истративши всю свою жизнь на безполезныя войны и разстроивши Польшу преслѣдованіемъ своихъ собственныхъ подданныхъ—иновѣрцевъ (диссидентовъ), наконецъ, Сигизмундъ

---

1) O kozakach. Pamiętniki. страница 304.

2) Głucho były te skargi przyjęte, bo król pobłażał wszelkiemu róznowierców prześladowaniu. Tym sposobem nawrócił Zygmund III do dwóch millionow dusz uarodu Ruskiego albo do unii albo do obrządku Łacińskiego. Dziéje. T. 2, страница 272 и 274.

3) O kozakach. Pamiętniki. стран. 305. Въ Литвѣ и Бѣлоруссіи гоненіе было жесточе, чѣмъ въ Малороссіи, въ особенности въ послѣдней свирѣпствовалъ полоцкій архіепископъ Іоасафатъ Кунцевичъ, но чрезмѣрно жестокое преслѣдованіе имъ православныхъ, вывело ихъ изъ терпѣнія. Они составили въ Витебскѣ заговоръ противъ Іосафата и умертвили его въ 1623 г. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ епископства, онъ обратилъ въ унію почти всю Бѣлоруссію.

III, послѣ 45 лѣтняго бурнаго и безразсуднаго царствованія, умеръ 30 апрѣля 1632 года. Исторія затрудняется сыскать въ его дѣлахъ что-либо такое, за что могла бы похвалить его, кромѣ развѣ того, что онъ перенесъ столицу изъ Кракова въ Варшаву и способствовалъ украшенію этого города. Королевскую власть въ Польшѣ онъ уронилъ болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ [1]); подданныхъ своихъ навѣки разсорилъ между собою, внушивши имъ взаимную другъ ко другу ненависть за несогласія въ религіи; обезсилилъ Польшу чрезъ потерю прежнихъ завоеваній [2]); наукъ и вообще просвѣщенія не только не подвинулъ впередъ, но еще именно съ его времени поляки начинають считать у себя упадокъ просвѣщенія [3]). Вообще, по отзыву историковъ, Сигизмундъ III былъ слабаго разума и не способенъ къ правленію [4]).

Владиславъ IV

(1632—1648).

Созывательный и собирательный сеймы, по случаю выбора преемника Сигизмунту III, прошли довольно спокойно, потому что происходившая на избирательномъ сеймѣ ссора католиковъ съ диссидентами не казалась уже тогда чѣмъ-либо необычайнымъ. Луцкій епископъ *Гроховскій* сильно возсталъ и вооружилъ весь сеймъ противъ диссидентовъ. Могло бы произойти кровопролитіе; но у диссидентовъ было только 5 тысячъ войска, а у католиковъ 15 тысячъ; а потому нашли лучшимъ предоставить будущему королю примиреніе враждующихъ сторонъ и приступили къ избранію [5])

Кандидатъ на королевство былъ только одинъ, Владиславъ сынъ Сигизмунда III; его избрали и короновали съ со-

---

[1]) Władza królewska jeszcze bardziéj umniéjszona osłabiła potęgę narodu. Dziéje. Tom 2, стран. 280.

[2]) Można mówić, iż dopiero za panowania Zygmunta III. Polacy poczęli przyzwyczajać się tracić nabyte od przodków swoich prowincye. Hist. T. Wagi стран. 288.

[3]) Od Zygmunta III panowania upadać zaczął w Polsce gust dobry w naukach, na którego miéjsce wkradł się potém ów śmiechu godny styl upstrzony ucinkami łaciny... Тамъ же, стран. 289.

[4]) Słabego umysłu... Тамъ же. Niezdatny do rządu... Dziéje. T. 2, стр. 280.

[5]) Dziéje,.. Tom 2, стран. 283, 284.

блюденіемъ обыкновенныхъ условій, т. е. присяги соблюдать pacta conventa. На сеймѣ коронаціи была объявлена война Россіи, которой войско осадило уже Смоленскъ, въ отмщеніе за то, что Владиславъ не переставалъ именоваться *московскимъ царемъ*, вопреки деулинскому мирному договору.

Уже десять мѣсяцовъ Смоленскъ находился въ осадѣ. Осажденные, томимые голодомъ, готовы были уже сдаться; но прибытіе Владислава съ свѣжимъ войскомъ перемѣнило дѣла. Онъ отбилъ воеводу русскаго *Шеина* отъ Смоленска и заставилъ его заключиться въ окопахъ; а самъ, зашедши ему въ тылъ, занялъ Дорогобужъ и лишилъ его подвоза съѣстныхъ припасовъ. Русское войско изъ осаждающаго сдѣлалось осажденнымъ, и Шеинъ принужденъ былъ сдаться на капитуляцію, отдавши Владиславу весь лагерь, только выведши войско неприкосновеннымъ. Не смотря на такую знаменитую побѣду, Владиславъ желалъ примириться съ Россіей, потому что уже оканчивалось у него перемиріе со шведами, а сверхъ того нужно было отражать турокъ и татаръ отъ южныхъ границъ Польши. Русскій царь *Михаилъ Өедоровичъ* такъ же искалъ мира; а потому, безъ дальнихъ споровъ, и былъ заключенъ съ Россіею миръ возлѣ *Вязьмы* на основаніи прежняго, деулинскаго договора.

Турки и татары вторгнулись въ Галицію и опустошали ее; но гетманъ коронный Конецпольскій напалъ сперва на татаръ и разбилъ ихъ, а потомъ и турокъ отогналъ изъ-подъ Каменца за Днѣстръ. Миръ съ Турціей былъ возобновленъ также на прежнихъ условіяхъ.

Густава-Адольфа уже не было въ живыхъ. Шведскою королевою была малолѣтная дочь его *Христина*, подъ опекою сената. По окончаніи перемирія съ Польшею, шведы, не смотря на неконченную войну въ Германіи (30-ти лѣтнюю), хотѣли-было перенести свое оружіе въ границы польскія; но Франція и Англія, находившія свои выгоды въ продолженіи 30-ти лѣтней войны, устроили такъ, что шведы согласились заключить съ Владиславомъ миръ еще на 26 лѣтъ.

Польша, по видимому, близка была къ тому, чтобы наслаждаться покоемъ: миръ съ сосѣдями былъ укрѣпленъ, а король Владиславъ искренно желалъ добра своимъ подданнымъ

и былъ добръ ко всѣмъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Но, къ сожалѣнію, власть его была слишкомъ ограничена и, по выраженію одного историка, «у него связаны руки» 1); а ядовитая страсть—преслѣдовать за несогласіе въ вѣрѣ такъ вкоренилась въ сердцахъ поляковъ, что умный и добрый король ничѣмъ уже не могъ помочь несчастному состоянію своей республики 2). Въ глазахъ его совершались такія неистовства, отъ которыхъ содрогается сердце. Въ 1633 году козаки избрали своимъ гетманомъ генеральнаго хорунжаго *Павлюка*, который, продолжая дѣло спасенія отечеcва, начатое Тарасомъ Трясилою, началъ собирать и умножать свое войско. Но коронный гетманъ Конецпольскій напалъ на него съ своимъ войскомъ подъ селомъ *Кумейками* и выгналъ его изъ стана. Когда же послѣ того Павлюкъ съ козаками укрѣпился близъ мѣстечка *Боровицы*, то Конецпольскій предложилъ ему миръ съ подтвержденіемъ всѣхъ прежнихъ правъ и привиллегій козачьихъ. Козаки повѣрили—тѣмъ болѣе, что предложенный и принятый мирный договоръ былъ укрѣпленъ съ обоихъ сторонъ подписомъ и присягою; послѣ чего Павлюкъ распустилъ свое войско по домамъ. Воспользовавшись такою вѣрою козаковъ въ святость и ненарушимость присяги, Конецпольскій напалъ на нихъ безоружныхъ и многихъ перебилъ, а Павлюка и четырехъ бывшихъ при немъ козачихъ чиновниковъ велѣлъ схватить, забить въ кандалы, и привезъ въ Варшаву, какъ будто военноплѣнныхъ. Въ Варшавѣ, безъ допроса и суда, у живаго Павлюка содрали съ головы кожу, а четыремъ его чиновникамъ отрубили головы [3]).

Послѣ убійства Павлюка, сеймъ варшавскій того же 1638

---

[1]) Przez określenie zbyteczne władzy swojéj, ręce miał związane. Dziéje. Tom 2, стран. 294.

[2]) Już jadowita jędza gwałtów o różność wiary tak się wkorzeniła w niewinne niegdyś i wcale od niéj stronne serca polaków, że król światły i rozsądny nie mógł wytępić szkaradną gwałtowność nawracania. Dziéje. Tom 2, стран. 290, 291.

[3]) Mimo słowo dane stracono Pawliuka z cztérema hersztami w Warszawie. Dziéje. Tom 2, стран. 295.

Przyrzecznno im, iż królowi na séjmie prezentowani, wolno puszczeni będą; atoli z hańbą publicznéj ufności obietnica nie dotrzymana, i w roku 1638 na gardło skazani. Historya... Teod. Wagi, стран. 296. O kozakach. Pamiętniki. стр. 305.

года опредѣлилъ: уничтожить всѣ права и привиллегіи козаковъ, обратить ихъ самихъ въ состояніе крестьянъ и принудить ихъ къ уніи 1); а козаки, отстаивая свою жизнь и вѣру, тогда же избрали своимъ гетманомъ нѣжинскаго полковника *Степана Остряницу.* Новый гетманъ, видя всю Малороссію въ рукахъ поляковъ, тайнымъ образомъ собралъ козачье войско, близъ Переяславля, и рѣшился съ нимъ очистить сперва приднѣпровскіе города по обоимъ берегамъ рѣки, чтобъ открыть свободное сообщеніе жителямъ обѣихъ сторонъ, а потомъ, разомъ на многихъ пунктахъ, напалъ на поляковъ. Кончивши это дѣло, онъ пошелъ искать польскаго гетмана *Лянцкоронскаго* и нашелъ его въ укрѣпленномъ лагерѣ возлѣ рѣки *Старицы.* Здѣсь произошло ужасное побоище 2); обѣ стороны бились съ крайнимъ ожесточеніемъ и наконецъ козаки побѣдили. Погнавшись послѣ того за Лянцкоронскимъ, Остряница настигъ его въ мѣстечкѣ *Полонномъ.* Коронный гетманъ, не видя никакого спасенія, выслалъ изъ мѣстечка противъ козаковъ духовную процессію, съ хоругвями и крестами и, чрезъ русское духовенство, предлагалъ козакамъ миръ, съ возвращеніемъ козакамъ всѣхъ ихъ правъ и свободы вѣроисповѣданія. Остриница согласился. Высланные отъ него чиновники, вмѣстѣ съ чиновниками Лянцкоранскаго, въ церкви подписали и утвердили присягою на евангеліи мирный договоръ. Козаки опять повѣрили присягѣ своихъ враговъ, и опять дорого заплатили за свою вѣру. По заключеніи мира, Остряница распустилъ козаковъ по домамъ, а самъ, со старшиною войсковою и съ полковниками, заѣхалъ въ городъ Каневъ, чтобы помолиться Богу въ тамошнемъ монастырѣ. Во время отправляемаго имъ молебствія, поляки окружили монастырь и захватили въ немъ Остряницу съ 37-ю спутниками его. Перевязавши ихъ, положили на телѣги и отправили въ Варшаву, какъ будто военноплѣнныхъ, а монастырь сожгли. Въ Варшавѣ была торжественная процессія католическаго духовенства и народа, среди которой вели плѣнниковъ па казнь. Всѣхъ казнили раз-

---

1) Тамъ же, стран. 295, 296 и Dziéje. Tom 2, стран. 295.

2) Większy był krwi polskiéj rozlew nad rzeką Starczą, jak cała wojna Szwedzka kosztowała. Dziéjo. Tom 2, стран. 205.

личными родами мученій: у живаго Остряницы тянули на колесо жилы изъ рукъ и ногъ, пока онъ скончался. Жены и дѣти мучениковъ тутъ же были замучены различными родами смерти [1]), превышающими всякую мѣру жестокости. Головы и отрубленныя руки и ноги замученныхъ были разосланы по всей Малороссіи и, для страха, выставлены на площадяхъ по городамъ.

Съ 1639 по 1647 годъ Малороссія находилась въ самомъ тяжкомъ порабощеніи. Народъ страдалъ, и, молча, собирался съ силами для освобожденія своего [2]). Чтобъ удержать этотъ народъ отъ выбора гетмана, польское правительство само назначило одного козачьяго старшину, *Ивана Бараша*, *наказнымъ гетманомъ* для козаковъ (т. е. исправляющимъ должность гетмана въ зависимости отъ другаго, польскаго коронного гетмана); а къ этому наказному гетману оно назначило генеральнымъ писаремъ одного изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ козаковъ—*Зиновія-Богдана Хмѣльницкаго*. Въ 1647 году Барабашъ, по совѣту Хмѣльницкаго, сдѣлалъ королю Владиславу IV представленіе о томъ притѣсненіи, какое терпѣли малороссіяне отъ поляковъ, и просилъ защиты. Владиславъ сильно ходатайствовалъ въ сенатѣ за угнетенныхъ малороссіянъ, но всѣ его усилія остались безуспѣшны. Тогда Владиславъ отвѣчалъ Барабашу, что «козаки, будучи воинами, «сами себя должны защищать оружіемъ, а онъ ничего не мо-«жетъ сдѣлать въ ихъ пользу» [3]). Генеральный писарь Хмѣльницкій, съ этимъ королевскимъ письмомъ, поѣхалъ въ Запорожье, поднялъ кличъ объ освобожденіи Малороссіи, былъ единогласно избранъ козаками въ малороссійскіе гетманы и пошелъ освобождать свою родину. Завладѣвши польскими крѣпостями *Кудакомъ* и *Каменцомъ-Подольскимъ* и разбивши польскія войска при *Желтыхъ Водахъ* подъ *Корсунемъ* и подъ

---

[1]) Между прочимъ, у женъ вырѣзывали груди и сосцами били ихъ мужей по лицу.

[2]) Szérzyło się złe na Ukrainie co raz bardziéy, gdy tym czasem w Polszcze nasiona bezrządu Władysław IV znieść i uprzątnąć nie zdołał. Dzieje.. Tom 2, стран. 295.

Kozacy od Polaków coraz nieznośnieysze uciemiężenia cierpiąc, o zrzuceniu z siebie iarzma skutecznie zamyślają. Hist. T. Wagi, стран. 298, 299.

[3]) Wy iesteście rycérze, macie muszkiety i szable, a więc macie czém bronić wolności waszéy; na tem polegaycie, ale nie na mnie, bo ja nic wam pomódz nie mogę. O kozach pamiętniki... стран. 307,

городомъ Баромъ, Хмѣльницкій раздѣлилъ свое войско на нѣсколько отрядовъ, и прошелъ всю Малороссію, отъ Львова до Новгорода-Сѣверскаго, очищая ее отъ поляковъ и жидовъ. Изъ Кіева онъ (въ 1648 году) тайно послалъ первую просьбу русскому царю *Алексію Михаиловичу* о принятіи Малороссіи въ вѣчное соединеніе съ великою Россіей; но царь, по своей осторожности, не спѣшилъ еще съ этимъ дѣломъ. А король польскій Владиславъ IV прислалъ въ Кіевъ къ Хмѣльницкому воеводу *Киселя* и князя *Четвертынскаго*, съ милостивымъ своимъ рескриптомъ, утверждающимъ его въ званіи гетмана, и съ гетманскими клейнотами,—булавою, бунчукомъ и горностаевой мантіей. Гетманъ благодарилъ короля и просилъ, чтобы права козаковъ и свобода ихъ вѣры были со стороны Польши обезпечены и утверждены особеннымъ актомъ. Владиславъ сильно ходатайствовалъ объ этомъ въ польскомъ сенатѣ; но примасъ-архіепископъ и гетманъ коронный *Іеремія Вишневецкій* воспротивились этимъ требованіямъ и увлекли на свою сторону весь сенатъ. Вскорѣ за симъ король заболѣлъ и умеръ, оставивши Польшу въ самомъ опасномъ состояніи отъ угрожавшей новой войны съ козаками. Хмѣльницкій плакалъ о смерти Владислава, который искренно любилъ козаковъ, и повелѣлъ по всѣмъ церквамъ Малороссіи молиться о упокоеніи души короля, «пострадавшаго правды ради и за народъ благочестивый» [1]).

За два года предъ своею смертью, Владиславъ хотѣлъ было начать войну съ турками, будучи побуждаемъ къ тому венеціанами и папою, которые предлагали ему 500 тысячъ талеровъ и уже дали задатокъ. На эти деньги король началъ въ 1646 году тайно приготовлять войско и уже собралъ его до 15 тысячъ человѣкъ. Но паны польскіе, боясь, чтобы король, подъ предлогомъ войны, не употребилъ войска на подавленіе республиканской вольности ихъ, не только не позволили ему воевать съ турками, но еще взяли отъ него обѣщаніе, что впредь, безъ вѣдома сената, онъ не будетъ собирать войска, объявлять войну и входить въ какое-либо сношеніе съ ино-

---

[1]) Исторія Руссовъ, Георгія Конискаго, стран. 86.

Smerć jego dla Rzeczypospolitey była nayniewcześnieysza, bo on sam tylko miał u kozaków jeszcze niejakąś ufność mimo stracenie Pawliuka. Dzieje Tom 2, стран. 299.

странными дворами и посылать къ нимъ пословъ, а сверхъ того не будетъ имѣть при себѣ гвардіи болѣе 1,200 человѣкъ.

Не смотря на такое ограниченіе власти, Владиславъ, въ слѣдующемъ 1647 году, безпрепятственно успѣлъ сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи въ Польшѣ почтъ. Безъ сомнѣнія, онъ могъ бы гораздо болѣе добра сдѣлать для своего государства; но его *государство*, не стыдясь, называлось уже *республикою*, и эта республика, самымъ унизительнымъ образомъ, стѣсняя своего вѣнценосца и, всегда подозрѣвая его, не допускала ни къ какимъ распоряженіямъ. Такимъ образомъ—еще въ началѣ своего царствованія Владиславъ учредилъ-было, для награжденія заслугъ, особенный орденъ [1]), и папа урбанъ VIII, по тогдашнему обычаю, благословилъ это учрежденіе; но поляки не хотѣли видѣть на себѣ никакихъ знаковъ отличія, не приняли этого ордена и даже требовали уничтоженія всякихъ титуловъ, кромѣ древнихъ княжескихъ.

Вмѣстѣ съ упадкомъ Польши продолжался въ царствованіе Владислава IV и упадокъ просвѣщенія. Хотя краковскій университетъ, съ зависѣвшими отъ него гимназіями, или *колоніями*, образовалъ многихъ умныхъ людей и многихъ хорошихъ писателей; но политическое состояніе Польши убивало любовь къ наукамъ [2]), а іезуиты, захватившіи въ свои руки образованіе юношества, своимъ направленіемъ еще болѣе вредили просвѣщенію. Благомыслящіе вельможи *Замойскій Радзивиллъ* и *Любранскій*, желая противустать направленію іезуитовъ, устроили на свой счетъ училища въ *Замостьѣ*, *Олыкѣ* и *Познани* [3]). Впрочемъ, хотя замойская академія, равно какъ и познанская выдавали дипломы на степень докторовъ богословія, философіи и правъ, но и тамъ наука была заглушена схоластикою и *макаронизмами* латинскими. Съ 1642 года вошли въ Польшу новые наставники, монахи—піары (Scholarum piarum), и вступили въ соперничество съ іезуитами,

[1]) Order Nayświętszéy Panny niepokalanego poczęcia· Dzieje... Tom 2, стран. 300· Histor. T. Wagi, стран. 298.

[2]) Położenie stanu polityczego narodu paraliżowało wszystko, i zniechęcało do nauk. O zakładach naukowych etc... przez Maciejowskiego. Pamiętnik 1. стран. 329.

[3]) O zakładach naukowych, i o skutkach oświaty u słowian, od wieku XIV aż do wieku XVII. przez Maciejowskiego. Pamiętnik 1. стр. 332, 333.

но скоро и сами подчинились ихъ направленію, истребляя въ своихъ воспитаникахъ національность. Поляки на сеймахъ требовали, чтобы въ отправленіи общественныхъ дѣлъ былъ употребляемъ языкъ польскій, а не латинскій; но образователи народа противились этому. Въ русскихъ областяхъ бывшаго литовскаго княжества, отъ палатъ до хижины, вездѣ былъ употребляемъ русскій языкъ; но іезуиты изгнали его оттуда и замѣнили латинскимъ и польскимъ [1]). Въ наукахъ была такая же безладица: логикѣ, напримѣръ, учили не для того, чтобы правильно мыслить, но чтобъ изъ правды сдѣлать неправду [2]).

Паны, не довольные общественнымъ образованіемъ въ Польшѣ, начали воспитывать своихъ дѣтей дома, посредствомъ чужестранныхъ гувернеровъ; но большая часть гувернеровъ оказалась изъ чужестранныхъ лакеевъ, безъ вѣры и чести. И хотя духовенство хотѣло установить надзоръ за домашними наставниками, провѣряя книги, по которымъ они учатъ; но это была безполезная полу-мѣра, тогда—какъ всѣхъ этихъ наставниковъ нужно было выгнать. Паны начали высылать свою молодёжь за границу для ученья и образованія; но весьма не многіе возвратились оттуда съ полезными знаніями, а большая часть *«паничей»* научилась за границею только танцовать, играть, проводить время въ праздности и какъ можно меньше походить на поляковъ. Однимъ словомъ: воспитаніе польскаго юношества находилось въ плачевномъ состояніи [3]).

Іезуиты показали очень неразумную ревность и въ цензурѣ книгъ, которою они завладѣли. На площадяхъ городскихъ въ Польшѣ не рѣдко пылали костры книгъ, сожигаемыхъ рукою палача. Страшному осужденію ихъ подверглась даже библія, переведенная въ 1532 году въ Гданскѣ на польскій языкъ, за одну типографическую ошибку, допустившую (Еванг. Матѳ. IV, 1.) напечатать предлогъ *до* вмѣсто *отъ* [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 343, 344.

[2]) Wykładają Logikę nie dla tego, ażeby nauczyć myśleć podług prawideł, lecz z prawdy nieprawdę uczynić. Тамъ же, стран. 344.

[3]) Kiedy w tak opłakanym stanie było u nas wychowanie młodzieży w czasach nayświetniéyszych dla Polski, iakież dopiéro być musiało w póżniéyszych chwilach, kiedy wszystko dążyło do upadku? O zakładach naukowych, etc.. Pamiętnik 1. przez W. A. Maciejowskiego, стран. 346.

[4]) Dzieje królestwa Polskiego, przez J. S. Bandtkie, Tom 2, стр. 306.

Короче: съ упадкомъ правленія, въ Польшѣ все клонилось къ паденію и разрушенію.

Янъ-Казиміръ

(1648—1668).

По смерти Владислава IV, Богданъ Хмѣльницкій, до выбора новаго короля, не хотѣлъ предпринимать никакого движенія противъ Польши и стоялъ съ своимъ войскомъ, равно готовый на бой и на честный миръ [1]). Правительство польское не умѣло изъ козаковъ и изъ всего подвластнаго ему народа сдѣлать благоразумное употребленіе для благоденствія Польши; и созывательный сеймъ, бывшій 16 іюля 1648 года, предложилъ Хмѣльницкому такія унизительныя условія примиренія, какъ будто поляки только-что одержали надъ ними славную побѣду [2]). Но, не надѣясь на принятіе Хмѣльницкимъ тѣхъ условій, паны вслѣдъ за тѣмъ выслали противъ него войско и потомъ назначили избирательный сеймъ на 6 число октября.

Польское войско остановилось подъ *Пилавцами*, въ виду Хмѣльницкаго. Ни чего не предпринимая, вожди польскаго войска ссорились между собою, а войско пировало и пило. Но когда узнали, что къ Хмѣльницкому пришло на помощь 6 тысячъ крымскихъ татаръ, то паны и шляхта такъ перепугались, что, оставивши свой лагерь, бросились бѣжать, куда кто могъ. Хмѣльницкій самъ себѣ не вѣрилъ [3]), видя бѣгущихъ непріятелей.

Между тѣмъ 22 ноября 1648 года былъ въ Варшавѣ выбранъ въ польскіе короли родной братъ покойнаго короля Владислава—*Янъ-Казиміръ*, бывшій дотолѣ монахомъ и кардиналомъ. Польшу всю такъ легко было тогда завоевать, что,

---

[1]) Dzieje Król· Polsk. Tom 2, стран. 313.

[2]) Chcieli jedni surowośią, drudzy przez łagodną odwłokę rozruchy kozackie zatłumić; ale nie czyniono zadosyć ani temu, ani owemu zamiarowi. Seym podał kozakom kondycye do pokoiu, iak gdyby zwycięzki oręż nowe był odniósł korzyści· Тамъ же.

[3]) Ledwie sam mógł uwierzyć, że nie miał nieprzyjaciela przed sobą. Тамъ же, стр. 316. Polacy, gdzie kto mógł i jak mógł, uciekać poczęli, armaty i cały tabor zostawiwszy. O kozakach. Maciejowskiego. стран. 312.

послѣ бѣгства своего войска изъ-подъ Пилавцовъ, поляки сами удивлялись, почему Хмѣльницкій цѣлыя три недѣли оставался въ бездѣйствіи, ожидая выбора короля; иные даже называли это чудомъ Божіимъ, ослѣпившимъ гетмана [1]). Но это происходило отъ той простой и ясной причины, что Хмѣльницкій былъ *не бунтовщикъ* и *не завоеватель*, а только благородно защищалъ то, чего дороже нѣтъ для человѣка—бытіе и вѣру своей родины,—слѣдовательно онъ ожидалъ, не позволитъ ли новый король родинѣ его существовать и вѣрить по-прежнему, а потому, впредь до выбора новаго короля, онъ и не хотѣлъ предпринимать ничего противъ своихъ враговъ.

Янъ-Казиміръ немедленно послѣ своей коронаціи, бывшей 17 генваря 1649 года, выслалъ къ Хмѣльницкому въ Переяславль знаменитое посольство съ гетманскою булавою и бунчукомъ и съ предложеніемъ мира. Гетманъ, принявши клейноды, отзывался о королѣ съ должнымъ уваженіемъ, но безпощадно разбранилъ пановъ и латинское духовенство [2]) за ихъ наглые и жестокіе поступки съ козаками и вообще съ Русью, не принимавшею уніи; а въ заключеніе предложилъ посламъ слѣдующія главнѣйшія условія, на которыхъ онъ съ козаками согласенъ возобновить вѣрноподданическую присягу: 1) возвращеніе козакамъ прежнихъ правъ и преимуществъ, 2) изгнаніе изъ Малороссіи іезуитовъ и жидовъ, 3) уничтоженіе уніи, 4) постоянный комплектъ козачьяго войска изъ 40 тысячъ человѣкъ, 5) позволеніе православному кіевскому митрополиту присутствовать въ польскомъ сенатѣ и занимать тамъ первое мѣсто послѣ примаса-архіепископа. Еслибы Польша приняла и выполнила эти условія, то она могла бы присоединить къ себѣ Малороссію такъ же, какъ великое литовское княжество, упрочила и продлила бы свое существованіе; но сенаторы польскіе и слышать не хотѣли объ этихъ условіяхъ. Янъ-Казиміръ поспѣшилъ жениться на вдовѣ брата своего Владиславъ и, принявши главное начальство надъ польскимъ войскомъ, выступилъ съ нимъ противъ Хмѣльницкаго. Само собою разумѣется, что онъ оставилъ духовный санъ и женился на ближайшей своей родственницѣ не иначе, какъ съ разрѣшенія

[1]) Dzieje... Tom 2, стран. 317.

[2]) Тамъ же, стран. 319,

папы, который войну съ козаками почиталъ религіозною войною,—въ слѣдствіе чего нунцій папскій далъ въ напутствіе на войну Яну-Казиміру священное знамя [1]).

Главный отрядъ польской арміи съ коронпымъ гетманомъ Вишневецкимъ ожидалъ короля близъ *Збаража.* Хмѣльницкій напалъ на этотъ отрядъ и, послѣ сильной сѣчи, принудилъ его запереться въ городѣ, гдѣ и рѣшился изнурить его голодомъ, облегши Збаражъ со всѣхъ сторонъ и не допуская къ осажденнымъ съѣстныхъ припасовъ. Когда же гетманъ узналъ, что Янъ-Казиміръ съ 40 тысячами войска спѣшитъ на выручку осажденныхъ, то оставивши подъ Збаражемъ одну часть своего войска, съ другою пошелъ на встрѣчу королю и встрѣтился съ нимъ возлѣ *Зборова.* Здѣсь 17 іюня 1649 года козаки одержали рѣшительную побѣду надъ поляками и могли бы взять самаго короля въ плѣнъ, но Хмѣльницкій, благоговѣя къ помазаннику Божію, приказалъ не прикасаться къ его особѣ. Истребивши и разсѣявши королевское войско, гетманъ возвратился къ Збаражу, въ которомъ, чрезъ пять недѣль голода, много поляковъ умерло, много разбѣжалось, а остальные, полуживые, сдались съ Вишневецкимъ на капитуляцію. Янъ-Казиміръ самъ предложилъ Хмѣльницкону миръ [2]) и заключилъ съ нимъ договоръ на всѣхъ тѣхъ условіяхъ, которыя гетманъ прежде предлагалъ въ Переяславлѣ посламо его (см. выше). Этимъ договоромъ была означена между прочимъ слѣдующая граница Малороссіи съ правой стороны Днѣпра: отъ Чернаго моря и Лимана днѣпровскаго вверхъ на полдень по рѣкѣ Днѣстру, а отъ вершины Днѣстра до рѣкѣ Горыни; отъ Горыни до Припети, а оттуда, Днѣпромъ, до г. Быхова, потомъ къ рѣкѣ Сожъ, и Сожемъ до смоленскаго уѣзда, Послѣ подписанія королемъ этого договора, гетманъ повелѣлъ войскамъ своимъ, находившимся внѣ означенной границы, возвратиться въ Малороссію.

Но зборовскій мирный договоръ продолжался менѣе года. Когда, на основаніи этого договора, кіевскій православный митрополитъ *Сильвестръ Коссовъ* пріѣхалъ въ Варшаву, чтобъ занять свое мѣсто въ сенатѣ, то папскій нунцій и поль-

---

[1]) Dzieje... Tom 2, стр. 323.

[2]) Król prosił sam o pokóy. O kozakach pamiętniki. Maciejowskigo, стр. 316.

скіе епископы объявили королю, что ежели только этотъ святитель вступитъ въ сенатъ, то они всѣ тотчасъ выйдутъ изъ него [1]). Наконецъ съ обѣихъ сторонъ былъ нарушенъ договоръ слѣдующимъ образомъ: 7 іюля 1650 года поляки ночью напали на брацлавскій козачій полкъ, стоявшій лагеремъ при мѣстечкѣ *Краснополѣ* и разбили его на голову: а генеральный эссаулъ казачьяго войска—*Богунъ*, узнавши о такомъ пораженіи своихъ земляковъ, переправился съ своимъ отрядомъ чрезъ Бугъ и также нечаянно напалъ на поляковъ, торжествовавшихъ свою побѣду, и разбилъ ихъ на голову. Начиналась новая кровопролитная война: Янъ-Казиміръ опять получилъ изъ рукъ папскаго нунція освященную хоругвь и выступилъ противъ козаковъ [2]). Подъ его хоругвью собралось войска болѣе 100 тысячъ человѣкъ; войска эти встрѣтились съ Хмѣльницкимъ на Волыни подъ *Берестечкомъ*. Здѣсь, 28 іюня 1651 г., произошло упорное сраженіе, на которомъ обѣ противныя стороны показали блистательную храбрость и стойкость. Побѣда долго не склонялась ни на чью сторону. Но когда крымскіе татары, бывшіе при войскѣ Хмѣльницкаго, дрогнули и обратились въ бѣгство, тогда побѣда перешла на сторону поляковъ [3]). Козаковъ погибло на этомъ сраженіи до 30 тысячъ человѣкъ; весь лагерь ихъ, 18 пушекъ и военная казна Хмѣльницкаго, все досталось побѣдителямъ, которые, однакожъ, не умѣли воспользоваться своею побѣдою, не смотря на то, что почти въ одно и тоже время съ нею князь Радзивиллъ разбилъ другой козачій отрядъ подъ Лоевымъ и потомъ овладѣлъ Кіевомъ. Хмѣльницкій, какъ будто не потерпѣвъ пораженія, опять собралъ болѣе 50 тысячъ козаковъ и опять выступилъ противъ поляковъ. Послѣ обоюдныхъ побѣдъ и утратъ во время стычекъ подъ *Хвастовымъ*, при *Масловѣ Ставѣ* и и подъ *Бѣлою Церковью*, обѣ воюющія стороны желали мира

---

[1]) Duchowieństwo z Nuncyuszem zaniośłszy uroczystą protéstacyą przeciw Metropolicie Kijowskiemu, oświadczyło królowi, że kiedy nowo przybyły do Warszawy Metropolita Silwester Kossow zasiędzie w Senacie, to Biskupi Łacińscy z obrad seymowych ustąpią. Dzieje... Tom 2, стран. 325.

[2]) Ruszył król powtórnie z poświęconą z rąk Nuncyusza swiętą chorągwią z Warszawy. Тамъ же, стран. 328.

[3]) Pierzchnęli Tatarzy, i wszelkie usiłowania Chmielnickiego wrócić ich do bitwy były daremne. Ale jednak gdy nie korzystano z zwycięstwa, udało się kozakom nowy utworzyć tabór. Dzieje.... Tom 2, стран. 329.

и заключили его 28 сентября 1651 года въ *Бѣлой Церкви.* Условія этого мира свидѣтельствовали, что Хмѣльницкій былъ безсильнѣе прежняго и принужденъ былъ согласиться на уступки, а именно: вмѣсто прежняго числа 40 тысячъ реэстровыхъ козаковъ, положено было содержать ихъ только 20 тысячъ и— что всего несноснѣе было для козаковъ—позволено было жидамъ жить въ Малороссіи. Многіе козаки не захотѣли оставаться вблизи польскихъ границъ и, съ позволенія Хмѣльницкаго, переселились на *булавинскія степи* и основали тамъ слободы Ахтырку, Изюмъ, Сумы, Харьковъ, и другія.

Бѣлоцерковскій договоръ былъ еще менѣе надеженъ, нежели Зборовскій: и послѣ зборовскаго трактата латинское духовенство не переставало обращать русскій народъ къ уніи [1], а теперь дѣйствовало еще смѣлѣе. Не ограничиваясь этимъ, поляки посягали даже па семейное счастье гетмана Хмѣльницкаго. Когда любимый старшій сынъ его *Тимоѳей* ѣхалъ въ Молдавію жениться на дочери тамошняго господаря *Лупулы,* то польскій гетманъ *Мартинъ Калиновскій* съ своимъ отрядомъ напалъ на молодаго жениха подъ *Батовомъ* и, вѣроятно, въ случаѣ побѣды, то же бы сдѣлалъ съ нимъ и съ его конвоемъ, что козаки сдѣлали съ разбитымъ его отрядомъ: Калиновскій былъ убитъ въ этой стычкѣ, а весь отрядъ его козаки вырѣзали. Въ отмщеніе за это, правительство польское вооружило князя трансильванскаго *Юрія Ракочія* противъ Тимоѳеева тестя, господаря молдавскаго *Лупулы* [2]). Когда же Тимоѳей Хмельницкій, оказавши съ своимъ отрядомъ необходимую помощь тестю противъ *Ракочія* и волошскаго господаря *Радула,* возвращался изъ Молдавіи въ Малороссію, то поляки напали на него близъ города *Сочавы,* гдѣ онъ и былъ убитъ пушечнымъ ядромъ. Гетманъ горько плакалъ надъ привезеннымъ къ нему трупомъ сына и потомъ, какъ раненный левъ, бросился искать его убійцъ. Подъ *Жванцомъ* онъ нашелъ самаго короля *Яна-Казиміра* въ лагерѣ и напалъ на его

---

[1]) Nie przestawano i w tym czasie nawracać na unią. Dziéje. T. 2. страница 325.

[2]) Poruszono wszelkich na pomstę wiarołomcy sprzężyn. Тамъ же, страница 337.

войско, приказавши опять козакамъ не стрѣлять въ самаго короля и не прикасаться къ нему. Не смотря на храбрость и многочисленность королевскаго войска, козаки побѣдили его и одинадцать тысячъ человѣкъ взяли въ плѣнъ, тутъ могли бъ они взять и короля, но Хмѣльницкій позволилъ ему спокойно уѣхать со всѣми экипажами, и даже далъ отъ себя почетный конвой. Король прислалъ къ гетману сенатора *Лянцкоронскаго* и генераловъ *Потоцкаго* и *Собіесскаго* договариваться о мирѣ. Заключили новый мирный договоръ, который былъ подтвержденіемъ прежняго договора зборовскаго во всемъ его объемѣ. Но хотя были соблюдены всѣ формальности со стороны поляковъ—и присяга въ вѣрности договора, и ратификація; однако Янъ-Казиміръ обманывалъ Хмѣльницкаго и хотѣлъ погубить его [1]), дѣйствуя въ этомъ случаѣ, какъ старый іезуитъ. Хмѣльницкій понималъ все это и, приближаясь къ могилѣ, боялся за будущность Малороссіи—тѣмъ болѣе, что и козаки отъ частыхъ сношеній съ поляками переняли у нихъ духъ буйнаго своеволія. Послѣ долгаго размышленія, старый гетманъ въ 1653 году опять повторилъ свою просьбу русскому царю Алексѣю Михайловичу о принятіи его въ свое подданство, со всѣмъ малороссійскимъ народомъ. Царь, не желая изъ-за козаковъ нарушать миръ съ Польшею, а между тѣмъ, по человѣчеству и единовѣрію, сожалѣя объ нихъ, сперва хотѣлъ примирить ихъ съ королемъ и съ республикою польскою, для чего и выслалъ въ Польшу своихъ пословъ. Но послы московскіе ничего не успѣли сдѣлать въ Варшавѣ въ пользу козаковъ, только слышали повсемѣстныя тамъ угрозы, что вся Малороссія непремѣнно будетъ приведена къ уніи. Послѣ сего царь объявилъ Хмѣльницкому, что онъ согласенъ принять Малороссію въ свое подданство и выслалъ въ Переяславль своего боярина *Бутурлина*, для присутствія при присягѣ гетмана, козаковъ и прочихъ жителей. 8 генваря 1654 года Хмѣльницкій съ войсковою старшиною присягнулъ на подданство

---

[1]) Z ostatniego niebezpieczeństwa wyratował się król powtórnie, przeciągnąwszy na stronę swoję tatarów. Stanęła zgoda na umowę zborowską na pozór tylko, bo król potajemnie z hanem ułożył sobie, aby kozaków do szczętu wygubić. Dzieje. Tom 2, стр. 338.

русскому царю, а вслѣдъ за нимъ присягнула и вся Малороссія.

Отпаденіе Малороссіи отъ Польши и всѣ бывшія по этому случаю войны едвали принесли столько зла польской республикѣ, сколько принесло одно слово: «*не позвалямъ*» (veto), начавшее съ 1642 года разрушать и уничтожать постановленія сеймовъ. До 1642 года дѣла на сеймахъ вершились по большинству голосовъ, хотя для формы была употребляема фраза о «единогласномъ рѣшеніи»; но теперь нѣкто *Сицинскій* (этотъ польскій Геростратъ), депутатъ упицкаго повѣта, первый закричалъ: «*не позвалямъ!*» и остановилъ всѣ рѣшенія сейма, или—какъ говорится по-польски—*разорвалъ сеймъ*. Этотъ новый опытъ своеволія понравился большинству пановъ и шляхты, и хотя нѣкоторые благомыслящіе поляки хотѣли-было противиться введенію этого права, но оно осталось при шляхтѣ до послѣдняго дня существованія Польши и много содѣйствовало къ погибели бѣдной республики 1).

Узнавши о подданствѣ Малороссіи русскому царю, Янъ-Казиміръ объявилъ войну Россіи, но царь Алексѣй Михайловичъ предупредилъ его и двинулъ болѣе 200 тысячъ своего войска, четырьмя отрядами, во владѣнія польскія. Менѣе нежели въ полгода русскіе овладѣли *Могилевомъ*, *Полоцкомъ* и *Витебскомъ*, со всѣми окрестностями; а въ слѣдующемъ 1655 и 56 году русскія войска, предводимыя самимъ царемъ, почти безъ боя, заняли *Минскъ*, *Ковно*, *Гродно*, *Пинскъ*, *Вильну* и все почти Литовское княжество. Между тѣмъ Хмѣльницкій съ Бутурлинымъ опустошилъ Волынь и Галицію до самаго Люблина. Въ это самое время явился для Польши другой еще также ужасный врагъ, Карлъ X, воцарившійся въ Швеціи послѣ отреченія *Христины* отъ тамошняго престола. Причиною его вражды было то, что Янъ-Казиміръ, продолжая по примѣру отца и брата своего именоваться шведскимъ королемъ, вздумалъ-было объявить свою претензію на шведскій престолъ. Карлъ X съ радостью принялъ вызовъ и устремился на Польшу. Въ одинъ походъ 1655 года онъ завоевалъ всѣ польскія области на лѣвомъ берегу Вислы, овладѣлъ *Варшавою*, *Кра-*

---

1) Dziéje. Tom 2, страница 334.

ковомъ, и загналъ Яна-Казиміра въ Силезію. Курфирстъ бранденбургскій охотно согласился содѣйствовать Карлу, чтобы сбросить съ себя несносное имя вассала польскаго, и соединилъ свои войска съ шведскими. Поляки, поражаемые при каждой встрѣчѣ, предложили Карлу королевскую корону и хотѣли для этого составить по формѣ избирательный сеймъ, но Карлъ, указывая на свой мечъ, сказалъ: «вотъ кому я обязанъ выборомъ, а вашихъ выборовъ не требую» [1]). Янъ-Казиміръ, живя въ Силезіи, не зналъ, что предпринять для спасенія Польши: хотѣлъ признать соперника своего Карла своимъ наслѣдникомъ; потомъ послалъ къ нѣмецкому императору *Фердинанду* III съ предложеніемъ наслѣдства польской короны, лишь бы онъ подалъ ему помощь; а 24 октября 1656 года заключилъ, чрезъ своихъ уполномоченныхъ въ Вильнѣ, съ русскимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ трактатъ о предоставленіи ему послѣ себя наслѣдства и о присоединеніи Польши къ Россіи. Невозможность существованія самобытной Польши и неизбѣжность раздѣленія ея уже тогда была такъ очевидна, что даже трансильванскій князь *Юрій Ракочій* задумалъ въ 1656 году раздѣлить ее между сосѣдними государствами, и съ этою цѣлью ввелъ въ Польшу 50 тысячъ своего войска [2]). *Чарнецкій* успѣлъ однакожъ усмирить Ракочія и выгналъ его изъ Польши.

Царь Алексѣй Михайловичъ, получивши право наслѣдства на польскій престолъ и—слѣдовательно—почитая Польшу своею собственностью, рѣшился защитить ее отъ шведскаго короля; а потому—свои войска, дѣйствовавшія въ Литвѣ, обратилъ на Лифляндію. Король датскій также вооружился противъ Карла X, курфистъ бранденбургскій, получившій отъ Яна-Казиміра увольненіе отъ вассальной подчиненности, тогда же отсталъ отъ союза съ шведскимъ королемъ. Всѣ эти благопріятныя для Польши обстоятельства ободрили ее: она могла бы совершенно оправиться и успокоиться, если бы остановилась на виленскомъ договорѣ съ Алексѣемъ Михайловичемъ; но враждебный духъ раздора не переставалъ губить ее. Чрезъ десять мѣсяцовъ послѣ виленскаго договора умеръ Богданъ

---

[1]) Dziéje. Tom 2, страница 342.

[2]) Dziéje. Tom 2, страница 350.

Хмѣльницкій (15 августа 1657). Хотя козаки передъ смертью его избрали своимъ гетманомъ 16-ти лѣтняго сына его *Юрія*, подъ опекою и руководствомъ генеральнаго писаря *Ивана Выговскаго* но этотъ опекунъ коварнымъ образомъ отстранилъ Юрія отъ гетманства и самъ сдѣлался гетманомъ. *Выговскій*, изъ плѣнныхъ поляковъ достигши званія старшины въ козацкомъ войскѣ и потомъ захвативши въ свои руки булаву, измѣнилъ Россіи и присоединился къ прежнему своему отечеству—Польшѣ. По этому случаю завязалась вторая война между Польшею и Россіей [1]). Въ противоположность Выговскому, царь Алексѣй Михайловичъ возстановилъ молодаго Хмѣльницкаго въ достоинствѣ гетмана; но когда и онъ измѣнилъ Россіи, то гетманское достоинство въ Малороссіи сдѣлалось предметомъ интригъ и кровавыхъ споровъ. Въ пять лѣтъ по смерти Богдана Хмѣльницкаго являлось до 12 гетмановъ, которые губили другъ друга.

Среди такого разстройства и волненія Малороссіи, вторая война царя Алексѣя Михайловича съ Яномъ Казиміромъ продолжалась восемъ лѣтъ (1659—1667). Въ первые четыре года перевѣсъ былъ на сторонѣ Польши. Русскія войска, стоявшія въ Литвѣ, па Волыни и въ Украйнѣ, были разбиваемы по частямъ. *Выговскій* побѣдилъ русскихъ воеводъ *Трубецкого* и *Ромодановскаго; Чарнецкій* разбилъ *Хованскаго* и *Долгорукаго* и очистилъ отъ русскаго войска всю Литву, кромѣ Вильны, которая, желая остаться въ подданствѣ Алексѣя Михайловича, нѣсколько разъ отражала отъ своихъ стѣнъ самаго короля. Но когда въ самой Польшѣ началась междоусобная война подданнаго съ королемъ—*князя Юрія Любомирскаго съ Яномъ-Казиміромъ*, то царскіе воеводы ободрились и успѣли опять овладѣть Полоцкомъ, Витебскомъ, Динабургомъ и всею Малороссіей на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ царь и призналъ гетманомъ *Брюховецкаго*, принявшаго безусловное подданство. Послѣ того царь и король заключили между собою въ *Андрусовѣ* 30-го генваря 1667 года миръ, по которому Смоленскъ и Сѣверская область остались за Россіей, а Полоцкъ и Ви-

---

[1]) Car Alexy Michayłowicz niecierpliwie czekając przyrzeczonego następstwa po Janie Kazimierzu, odnowił wojnę w Litwie, gdy Wychowski hetman kozacki na stronę polską był przystał. Dziéje. Tom 2. стран. 359.

тебскъ возвращены Польшѣ,—часть Малороссіи по лѣвую сторону Днѣпра осталась за Россіей, а часть по правую сторону Днѣпра, кромѣ Кіева, доставшагося Россіи, должна была съ тамошнимъ гетманомъ *Дорошенкомъ* поступить въ подданство Польши. Но Дорошенко не хотѣлъ и слышать о подчиненіи Польшѣ и просилъ царя Алексѣя Михайловича принять и его въ свое подданство. Когда же царь, сохраняя андрусовскій договоръ, отказалъ его просьбѣ, то онъ, убивши гетмана лѣвой стороны Днѣпра—Брюховецкаго, объявилъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и хотѣхъ поддаться турецкому султану.

При такихъ обстоятельствахъ, закипѣла въ Польшѣ междоусобная война. Янъ-Казиміръ былъ старъ и бездѣтенъ. Наслѣдство престола его было уже предлагаемо королю шведскому; даже и князь трансильванскій Ракочій думалъ о польской коронѣ. Но жена Яна-Казиміра, королева *Людвика,* хотѣла доставить это наслѣдство мужу племянницы своей, французскому принцу *Генриху,* сыну Великаго *Конде.* Когда объ этомъ было предложено на сеймѣ, то паны отвергли это предложеніе, а болѣе всѣхъ сопротивлялся ему, и тѣмъ озлобилъ противъ себя королеву и короля, *Юрій Любомирскій,* великій маршалъ и польный коронный гетманъ Людвика до того возненавидѣла его, что своими интригами заставила слѣдующій за тѣмъ сеймъ осудить Любомирскаго на лишеніе чести и имѣнія, якобы за подозрѣніе въ измѣнѣ противъ отечества. Обиженный и раздраженный Любомирскій собралъ войско и выступилъ съ нимъ противъ короля. Хотя у Любомирскаго было только 12 тысячъ войска, а у короля 26 тысячъ, но королевское войско было нѣсколько разъ разбито Любомирскимъ, пока наконецъ два епископа, краковскій Андрей *Тржебицкій,* и Хелмскій *Ѳома Лежинскій* своимъ посредничествомъ и стараніемъ не прекратили эту пагубно постыдную войну подданнаго съ королемъ.

Овдовѣвши и соскучившись двадцать лѣтъ царствовать въ безпокойной и безпорядочной республикѣ польской, Янъ-Казиміръ на варшавскомъ сеймѣ 16 сентября 1668 года торжественно отказался отъ правленія и сложилъ съ себя корону. Обливаясь слезами, онъ произнесъ къ бывшимъ своимъ подданнымъ прощальную рѣчь, въ которой повторилъ тоже самое,

что предсказывалъ онъ въ прежней своей рѣчи на сеймѣ 4-го іюня 1661 года. Вотъ его предсказанія: «О, если бы я былъ «лживымъ пророкомъ! но, увы, то несомнѣнно, что безъ вѣр-«наго наслѣдства престола ваша республика будетъ растерзана «народами. Русь возьметъ себѣ литовское княжество, бранден-«бургскій курфирстъ присоединитъ къ себѣ великую Польшу «и пограничныя съ Пруссіей провинціи, австрійскій домъ за-«владѣетъ краковскою областью» 1). Пророчество сбылось чрезъ сто лѣтъ.

Сошедши съ престола, Янъ-Казиміръ хотѣлъ-было занять епископскую каѳедру въ Враславлѣ, упраздненную со смертью младшаго брата его Карла-Фердинанда; но не успѣвши въ этомъ, выѣхалъ во Францію, гдѣ получилъ аббатство Сенъ-жерменское, а изъ Польши получалъ по смерть ежегодной пенсій 150 тысячъ злотыхъ. Результатъ двадцатилѣтняго царствованія его въ Польшѣ былъ тотъ, что въ ней отъ войнъ, отъ голода и отъ бѣгства за границу гонимыхъ за вѣру уменьшилось жителей до трехъ милліоновъ [2]). Между тѣмъ Янъ-Казиміръ имѣлъ великія достоинства, не имѣлъ недостатка въ умѣ и—если бы могъ дѣйствовать самостоятельнѣе, то, можетъ быть, сдѣлалъ бы Польшу счастливою 3). За преслѣдованіе диссидентовъ, папа Александръ VII далъ Яну-Казиміру титулъ *право-вѣрнаго царя* (regis orthodoxi).

Михаилъ Корибутъ-Вишневецкій

(1668—1673).

Междуцарствіе послѣ отреченія Яна-Казиміра продолжалось 10 мѣсяцовъ. Кромѣ обыкновенныхъ несогласій и ссоръ между панами, оно было достопамятно тѣмъ, что папскій нунцій, пользуясь совершеннымъ безначаліемъ, требовалъ, а епи-

---

[1]) Dzieje. Tom 2, страница 365.

[2]) Dzieje. Tom 2, страница 380, 381.

[3]) Był pan pełen wielkich przymiotów. Nie brakło mu na dowcipie i rozumie; gdyby sam był królował, był by może uszczęśliwił Polskę. Тамъ же, страница 376, 377.

скопъ познанскій *Стефанъ-Вържбовскій*, по его требованію, изрекъ въ костелѣ св. Яна проклятіе на диссидентовъ, «яко на еретиковъ, недостойныхъ попеченія правительства» 1).

Кандидатовъ на королевство было много, и между ними былъ сынъ русскаго царя—*Θеодоръ Алексѣевичъ*; но избраніе неожиданно пало 19-го іюня 1669 года на князя *Михаила Корибута-Вишневецкаго* (сына Іереміи Вишневецкаго), который вовсе не думалъ о коронѣ, будучи бѣденъ живя только изъ пенсіи 6 тысячъ злотыхъ, выдаваемой ему завѣщанію королевы Людвики. Примасъ—архіепископъ *Пражмовскій* и великій коронный гетманъ *Янъ Собѣскій* съ неудовольствіемъ принуждены были согласиться на это избраніе и затаили въ душѣ вражду свою къ ново-избранному королю; а онъ, принимая поздравленіе отъ новыхъ своихъ подданныхъ, со слезами отказывался отъ короны и искренно говорилъ: «да мимо идетъ отъ меня чаша сія». Но Михаилу судилось испить сію чашу, и онъ 29 сентября того же 1669 года былъ коронованъ.

Горькое было царствованіе Михаила. Благомыслящіе поляки совѣтовали ему вступить въ супружество съ дочерью русскаго царя Алексѣя Михайловича, но большинство совѣтниковъ убѣдило его жениться на австрійской принцессѣ *Елеонорѣ*, которая вскорѣ послѣ свадьбы возненавидѣла его и не хотѣла жить съ нимъ. Каждый почти сеймъ, собиравшійся въ его царствованіе, былъ уничтожаемъ крикомъ какого нибудь шляхтича: «*не позвалямъ!*» Паны на сеймахъ вызывали другъ друга на дуэль и рѣзались въ глазахъ короля. Примасъ Пражмовскій и гетманъ Янъ Собѣскій явно противились королю во всѣхъ его намѣреніяхъ и распоряженіяхъ; денегъ въ казнѣ не было,—и Михаилъ, нося всю тягость королевскаго титула, имѣлъ только тѣнь власти. Примасъ и Собѣскій хотѣли свести его съ престола, къ какому предпріятію пристала и жена его, королева Елеонора, съ тѣмъ что, бросивши Михаила, она соглашалась выдти за мужъ за ново-предположеннаго польскаго короля *Карла, князя Лотарингскаго* 2). За-

1) Dziéje... Tom 2, стран. 383, 384.
2) Dziéje... Tom 2, стран. 387, 388.

думавши низвести Михаила съ престола, поляки забыли свое собственное сеймовое постановленіе, *чтобы король не смѣлъ оставлять престола* [1]).

Въ одно и тоже время Михаилу предстояли двѣ войны: внутри Польши съ непокорными подданными и на границахъ ея съ турками. Въ Польшѣ составились двѣ *конфедераціи*, или двѣ вооруженныя партіи: одна называвшаяся *Голембовскою*, стояла за короля, а другая, *Ловицкая*, подъ руководствомъ Собѣскаго, шла противъ короля. Первая партія сдѣлала приговоръ на примаса и Собѣскаго, признавая изъ врагами отечества, присудивши лишить ихъ должностей и конфисковать имѣнія ихъ. Осужденная партія готовилась дать сильный отпоръ вооруженною рукою. Между тѣмъ надъ Польшею висѣла страшная война съ турками; но поляки, занявшись домашнею войною, не думали объ отраженіи непріятелей [2]), пока наконецъ краковскій епископъ Тржебицкій опять не взялъ на себя обязанности примирителя и не склонилъ обѣ партіи къ соединенію противъ турковъ.

Когда, послѣ убійства Брюховецкаго, Дорошеико объявилъ себя гетманомъ всей Малороссіи, то козаки лѣвой стороны Днѣпра, съ утвержденія русскаго царя, избрали себѣ гетманомъ *Многогрѣшнаго;* а польскій король на правой сторонѣ Днѣпра утвердилъ гетманомъ *Ханенка.* Смотря на такое раздвоеніе козачества, запорожцы не хотѣли повиноваться ни тому ни другому гетману, но подъ начальствомъ своего кошеваго *Сѣрка*, а потомъ писаря *Суховея*, равно разбивали и грабили, при удобномъ случаѣ, и турокъ и татаръ, и поляковъ и русскихъ. Султанъ турецкій *Магометъ IV*, принявши въ свое подданство Дорошеика съ его шайкою, пошелъ войною на Польшу, завладѣлъ Каменцомъ-подольскимъ, который тотчасъ же хотѣлъ обратить къ магометанству, превративши въ мечети почти всѣ тамошніе христіанскіе храмы; потомъ осадилъ Львовъ и взялъ

---

1) Na séjmie elekcyi postanowiono, ażeby król polski nigdy napotém nie ważył się abdykować korony. Teod. Wagi Historya. стран. 327.

2) Zamiast wspólnego odporu kłócono się na wzajem; na granicy nic czyniono naymniéyczego przygotovania przeciw nieprzyiacielowi. Każda strona w wojnie Tureckiey tylko sposob pognębienia partyi przeciwnéy upatrzywała. Dzieje... Tom. 2, стр. 392.

съ него окупа 7 тысячъ талеровъ. Король Михаилъ, чувствуя себя безсильнымъ противустать султану, поспѣшилъ заключить съ нимъ миръ въ Бучачѣ (въ Буджановѣ), по которому отказался отъ Каменца и отъ всей Украйны по правую сторону Днѣпра, и обязался платить ему ежегодной дани 22 тысячи червонцевъ. Такой постыдный миръ отвлекъ наконецъ поляковъ отъ междоусобія и заставилъ подумать о спасеніи отечества. Собѣскій рѣшился оставить на время свой проэктъ о низложеніи Михаила, принялъ начальство надъ польскимъ войскомъ и пошелъ противъ турокъ. Самъ король Михаилъ хотѣлъ участвовать въ этой войнѣ и поѣхалъ вслѣдъ за войскомъ, но на дорогѣ заболѣлъ и умеръ во Львовѣ 10 ноября 1673 года, на 35 году своей жизни, послѣ четырехлѣтняго бѣдственнаго царствованія. Многіе тогдаже говорили, что онъ былъ отравленъ [1],—по крайней мѣрѣ то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что жизнь его была отравлена королевскимъ достоинствомъ. Онъ не имѣлъ ни какихъ средствъ сдѣлать что-либо доброе для Польши и даже покушался иногда дѣлать зло. Такимъ образомъ онъ, изъ угожденія папѣ, не допустилъ православныхъ епископовъ правой стороны Днѣпра присутствовать въ польскомъ сенатѣ и отрѣшилъ диссидентовъ отъ всѣхъ мѣстъ и должностей: это была одна изъ причинъ, почему Дорошенко лучше захотѣлъ поддаться султану, нежели быть въ зависимости отъ Польши.

На другой день по смерти короля (11 ноября 1673), Собіескій одержалъ надъ турками подъ *Хотиномъ* знаменитую побѣду, разбивши 60 тысячную ихъ армію и завладѣвши всѣмъ обозомъ ихъ. Онъ тогдаже могъ бы отнять у турокъ Каменецъ и выгнать ихъ совершенно изъ Украйны; но узнавши о смерти короля, Собѣскій предпочелъ тотчасъ ѣхать въ Варшаву, для присутствія при выборахъ новаго короля, нежели окончить такъ счастливо начатое пораженіе враговъ отечества.

---

[1]) Dzieje. Tom 2, стран. 269, 396.

Янъ (III) Собѣскій
(1674—1696).

Болѣе десяти кандидатовъ на престолъ польскій прислали своихъ пословъ на избирательный сеймъ, начавшійся 20 апрѣля 1674 года. Вдова короля Михаила—*Елеонора* старалась доставить *Карлу Лотарингскому*, за котораго надѣялась выдти замужъ; для этой цѣли она заложила все свое серебро и обѣщала Яну Собѣскому 200 тысячъ червонцевъ, ежели онъ своимъ вліяніемъ на сеймѣ поможетъ выбору Карла. Но Собѣскій, послѣ недавней славной побѣды надъ турками, думалъ о возложеніи короны на свою собственную голову, и 21 мая былъ избрянъ королемъ. Не спѣша короноваться, онъ первою своею обязанностью считалъ окончить сперва турецкую войну, онъ только принялъ присягу отъ подданныхъ и самъ присягнулъ на pacta conwenta. Замѣчательно, что онъ между прочимъ присягнулъ выкупить собственными деньгами королевскіе клейноды, находившіеся въ залогѣ у бранденбургскаго курфирста за 338 тысячъ талеровъ [1]).

На Украйнѣ между тѣмъ дѣла находились въ слѣдующемъ состояніи: всѣ десять козачьихъ полковъ, зависѣвшихъ отъ Дорошенка, съ занимаемою ими Украйною, присягнули на вѣрноподданство русскому царю и уже зависѣли отъ гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра—*Самойловича*, избраннаго въ это достоинство послѣ смерти Многогрѣшнаго. Дорошенко владѣлъ однимъ только Чигириномъ, а турецкій султанъ опять завладѣлъ Хотиномъ и его отряды дѣлали набѣги даже до Львова. Король Янъ Собѣскій, выступивши противъ турокъ съ небольшимъ войскомъ, отнялъ у нихъ города Баръ, Брацлавъ, Рашковъ и разбилъ ихъ подъ Трембовлемъ, а татаръ подъ Львовомъ. Хотя война не кончилась этимъ, но по крайней мѣрѣ турки принуждены были возвратиться къ Каменцу; а Собѣскій, пользуясь симъ временемъ, поѣхалъ въ Варшаву и короновался съ своею женою. Поляки были такъ недовѣрчивы къ власти своихъ королей, что требовали отъ Яна Собѣскаго, послѣ коронаціи,

---

[1]) Własnemi pieniędzmi kleynoty rzeszypospolitey we 338000 talerów u elektora Brandenburskiego zastawione wykupyć. Historia... Teod. Wagi стран. 330.

чтобъ онъ сложилъ съ себя власть гетмана и не соединялъ этой власти съ королевскою. Въ слѣдствіе чего, онъ долженъ былъ отдать гетманскую булаву брату покойнаго короля, Димитрію Вишневецкому [1]). Выступивши послѣ коронаціи опять противъ турокъ, Собѣскій былъ отъ сераскира *Ибрагамъ-паши* окруженъ и осажденъ въ лагерѣ подъ *Журавно*. У него подъ рукою было всего войска только около 20 тысячъ человѣкъ, а у Ибрагима до 200 тысячъ; оставалось королю только положить оружіе и сдаться; но—Собѣскій воевалъ не однимъ оружіемъ, а часто и золотомъ [2]). Когда у него не было уже ни съѣстныхъ припасовъ, ни пороху, Ибрагимъ-паша заключилъ съ нимъ миръ, по которому Каменецъ и почти вся Украйна предоставлены были во власть Турціи,— хотя Россія давно уже почитала всю ту сторону своею собственностью, а за Польшею остались только Бѣлая Церковь, Браславль и Паволокъ. Потеря была велика,—но поляки надѣялись, что Собѣскій своею мудростью установитъ у нихъ порядокъ; впрочемъ и эта надежда, къ сожалѣнію, не оправдалось. Оказалось въ послѣдствіи времени, что Янъ III царствовалъ такъ-же неудачно, какъ Сигизмундъ III, кончилъ такъ-же какъ Янъ-Казиміръ и Михаилъ. Польша часъ отъ часу дѣлалась несчастнѣе, а позднѣйшее время показало, что она можетъ быть еще несчастнѣйшею [3]).

Великій современникъ Собѣскаго, король французскій *Людовикъ XIV*, желая ослабить Австрію, вооружалъ противъ нея всѣ европейскіе дворы,—немогъ вооружить только польскаго короля, потому что жена Яна Собѣскаго, урожденная французская Маркиза *d'Аркіенъ* получила отъ Людовика XIV отказъ на свою просьбу о возведеніи отца ея d'Аркіенъ въ достоинство герцога и пера Франціи. Въ слѣдствіе этихъ неудовольствій и такъ-же въ слѣдствіе старанія папы Иннокен-

---

[1]) Ale nie dopuszczono, aby król dłużéj przy sobie wielką buławę zatrzymał. Dziéje... Tom. 2, стран. 405.

[2]) Wojował bowiem nie tilko orężem, ale i złotem. Тамъ же, стран. 408.

[3]) Wielka była strata, ale nadzieję można było mieć, że pod krolem Janem III przyidzie Polska do siebie. Ale los zawisny Polski chciał inaczey. Jan III jak Zygmunt III królował i nie liepiéy jak nieszczęśliwi Jan-Kazimierz i Michał zakończył. Nieszczęśliwa, zawsze prawie Polska została przezto ieszeze nieszęśliwszą, a późnieysze czasy tylko pokazały, że wtedy jeszeze nie doszła nayważszego stopnia w niedoli. Dzieje... Tom 2, стр. 412.

тія XI, благопріятствовавшаго Австріи, Янъ Собѣскій 31 марта 1683 года заключилъ съ австрійскимъ императоромъ Леопольдомъ I дружественный трактатъ, по которому обѣщалъ помогать ему во всѣхъ войнахъ. (Достойно замѣчанія, что при заключеніи этого договора, австрійскіе уполномоченные долго не соглашались дать королю польскому титулъ *величества*, majestas [1]). Скоро представился къ тому и случай.

Турки недовольные на Леопольда за его стараніе отнять у нихъ Венгрію, въ числѣ 300 тысячъ человѣкъ, подошли къ Вѣнѣ и обложили ее. Леопольдъ побѣжалъ изъ своей столицы и просилъ Собѣскаго спасти его столицу и имперію. Богатырь—король польскій, имѣя польскаго войска до 30 тысячъ, да собравши нѣмецкаго до 40 тысячъ, напалъ на турокъ, осаждавшихъ Вѣну, разбилъ ихъ, отнялъ у нихъ магометово знамя и разсѣялъ ихъ (12 сент. 1683). Вѣна назвала Собѣскаго своимъ *избавителемъ;* но императоръ Леопольдъ, приплывшій по Дунаю къ избавленной своей столицѣ, съ завистью слышалъ побѣдные выстрѣлы и благодарныя побѣдителю восклицанія жителей. Онъ долго совѣтовался съ своими придворными, *какъ ему принять короля польскаго?* и наконецъ заблаго разсудилъ встрѣтиться съ нимъ верхомъ на конѣ среди поля, за полторы мили отъ Вѣны. Янъ Собѣскій оскорбился холоднымъ и гордымъ пріемомъ императора, повернулъ своего коня и ускакалъ къ войску. Но достопамятнѣе всего было то, что австрійцы *себѣ* приписывали славу побѣды,—разсердились на Собѣскаго за то что онъ взялъ себѣ казну разбитаго имъ визиря и даже не отдавали ему турецкихъ пушекъ, отнятыхъ имъ у непріятеля подъ Вѣною [2]).

Не изъ усердія уже къ императору, но просто изъ ненависти къ туркамъ, король Янъ III погнался съ своимъ войскомъ за ними въ Венгрію, и подъ *Парканами* положилъ ихъ на мѣстѣ 24 тысячи человѣкъ. Въ благодарность за всѣ подвиги польскаго короля, министерство австрійское затрудняло походъ его неисправнымъ доставленіемъ съѣстныхъ припасовъ, неисправнымъ платежемъ жалованья его войску и назначеніемъ такихъ

---

[1]) Тамъ же, стран. 426.
[2]) Dzieje... Tom 2, стран. 429, 430, 432 и 436.

квартиръ, которыя надобно было также завоевать оружіемъ — въ именіяхъ венгерскихъ бунтовщиковъ, не хотѣвшихъ признавать надъ собою власти императора Леопольда. Побѣдивши всѣ эти непріятности и всю трудность перехода чрезъ Карпатскія горы, покрытыя уже снѣгомъ, Янъ Собѣскій наконецъ возвратился съ своимъ войскомъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1683 года, въ Краковъ и началъ приготовляться къ другой войнѣ съ турками, чтобъ отнять у нихъ Каменецъ и завоевать молдавскій или валахскій престолъ въ потомственное владѣніе для своего сына. Мысль доставить своему потомству наслѣдственную корону чрезвычайно занимала Яна Собѣскаго [1]), и онъ, для удобнѣйшаго достиженія этой цѣли, почелъ за необходимое обезпечить себя со стороны Россіи прочнымъ миромъ. По его порученію познанскій воевода *Гржимультовскій*, 24 апрѣля 1686 года, заключилъ въ Москвѣ договоръ, которымъ король отказался навсегда отъ Малороссіи по лѣвую сторону Днѣпра, а на правой сторонѣ отъ Кіева съ округомъ его по рѣку *Ирпень*, а равно и отъ Запорожья. А Россія съ своей стороны обѣщалась напасть на Крымъ, чтобъ отвлечь татаръ отъ союза съ турками. Собѣскій со слезами подписалъ этотъ договоръ [2]).

Душою всего тогдашняго возстанія противъ турковъ былъ папа Иннокентій XI, который, кромѣ Польши, вооружилъ противъ нихъ всю Германію и венеціанскую республику. Въ слѣдствіе договора Польши съ Россіей, и правительница русскаго государства царевна *Софія* выслала въ Крымъ 200-тысячную армію подъ предводительствомъ князя Голицына, но это войско не сдѣлало ничего въ Крыму, и съ большими потерями возвратилось назадъ. А Янъ Собѣскій съ 40-тысячною арміей пошелъ въ Молдавію и занялъ Яссы, но напрасно ожидавши обѣщанной помощи отъ австрійскаго императора, не могъ предпринять ничего больше и чрезъ три мѣсяца, также

---

[1]) Zaprzysiągł król z Moskwą traktat Grzymułtowskiego na początku roku tegoż we Lwowie z płaczem nad niedolą Rrzeczypospolitéy. Dziéje... Tom 2, стран. 444.

[2]) Król Polski nie doczekawszy się posiłków obiecanych, których nie myślano przysłać, musiał się cofnąć do domu. Тамъ же стран. 443.

безъ всякой пользы, возвратился обратно въ Польшу [1]). Между тѣмъ сынъ его *Іаковъ* съ другою арміей держалъ въ осадѣ Каменецъ; но когда пришла вѣсть о возвращеніи русской арміи безъ всякаго успѣха изъ Крыма, то и онъ снялъ осаду Каменца,—а крымцы, по удаленіи русскихъ, напали на пограничныя мѣста Польши, преимущественно на королевскія помѣстья, и безпощадно опустошили ихъ.

Дворъ и сенатъ польскій раздѣлились на двѣ противныя партіи, *австрійскую* и *французскую*. Начальникъ послѣдней партіи, посолъ французскій, доказывалъ, что турецкая война, стоившая Польшѣ трехъ провинцій, уступленныхъ Россіи, и расхода денегъ до нѣсколькихъ милліоновъ злотыхъ, была предпринята Яномъ III въ пользу Австріи, а не Польши. А партія австрійская, предводимая королевою *Маріей-Казиміровою*, нелюбившею Французскаго короля, старалась убѣдить Собѣскаго въ необходимости продолжать эту несчастную войну; и императоръ Леопольдъ указывалъ ему въ перспективѣ потомственное господарство молдавское для сына его Іакова. Впрочемъ императоръ не разъ уже обманывалъ Яна III: обѣщавши выдать свою дочь въ замужество за его сына, выдалъ ее за другаго, а потомъ даже разстроилъ задуманную имъ женитьбу этого сына на богатой и молодой вдовѣ Людвига бранденбургскаго—Каролинѣ, урожденной Радзивилловой. Собѣскій не могъ противиться обольстительной надеждѣ видѣть своего сына господаремъ, а еще болѣе не могъ выдти изъ послушанія своей женѣ, которая управляла имъ самовластно и дѣлала, что хотѣла не только въ семействѣ своемъ, но и въ управленіи республикою польскою. Тогда въ Польшѣ все было продажно; даже королева безъ стыда продавала чины и достоинства [2]). Наскучивши такими безпорядками, многіе поляки думали уже о низведеніи Собѣскаго съ престола, и хелминскій епископъ *Казиміръ Опалинскій* торжественно сказалъ ему на сеймѣ 1689 года такъ: «или перестань царствовать, или царствуй справедливо» [2]).

---

[1]) Wszystko było przedane. Kto nie zaknpił sobie łaski u królowéy, nie mógł się spodziewać promocyi, i t. d... Dzieje... Tom 2, стран. 445.

[2]) Albo przestań królować, albo sądź sprawiedliwie. Dzieje... Tom 2, стран. 453.

Интриги партій такъ наскучили Яну III, что онъ и самъ уже не рѣдко думалъ отказаться отъ польской короны; по крайней мѣрѣ онъ, даже вопреки желанію своей жены, сильно хотѣлъ примириться съ Турціей, которая, при посредствѣ Франціи, расположена была къ миру, даже съ возвращеніемъ Каменца. Но астрійскій дворъ изобрѣлъ новое средство отвратить его отъ этого пракраснаго намѣренія: предложилъ въ супружество сыну его Іакову сестру императрицы, принцессу нейбургскую *Елисавету-Ядвигу-Амалію.* Въ слѣдствіе этого родства съ австрійскимъ домомъ, Собѣскій, противъ собственнаго убѣжденія, опять нажилъ войну съ турками; и какъ въ государственной казнѣ не было денегъ, то король пожертвовалъ изъ своей кассы 200 тысячъ злотыхъ на военные расходы и выслалъ подъ Каменецъ войско подъ начальствомъ великаго коронного гетмана. Съ 19 августа по 6 сентября 1689 года коронный гетманъ держалъ Каменецъ въ осадѣ; но потомъ, отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ, а еще болѣе отъ опасенія приближавшихся къ Каменцу крымскихъ татаръ, снялъ осаду и удалился. А татары, напавъ на польскихъ воиновъ въ ихъ зимнимъ квартирахъ, произвели между ними страшную рѣзню и самаго короля едва не захватили въ *Злочовѣ.*

Союзники Собѣскаго, папа Иннокентій XI и императоръ Леопольдъ I, не давали ему, противъ своего обѣщанія, никакой помощи, —при томъ же одинъ изъ нихъ,—папа, и умеръ въ томъ же 1589; а преемникъ его не считалъ необходимою войну съ Турціей. Не было тайною и то, что Австрія руками поляковъ хотѣла *для себя* завоевать Молдавію и Валахію, а не для Іакова Собѣскаго. Король очень хорошо понимаяъ все это и, послѣ стольких неудачныхъ походовъ, хотѣлъ бы прекратить эту войну; но австрійскій дворъ умѣлъ еще одинъ разъ соблазнить его. Посолъ австрійскій *де Тунъ* пріѣхалъ въ Варшаву 1690 года съ новымъ увѣреніемъ отъ своего императора, что Молдавія непремѣнно достанется сыну короля, и что императоръ непремѣнно пришлетъ изъ Трансильваніи польскому войску съѣстные припасы и даже подошлетъ на помощь своего войска 5 тысячъ человѣкъ. Хотя французскій посолъ при дворѣ Собѣскаго тутъ же изобличилъ австрійскаго посла во лжи и

даже вызвалъ его на поединокъ, но Собѣссій рѣшился еще разъ испытать счастья въ войнѣ съ турками.

По причинѣ недостатка въ деньгахъ, не скоро собралось польское войско, и только въ сентябрѣ 1691 года переправилось чрезъ Днѣстръ. Австрійскій императоръ и теперь не прислалъ ни съѣстныхъ припасовъ, ни вспомогательнаго корпуса: а потому, сдѣлавши два перехода дальше Яссъ, Янъ III приказалъ своему войску по-прежнему возвратиться домой. Каменецъ по-прежнему оставался въ рукахъ турокъ; татары по-прежнему нападали на пограничныя мѣста Польши, и въ 1695 году опустошили даже предмѣстье Львова. Польское войско, не получая жалованья, роптало и не хотѣло служить. Когда же гетманъ литовскій *Казимiръ Сипѣга* расположилъ нѣсколько полковъ квартировать въ имѣніи виленскаго епископа, то епископъ *торжественно проклялъ гетмана*, не боясь никакого наказанія за такое злоупотребленіе священной власти [1]).

Къ такому разстройству общественныхъ дѣлъ присоединился еще разладъ семейный: жена короля возненавидѣла сперва невѣстку свою (жену королевича Іакова, принцессу нейбургскую), а потомъ и сына своего. А Іаковъ, не довольный предпочтеніемъ, какое оказывали при дворѣ младшему брату его Александру, хотѣлъ-было удалиться въ Нидерланды. Янъ III долженъ былъ переносить все это и наконецъ изнемогъ въ силахъ. Огорченія со втѣхъ сторонъ доводили его почти до отчаянія [2]). Съ позволенія сената, онъ собирался уже выѣхать въ Германію на вóды, но не успѣвши выѣхать, умеръ въ *Виллановѣ* 10 іюня 1696 года. Когда предъ смертью его приближенные совѣтовали ему, по настоянію королевы, сдѣлать духовное завѣщаніе, онъ не согласился на это и сказалъ: «смѣшно было бы надѣяться, что послѣ моей смерти исполнятъ мою волю тѣ люди, которые не исполняли ее при моей жизни». Когда онъ, будучи еще великимъ гетманомъ (стран. 256), хотѣлъ свести съ престола несчастнаго короля Михаила, можно ли было тогда надѣяться, что и онъ, достигши этого

---

[2]) Urażony o to Xiądz Biskup Wileński wyklął go uroczyście. Dzieje.. Tom 2, стран. 463.

[3]) Nieukontentowanie ze wszech stron wiodło go do rozpaczy bezczynnéy. Dzieje... Tom 2, стран. 464.

престола, будетъ страдать на немъ и даже помышлять объ отреченіи отъ него?.. Но-таковъ вѣчный законъ возмездія: какою мѣрою мѣрите, такою же возмѣрится вамъ.

Фридерикъ Августъ II

и

Станиславъ Лещинскій

(1696—1733).

Не смотря на то, что почти ни одинъ изъ королей польскихъ не могъ похвалиться спокойною и счастливою жизнью на польскомъ престолѣ, по смерти Собѣскаго явилось семъ кандидатовъ на этотъ престолъ. Старшій сынъ покойнаго короля—*Іаковъ*, болѣе другихъ имѣлъ надежды на полученіе короны; но мать его, вдовствующая королева Марія-Казиміра, такъ была озлоблена противъ него, что заклинала пановъ и сенаторовъ не избирать его. Она даже не соглашалась выдать изъ своей сокровищницы корону для возложенія на главу непогребеннаго еще своего мужа, и доблестный Янъ III нѣсколько дней лежалъ во гробѣ, прикрытый шляпою вмѣсто короны, пока вдова его и дѣти ссорились за дѣлежъ оставшихся послѣ него сокровищъ [1]). Партія, благопріятствовавшая Іакову, ослабѣла,—осталось двѣ главныя партіи: одна въ пользу французскаго принца *де Конти*, другая въ пользу саксонскаго курфирста *Фридерика-Августа II.* Курфирстъ, сверхъ принятія всѣхъ предложенныхъ емуу словій, дѣлалъ еще два пожертвованія: обѣщалъ обратиться отъ лютеранства къ католицизму и предлагалъ Польской республикѣ отъ себя 10 миліоновъ злотыхъ.

27 іюня 1687 года и та и другая партія провозгласила своего отдѣльнаго, избраннаго ею короля. Въ одинъ и тотъ же день, въ одномъ и томъ же костелѣ св. Іоанна, сперва примасъ-архіепископъ съ своею партіей пѣлъ Te Deum laudamus за избраніе королемъ принца де Конти, потомъ епископъ куявскій съ своею партіей пѣлъ туже благодарственную пѣснь

---

[1]) Dzieje... Tom 2, стран, 474.

за избраніе курфиста саксонскаго 1). Партіи выслали, каждая къ своему избраннику, посольство съ приглашеніемъ на престолъ. Но такъ какъ Фридерикъ-Августъ былъ ближе къ мѣсту избранія, то упредилъ принца де-Конти своимъ пріѣздомъ, присягнулъ на pacta conventa и, заплативши примасу значительную сумму денегъ, былъ 15 сентября коронованъ. А принцъ де Конти, плывшій моремъ за полученіемъ польскаго престола, принужденъ былъ изъ-подъ Гданска возвратиться во Францію.

Пока утвердился Августъ II на польскомъ престолѣ, татары крымскіе, во время междуцарствія, безбоязненно и безнаказанно наѣзжали на Волынь и опустошали ее, а внутри Польши бунтовало польское и литовское войско, требуя не выплаченнаго себѣ жалованья. По своей коронаціи, Августъ прежде всего предположилъ—отнять у турокъ Каменецъ-подольскій и, соединивши 20 тысячъ саксонскаго войска съ польскимъ, пошелъ къ Каменцу. Поляки, по неизмѣнному обычаю, послѣ первоначальныхъ стычекъ съ непріятелемъ, начали ссориться между собою, а вожди ихъ даже били другъ друга 2). Король принужденъ былъ удалиться въ саксонскій лагерь и, весьма вѣроятно, ничего бы не успѣлъ съ турками, если бы не помогъ ому царь русскій *Петръ Великій* своею побѣдою надъ ними и взятіемъ у нихъ *Азова*. Турки, стѣсняемые со всѣхъ сторонъ, принуждены были заключить 26 сентября 1699 года въ *Карловичъ* миръ съ Россіей, Австріей и съ Польшей. Въ слѣдствіе этого мира Каменецъ-подольскій былъ возвращенъ Польшѣ, и она перестала платить крымцамъ дань овчинными тулубами 3).

Нужно было еще примириться съ бранденбургскимъ курфирстомъ, которому польская республика должна была 400 тысячъ талеровъ. Въ обезпеченіе этого долга курфирстъ занялъ своимъ войскомъ Эльблагъ. Послѣ долгихъ споровъ, онъ уступилъ полякамъ 100 тысячъ, а за остальныя 300 тысячъ

---

1) Тамъ же, стран. 482.

2) Hetmanowicz Potocki starosta Krasnosłowski z Przebędowskim iuż wtedy wojewodą Malborskim, w namiocie jego tak pokłócił sie, iż w gniewie podpiwszy sobie groził mu obuchem i dawszy mu policzek i kilka szturchanców pięściami przymusił go aż do namiotu królewskiego uciekać. Dz. T. 2, страница 486.

3) Hisiooga T. Wagi стр. 486.

поляки дали ему, вмѣсто Эльблага, въ залогъ королевскіе клейноды, которыхъ и доселѣ не выкупили [4]).

Августъ II еще прежде окончанія турецкой войны лично познакомился съ Петромъ Великимъ въ славонскомъ мѣстечкѣ *Равѣ*, когда царь возвращался въ Россію изъ своего полезнаго путешествія по Европѣ. Петръ давно уже хотѣлъ возвратить отъ шведовъ древнюю собственность Россіи—балтійское прибрежье, называемое *Ингріей* и *Кареліей*, а потому склонилъ и Августа къ войнѣ со Швеціей; къ каковому союзу приступилъ и датскій король Фридрихъ IV. Согласно съ даннымъ, при полученіи польскаго престола, обязательствомъ—возвратить Польшѣ отторгнутыя отъ нея земли, Августъ рѣшился возвратить отъ шведовъ Лифляндію. Перебѣжавшій къ нему въ службу лифляндскій дворянинъ *Паткуль* утвердилъ его въ семъ предпріятіи, увѣривши, что лифляндцы не любятъ шведскаго правительства. Такимъ образомъ—съ началомъ новаго XVIII вѣка (1700), три союзника разомъ распочали *великую сѣверную войну*, продолжавшуюся 21 годъ: царь Петръ двинулъ свое войско къ *Нарвѣ*, Фридрихъ IV вступилъ въ *Голштинію*, а Августъ король польскій осадилъ *Ригу*.

Шведскимъ королемъ былъ тогда юноша *Карлъ* XII, вовсе не обѣщавшій опаснаго для Польши и ея союзниковъ противника, но на самомъ дѣлѣ оказавшійся величайшимъ героемъ своего вѣка. Однимъ стремительнымъ нападеніемъ онъ принудилъ датскаго короля къ миру; потомъ, разбивши русское войско подъ *Нарвою*, бросился противъ Августа II, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ лишить его польскаго престола. Осада Риги была неудачна; лифляндское дворянство не обнаружило никакого сочувствія Августу и осталось вѣрно шведамъ; польскій сеймъ не успѣлъ еще собрать войска, и Августъ II долженъ былъ съ одними саксонцами стать противъ Карла XII. Шведскій герой сбилъ саксонцевъ съ береговъ Двины, загналъ въ Литву и погнался за Августомъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ онъ преслѣдовалъ его изъ города въ городъ въ Литвѣ, Польшѣ, на Волыни, въ Бѣлоруссіи и въ Саксоніи. Варшава, Краковъ, Лембергъ, Торнъ и другіе города нѣсколько разъ пере-

1) Dziéje. Tom 2, страница 344.

ходили изъ рукъ въ руки. Въ это время поляки вмѣсто того, чтобы грудью стать за своего короля, оспаривали у него право вводить въ Польшу иностранныя войска и требовали удаленія саксонскихъ войскъ, равно какъ и русскихъ, присланныхъ Петромъ Великимъ на помощь Польшѣ. Не могши вытѣснить Августа изъ Польши, Карлъ XII придумалъ другое средство: собралъ польскій сеймъ и приказадъ ему объявить Августа лишеннымъ польскаго престола, а вмѣсто его рекомендовалъ избрать королемъ познанскаго воеводу—*Станислава Лещинскаго*. Сеймъ на все согласился, и Станиславъ съ своею женою былъ коронованъ 4 октября 1705 года.

Не смотря на такую детронизацію, Августъ II не удалялся изъ Польши и имѣлъ въ ней сильную партію, такъ что Лещинскій царствовалъ только вблизи лагеря шведскихъ войскъ. Варшава попеременно доставалась то Августу, то Станиславу. Лещинскаго признали королемъ всѣ европейскіе государи, кромѣ Петра Великаго, который, для поддержанія Августа, поручилъ ему свою лучшую армію, составленную изъ отборныхъ полковъ. Но Августъ дѣйствовалъ неудачно: раздѣлилъ всю свою армію на нѣсколько отдѣльныхъ корпусовъ и тѣмъ доставилъ Карлу XII удобность управиться съ каждымъ корпусомъ отдѣльно. Русскій корпусъ Карлъ осадилъ въ Гродно; а саксонскій корпусъ, подъ начальствомъ Шуленбурга, разбилъ при *Фраугитадтѣ;* послѣ чего съ огнемъ и мечомъ вторгнулся въ самую Саксонію, имѣя намѣреніе лишить Августа и саксонскаго престола. Августъ былъ доведенъ до крайности—просить у Карла пощады и согласился па постыдный миръ, заключенный 14-го августа 1706 года въ *Альтранштадтѣ*, по которому онъ отказался отъ польскаго престола, обѣщалъ разорвать связь съ русскимъ царемъ, заплатилъ Карлу огромную контрибуцію и выдалъ ему песчастнаго Паткуля. Сверхъ всего этого, Карлъ еще заставилъ Августа написать къ Лещинскому письмо поздравительное съ возшествіемъ его на польскій престолъ.

Оставивши при Станиславѣ Лещинскомъ шесть тысячъ своего войска, Карлъ XII пошелъ съ главною своею арміей вглубь Россіи, съ намѣреніемъ низвести съ престола и Петра Великаго; но подъ *Полтавою* былъ Петромъ совершенно раз-

битъ, потерялъ всю свою армію, и раненный бѣжалъ въ Турцію. Станиславъ Лещинскій, лишившись своего покровителя, принужденъ былъ также бѣжать изъ Польши, вслѣдъ за оставившимъ его шведскимъ войскомъ, послѣ четырехлѣтняго своего не царствованія, но спора за право царствовать. Пользуясь этими обстоятельствами, Августъ II объявилъ, а варшавскій сеймъ подтвердилъ его объявленіе, объ уничтоженіи альтранштадтскаго договора, принялъ по-прежнему правленіе, и потомъ, на чрезвычайномъ сеймѣ 1712 года, былъ признанъ по-прежнему королемъ польскимъ.

Однако съ возвращеніемъ Августа II на престолъ не возвратилось спокойствіе въ Польшу. Хотя въ 1714 году былъ возобновленъ карловицкій миръ съ турками, а съ Швеціей примирилась Польша въ 1720 году; но за неимѣніемъ внѣшней войны, теперь въ Польшѣ опять началась внутренняя война— сперва между польскими войсками и саксонскими, квартировавшими въ республикѣ. Собирались нѣсколько разъ сеймы для разсужденія о прекращеніи страннаго кровопролитія между этими взаимно враждебными войсками, но всѣ разсужденія были безполезны, пока наконецъ Петръ Великій, послѣ личнаго свиданія съ Августомъ II въ Гданскѣ въ 1716 году, не вмѣшался въ это дѣло и своимъ посредствомъ не возстановилъ въ Польшѣ покоя [1]), къ которому впрочемъ она уже была неспособна, какъ оказалось въ послѣдствіи времени. По распоряженію Петра Великаго, въ присутствіи посла его *князя Григорія Долгорукаго*, былъ созванъ 1717 года въ Варшавѣ сеймъ, *который продолжался только семъ часовъ* и, по причинѣ устраненія всѣхъ противорѣчій, былъ названъ *нѣмымъ*. На этомъ сеймѣ поставлено было: имѣть республикѣ постояннаго войска— польскаго 18 тысячъ, а литовскаго 6 тысячъ человѣкъ—съ тѣмъ, чтобъ это войско получало постоянное жалованье,—для чего тогда же были придуманы вѣрныя средства; всѣ частныя, произвольныя, вооруженныя партіи, или *конфедераціи*, грабившія и разорявшія свою собственную отчизну, были запрещены; саксонскому войску велѣно было возвратиться въ Саксонію,

---

[1]) Dzieje Tom 2, стран. 494. Historia T. Wagi, стран. 353.

а часть русскаго войска оставлена была на два года въ Польшѣ, для водворенія въ ней спокойствія. [1]).

Но, къ сожалѣнію, духъ разрушенія, господствовавшій въ Польшѣ, нашелъ для себя лазейку и въ этомъ прекрасномъ распоряженіи *нѣмаго* сейма. Въ вознагражденіе краковскаго епископа *Фелиціана Шанявскаго* за то, что онъ много содѣйствовалъ всѣмъ этимъ успокоительнымъ распоряженіямъ сейма, Августъ II позволилъ ему уменьшить права и безопасность диссидентовъ, которыхъ не переставала преслѣдовать одна только Польша, между тѣмъ какъ въ цѣлой Европѣ преслѣдованіе разновѣрцевъ тогда уже прекратилось [1]). Въ слѣдствіе такой нетерпимости польскаго духовенства, въ слѣдующемъ 1718 году на гродненскомъ сеймѣ паны не дали мѣста депутату Велюнскому за то, что онъ былъ диссидентомъ; лишали диссидентовъ правъ гражданства и такими поступками подали, поводъ къ возвращенію прежнихъ междоусобій и кровопролитія [2]). Въ Торнѣ студенты іезуитскіе завязали ссору и битву съ лютеранами, которые, въ отмщеніе за то, разрушили коллегіумъ ихъ и кляшторъ. По этому случаю былъ наряженъ строгій судъ изъ однихъ католиковъ, по приговору котораго невинный бургомистръ *Реснеръ*, вѣрный защитникъ короля Августа въ минувшую шведскую войну, былъ казненъ вопреки ходатайству Петра Великаго о помилованіи его и совѣту чтобы, Польша не безчестила сама себя этою казнію предъ лицомъ всей Европы [3]). На Украйнѣ, по правую сторону Днѣпра, пока командовалъ хватовскимъ козачьимъ полкомъ неукротимый *Семенъ Палѣй*, поляки еще сколько-нибудь опасались обижать народъ, но теперь безнаказано обращали козаковъ въ своихъ

---

[1]) Historya... T. Wagi стран, 354. Dziéjc. Tom 2, стран. 494.

[2]) A że Biskup krakowski naydzielniéy przyczynił sie do zmniéyszenia woyska narodowego, dozwolił nawzajem król umniéyszenie praw i wolności Dyssydentów, których nie przestawano prześladować w wiekü XVIII w Polsce, gdy wszędzie indziéy pomiarkowanie w religii co raz większy wzrost brało. Tom 2, страница 494.

[3]) Już na seymie Grodzieńskim r. 1718 nie dano miéysca Piotrowskiemu Posłowi Wieluńskiemu dla tego, że był dyssydentem. Broniono dyssydentom przyimować mieyskiego prawa po miastach., zagęściły się najazdy i bezprawia tak jak bywało w wiekach średnich w XII albo XIII wieku niemal w caléy Europie, Dzieje... T. 2, стран. 495 496.

[4]) Тамъ же.

крестьянъ и принуждали ихъ къ уніи. Многія тысячи русскаго народа бѣжали на лѣвую сторону Днѣпра и въ Запорожье. Города были выжжены; села превратились въ пустыни; торговля перешла въ руки жидовъ; просвѣщеніе и воспитаніе юношества исчезло [1]). Польская шляхта ни объ чемъ не безпокоилась, кромѣ своей вольности, весело проводила время въ пьянствѣ и разгулѣ, а отечество гибло [2]). Каждый почти сеймъ былъ уничтожаемъ крикомъ: *непозволялъ!* [3]).

Когда все такимъ образомъ клонилось въ Польшѣ къ разрушенію, сосѣднія государства укрѣплялись, мужали, возрастали. Во время шведской войны бранденбургскій курфирстъ (прежній вассалъ Польши) принялъ титулъ *короля прусскаго*, короновался, и отъ всѣхъ дворовъ былъ признанъ въ этомъ санѣ. А по окончаніи шведской войны Петръ Великій принялъ поднесенный ему титулъ *императора всероссійскаго*. Петръ искренно желалъ спасти Польшу отъ внутреннихъ безпорядковъ, терзавшихъ ее. Хотя поляки не умѣли воспользоваться распоряженіями его на *нѣмомъ сеймѣ* 1717 года; но самая ясная очевидность уже тогда указывала, что Польша должна была ожидать полнаго спокойствія и благоденствія отъ вліянія сосѣдей, а не отъ своихъ собственныхъ средствъ [4]). Весьма поучительна и знаменительна судьба двухъ сосѣднихъ славянскихъ державъ: когда Петръ Великій геніальною рукою сѣялъ въ Россіи сѣмена просвѣщенія и гражданственности, тогда именно Польша погружалась въ мракъ средневѣковаго невѣжества. «Вся Европа въ XVIII вѣкѣ почитала народъ польскій нахо- «дящимся въ такомъ возрастѣ дѣтства и на такой степени вар- «варской дикости и грубаго невѣжества, на какой была Ев- «ропа въ средніе вѣки» [5]).

---

[1]) Zgasły też prawie ze wszystkiem nauki w Polszcze im kto był gorliwszym w przesladowaniu różnowierców, za tem uczeńszego, sposobnieyszego miano go w duchowienstwie, zarzucono oprócz nauki teologii wszystkie inne. Dzieje Tom 2, стран. 502. Upadła edukacya po wielkiey części w ręce jezuitów przeszła. Historia T. Wagi стран. 355.

[2]) Historia T. Wagi, тамъ же и слѣдующ. стран.

[3]) Zrywano Seymy wszystkie. Dziéje T. 2, стран. 496.

[4]) Spokoyność wyiednało w tym kraju sąsiednie mocarstwo. Hist. стр. 355.

[5]) W całey Europie rozumiano o narodzie Polskim, że w tym samym znayduje się wieku dziecińSTWA, i na tym stopniu barbarzyńskiéy dzikości i

Въ 1725 году умеръ Петръ Великій. Въ теченіи 8 лѣтъ отъ его смерти до смерти Августа II, Польша продолжала преслѣдовать своихъ диссидентовъ, преимущественно въ Бѣлоруссіи, и за то была наказана неудачею въ присоединеніи къ себѣ Курляндіи. Изъ владѣтельнаго курляндскаго дома Кетлеровъ были въ живыхъ молодая вдова герцога Фридриха—*Анна Іоанновна*, племянница Петра Великаго, да семидесятилѣтній дядя покойнаго супруга ея *Фердинандъ Кетлеръ*, съ которымъ вмѣстѣ угасала династія Кетлеровъ въ мужескомъ колѣнѣ. Еще при жизни его курляндцы искали наслѣдника ему. Въ слѣдствіе чего король польскій Августъ II сперва хотѣлъ присоединить Курляндію къ Польшѣ, чтобы раздѣлить ее на воеводства и повѣты; а потомъ, когда это не удалось, хотѣлъ возвести на курляндскій престолъ сына своего *графа Морица саксонскаго*, съ тѣмъ, чтобъ онъ вступилъ въ бракъ съ вдовствующею герцогинею Анною, но и это не удалось, потому—что сперва императрица россійская Екатерина I хотѣла доставить курляндскій престолъ своему фельдмаршалу князю *Меншикову*, потомъ Анна Іоанновна, вступивши на всероссійскій престолъ, рѣшилась отдать герцогство курляндское тамошнему дворянину *Бирону*. Между тѣмъ Августъ въ началѣ 1733 года умеръ.

Въ нѣмецкой исторіи онъ извѣстенъ подъ именемъ *Августа Сильнаго*, потому что былъ необыкновенный силачъ, могъ-напримѣръ на своей ладони держать стоячаго человѣка. Нѣкоторые хотѣли назвать его даже Великимъ; но исторія неутвердила за нимъ этого имени. Онъ 36 лѣтъ правилъ польскимъ государствомъ или республикой, *не знавши и польскаго языка* [1]). Въ его правленіе Польша, съ потерею старо-славянскихъ добродѣтелей—искренности, гостепріемства и простоты, потеряла и свою славу. Сосѣди по тому только не раздѣлили ее тогда между собою, что еще не условились о дѣлежѣ [2]).

---

nieoświaty jakim była w średnich wiekach cała Europa: Diéje król. polsk. T. 2, стран. 515.

[1]) Diéje Tom 2, стран. 503.

[2]) Тамъ же, стран. 503 и 505.

МЕЖДУЦАРСТВІЕ
и споръ о престолѣ между Станиславомъ Лещинскимъ
и
Августомъ III Саксонскимъ

(съ 2 февраля 1733 по 27 генваря 1736).

Станиславъ Лещинскій, послѣ бѣгства своего съ польскаго престола въ 1709 году, жилъ частнымъ человѣкомъ въ Стразбургѣ до 1722 года, въ которомъ дочь его *Марія* вышла за мужъ за французскаго короля *Людовика XV*. Тогда онъ перешелъ жить во Францію въ зáмокъ *Шамборъ*, а по смерти Августа II въ 1733 году опять объявилъ свои права на польскій престолъ, какъ уже избранный и коронованный король Польши, въ которой онъ имѣлъ и благопріятствовавшую ему партію. Но въ Польшѣ, еще со времени тарногродской конфедераціи, бывшей причиною *нѣмаго сейма* въ 1717 году, вошло въ обычай—при раздѣленіи голосовъ на партіи—искать подкрѣпленія у иностранныхъ государствъ [1]. Такъ, еще при жизни Августа II, примасъ Польши, съ другими панами просилъ россійскую императрицу и австрійскаго императора защитить ихъ вольность [2]), по случаю подозрѣнія на короля, будто онъ хотѣлъ присвоить себѣ нѣкоторыя права. И теперь, по смерти Августа II, составились двѣ партіи: одна, съ примасомъ-архіепископомъ *Θеодоромъ Потоцкимъ*, желала возвести на польскій престолъ Станислава Лещинскаго; другая, подъ начальствомъ литовскаго канцлера *Михаила Вишневецкаго*, хотѣла избрать королемъ *Августа III*, сына Августа II.

Для подкрѣпленія своей партіи Вишневецкій просилъ россійскую императрицу Анну Іоановну прислать въ Польшу

---

[1]) Od czasu nieszczęśliwey konfederacyi Tornogrodzkiéy weszło było we zwyczay: aby do spraw krajowych wpływ dawano obcym Mocarstwom, i żeby jedna partya przeciw drugiey zagraniczną wzywała pomoc. Dzieje Tom 2, стр. 508.

[2]) Nieco przed śmiercją Augusta II, prymas i niektórzy inni panowie do cesarza i imperatorowey pisali prosząc o wsparcie wolnosci Polskiey. Historya Teod. Wagi стран. 361.

русское войско, которое въ день, назначенный для избирательнаго сейма, 25 августа 1733 года, и вступило въ Литву подъ командою генерала *Ласси*. Кромѣ Россіи, избранію Августа III благопріятствовалъ и австрійскій императоръ Карлъ VI. Нельзя было сосѣднимъ государствамъ не вмѣшиваться въ выборы польскаго короля—тѣмъ болѣе, что сами поляки просили ихъ о томъ. Польша была вообще самымъ безпокойнымъ сосѣдомъ и вела безконечные споры съ окружавшими ее народами: слѣдовательно для сосѣдей весьма было важно, кто будетъ на ея престолѣ,—другъ имъ, или не другъ.

Когда примасъ 29 августа объявилъ королемъ польскимъ Станислава Лещинскаго, то канцлеръ Вишневецкій, съ двумя воеводствами и съ многочисленными единомышленниками своими, оставилъ мѣсто избранія *(Волю)*, перешелъ на правую сторону Вислы и, разрушивъ мостъ, укрѣпился на *Прагѣ*, предмѣстьи варшавскомъ. Партія примаса преслѣдовала его, и вступила съ нимъ въ кровопролитный бой, не сомнѣваясь одержать побѣду—тѣмъ болѣе, что Лещинскій уже прибылъ въ Варшаву, проѣхавши Германію, переодѣтый купцомъ. Послѣ кровопролитнаго сраженія, канцлеръ Вишневецкій съ своей партіей отступилъ къ *Венгрову*, гдѣ и соединился съ русскимъ войскомъ. Ласси скоро затѣмъ явился съ арміей на берегу Вислы и завладѣлъ Варшавою. Лещинскій и примасъ бѣжалъ въ Гданскъ.

Чрезъ четыре дня послѣ ихъ бѣгства, епископъ познанскій *Гозіусъ* съ партіей Вишневецкаго провозгласилъ королемъ польскимъ саксонскаго курфирста *Августа* III, котораго послы не умедлили совершить за него присягу на pacta conventa, съ добавленіемъ новаго обязателиства, что Августъ теперь же—при вступленіи на престолъ—заплатитъ республикѣ польской три милліоны злотыхъ и ежегодно потомъ будетъ платить по 100 тысячъ. Затѣмъ Августъ съ женою своей пріѣхалъ изъ Саксоніи въ Краковъ, и тамъ 17 генваря 1734 года короновался съ нею.

Между тѣмъ жители Гданска грудью стояли за Лещинскаго—тѣмъ болѣе, что надѣялись получить подкрѣпленіе изъ Франціи. Генералъ русскій Ласси долженъ былъ раздѣлить небольшую свою армію на нѣсколько отрядовъ, изъ которыхъ

одинъ охранялъ Варшаву, другой преслѣдовалъ конфедератовъ, державшихъ сторону Лещинскаго, а съ третьимъ онъ началъ осаду Гданска. Приступы были неудачны, и сверхъ того французская эскадра показалась въ Балтійскомъ морѣ. Тогда императрица русская Анна послала подкрѣпленіе своему войску подъ Гданскомъ, подъ командою фельдмаршала графа *Миниха*, который, въ короткое время, взялъ въ плѣнъ французскій отрядъ, сдѣлавшій высадку на берегъ, и потомъ началъ такую канонаду по городу, что Станиславъ Лещинскій, боясь попасть въ руки непріятеля, принужденъ былъ—переодѣтый въ крестьянское платье—бѣжать тайно изъ Гданска, а чрезъ три дня послѣ того и городъ сдался побѣдителю. Августъ III не замедлилъ пріѣхать въ Гданскъ и принялъ присягу отъ жителей на вѣрноподданство.

Людовикъ XV, въ отмщеніе за своего тестя, объявилъ войну австрійскому императору Карлу VI за его участіе въ избраніи Августа III. Австрійскія войска были вездѣ поражаемы отъ французовъ,—на Рейнѣ, въ Медіоланѣ, въ Неаполѣ и въ Сициліи. Карлъ VI трепеталъ за Вѣну и просилъ пособія у россійской императрицы. Но прежде, нежели успѣло русское войско придти къ австрійцамъ на помощь, уже Людовикъ XV изъявилъ желаніе помириться съ австрійскимъ императоромъ и призналъ Августа III королемъ польскимъ; а Карлъ VI уступилъ Станиславу Лещинскому въ пожизненное владѣніе *Лотарингію*. Послѣ чего и Лещинскій, признавши своего противника польскимъ королемъ, 27 генваря 1736 года подписалъ свое отреченіе отъ польской короны, съ предоставленіемъ однакожъ себѣ права пользоваться на всю остальную жизнь титуломъ короля.

Августъ III

(1736—1763).

Чрезъ пять мѣсяцовъ послѣ отреченія Станислава Лещинскаго, былъ въ Варшавѣ такъ-называемый *миротворительный сеймъ* (Seym pacyfikacyiny), продолжавшійся нѣсколько дней

и кончившійся 9 іюля. Онъ замѣчателенъ въ исторіи тѣмъ, *что одинъ только этотъ сеймъ во все тридцатилѣтнее царствованіе Августа III не былъ уничтоженъ*, тогда какъ постановленія всѣхъ прочихъ сеймовъ, собиравшихся въ его царствованіе, были разрушаемы крикомъ: *непозвалямъ!* Въ польскомъ сеймѣ сосредолочивалась верховная власть законодательная и правительственная; сеймъ рѣшалъ миръ и войну, возвыщалъ и понижалъ налоги, издавалъ законы и вообще устанovлялъ все, что касалось до управленія Польши. Но сеймовыя опредѣленія тогда только имѣли силу, когда *всѣ депутаты* изъявляли согласіе на предложенную мѣру. А такъ какъ, въ продолженіе 30 лѣтъ, ни одно постановленіе польскаго сейма не имѣло счастія получить одобреніе *всѣхъ* депутатовъ и — слѣдовательно — ни одно не было исполняемо; то, естественно, рождается самъ собою вопросъ: какое же было тогда правленіе въ Польшѣ, — или точнѣе, — *было ли тогда какое-нибудь правленіе* въ этой несчастной республикѣ?... На этотъ вопросъ справедливо отвѣчалъ знаменитый польскій историкъ *Нарушевичъ*, поднося свою исторію королю польскому и говоря такъ: «*трудно обманывать себя, ваше величество: мы никогда не имѣли правленія и никогда не были счастливы*» [1]). А позднѣйшій историкъ такъ описываетъ царствованіе Августа III: «не было тогда въ Польшѣ ни высшихъ, постоянныхъ, судебныхъ мѣстъ, ни порядка. Магнаты воевали между собою, какъ будто въ XI или XII вѣкѣ. Разстройство и безпорядокъ были всеобщи, и Польша была похожа на заѣздную корчму, въ которой всякъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ» [2]).

И миротворительный сеймъ, такъ счастливо кончившійся 9 іюля 1736 года, не принесъ Польшѣ спокойствія, потому что, между многими хорошими мѣрами, на этомъ сеймѣ было принято постановленіе: удалить диссидентовъ отъ всѣхъ обще-

---

[1]) Trudno sobie pochlebać, Nayiśnieyszy Panie. Nigdyśmy nie byli narodem systematycznie rządnym; a zatym i szczęśliwym. Adama Naruszewicza Historya Nar. Polsk. Tom VII. (1804). Do króla J. M. стран. 8.

[2]) Nie było zatém ani sądów stałych naywyższych, ani porządku statecznego w całém Państwie. Wielkie domy Polskie toczyły między sobą woyny na kształt pochwałek lub odpowiedzi wieku XI lub XII. Nieład i nierząd był powszechny. Porównano Polskę zatém do karczmy zajezdney, w którey każdy, co chciał, to sobie pozwalał. Dzieje.., Tem 2, стран. 515.

ственныхъ должностей, не принимать отъ нихъ депутатовъ на сеймы и запретить имъ искать покровительства иностранныхъ державъ. Этимъ неблагоразумнымъ постановленіемъ Польша сама себя вконецъ разрушала [1]).

Въ 1737 году, со смертью послѣдняго Кетлера—*Фердинанда*, престолъ курляндскаго герцогства сдѣлался празднымъ,—и Августъ III, въ благодарность россійской императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ за ея содѣйствіе въ полученіи имъ польской короны, согласился отдать курляндскій престолъ оберъ-каммергеру императрицы *Бирону*. До сихъ поръ герцогство курляндское, на вассальномъ правѣ, зависѣло отъ Польши. Послѣ того, когда герцогъ Биронъ, за его преступленія въ Россіи, былъ въ 1740 году сосланъ въ Сибирь, въ Курляндіи былъ нѣсколько времени герцогомъ, съ согласія россійскаго двора, сынъ Августа III-*Карлъ*; но императрица Екатерина II, немедленно по возшествіи своемъ на россійскій престолъ (въ 1762 году), возвратила Бирону герцогское достоинство. Принцъ Карлъ возвратился въ Саксонію, а Курляндія отошла въ зависимость къ Россіи.

Хотя Польша, въ царствованіе Августа III, не участвовала ни въ какой внѣшней войнѣ, но по причинѣ отсутствія въ ней всякаго правленія и порядка, чрезъ ея области свободно проходили иностранныя войска—русскія, воевавшія съ Турціей и съ Пруссіей, и прусскія, воевавшія съ Австріей. А Фридрихъ II, король прусскій, нуждавшійся въ солдатахъ во время семилѣтней войны, свободно вербовалъ поляковъ въ свои полки въ самой даже Варшавѣ.

Не имѣя никакихъ занятій въ Польшѣ, по причинѣ совершеннаго разстройства ея во всѣхъ частяхъ, Августъ III большую часть своего царствованія жилъ въ *Дрезденѣ*, а въ Польшу пріѣзжалъ только на сеймы, которые, впрочемъ, никогда не удавались и не оканчивались благополучно. Когда же Фридрихъ II, въ 1755 году, занялъ Саксонію своими войсками и сдѣлалъ ее театромъ войны съ своими врагами, то Августъ III принужденъ былъ выѣхать оттуда въ Польшу, гдѣ и жилъ съ 1756 по 1763. Любимое занятіе его было—охота, изящныя искуства, преимущественно опера и живопись. Возвратившись

[1]) Dzieje... Tom 2, стран. 514. Historya Tom Wagi стран. 360, 367.

въ 1763 году въ Саксонію, онъ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ умеръ въ Дрезденѣ, на 67 году своей жизни.

Подобно угасающей лампадѣ, которая иногда предъ своимъ догораніемъ вспыхиваетъ и на мгновеніе горитъ ярче прежняго, теперь въ Польшѣ, предъ всеобщимъ ея упадкомъ, сверкнулъ-было свѣтъ просвѣщенія [1]). Опять возникло соперничество между іезуитами и піарами въ воспитаніи юношества, и училища тѣхъ и другихъ монаховъ начали видимо избавляться отъ прежнихъ схоластическихъ заблужденій. Два знаменитые братья *Залуцкіе*—епископъ краковскій *Андрей* и епископъ куявскій *Іосифъ*, заложили въ Варшавѣ на свой счетъ *публичную библіотеку*. Два такіе же знаменитые мужи—*князья Чарторижскіе*, канцлеръ литовскій *Михаилъ* и воевода русскій *Августъ*, задумали радикально преобразовать свое несчастное отечество, чрезъ возстановленіе въ немъ монархическаго правленія, и дѣлали исподоволь къ тому приготовленія, надѣясь на помощь петербургскаго двора [2]). Но—добро не дѣлается такъ скоро, какъ зло; здоровье не возвращается такъ скоро, какъ улетаетъ. Независимо отъ улучшенія польскихъ училищъ и отъ усилія нѣкоторыхъ поляковъ—просвѣтить и возстановить свое отечество, народъ польскій, въ царствованіе Августа III, оставался въ прежнемъ маракѣ невѣжества: по-прежнему мучили и топили волшебниковъ и волшебницъ; по-прежнему не позволяли иновѣрцамъ жить въ городахъ и заниматься ремеслами [3]).

Прекрасный край, прекрасная часть славянскаго племени—Польша, примкнувши къ западной Европѣ, подчинилась папѣ и всосала въ себя всю заразу средневѣковой нетерпимости и фанатизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ перешло въ нее средневѣковое, *кулачное право*, и эти двѣ заразы терзали, убивали ее.

---

[1]) Zaczęło znowuż przebiiać się światło nauk przez grubą nieoświaty chmurę i długą pomrokę. Dzieje.·. Tom 2, стран. 518.

[2]) Przedsięwzięciem ich było zdziałać wielką rzeczypospolitey przemianę, zamieniaiąc jey nieład w rządną monarchią, w czém zdawało się im, że znaydą nayskuteczznieysze środki do podźwignienia kraiu z ohydnego poniżenia. Do czego mógł dadź potężną pomoc dwór Petersburski. Historya... Teod. Wagi стр. 379, 380.

[3]) Mimo światła nauk odradzającego się u ludu, był naród w zabobonach i w intolerancyi pogrążony. Sądzono czarownice, topiono czarowników, męczono na katuszach, nie dozwolano osiadać różnowiercom w miastach i zakładać rękodzieła... Dzieje. Tom 2, стран, 520.

Польша имѣла иногда великихъ и просвѣщенныхъ людей, которые желали добра своему отечеству; но это были рѣдкія исключенія, обязанныя своимъ бытіемъ и славою частнымъ причинамъ, а не общему ходу народнаго правленія и воспитанія. Все общественное тѣло Польши уже было почти мертво, и только по временамъ содрогалось отъ послѣднихъ остатковъ жизненнаго духа [1]).

Станиславъ-Августъ Понятовскій

1764—1796 ~~(1604—1696)~~.

Послѣднее междуцарствіе, предъ послѣднимъ выборомъ короля польскаго, продолжалось одинадцать мѣсяцевъ (съ 4 окт. 1763 по 7 сентября 1764). Польша такъ уже тогда упала въ глазахъ Европы, что *одинъ только* кандидатъ явился на ея престолъ, сынъ умершаго короля—саксонскій курфирстъ, да и тотъ не по собственному желанію, но изъ угожденія честолюбивой своей женѣ. Благоразумнѣйшіе паны хотѣли избрать королемъ природнаго поляка—изъ потомковъ Пяста, и просили россійскую императрицу *Екатерину II* прислать въ Польшу русское войско для подкрѣпленія ихъ намѣренія. Императрица исполнила ихъ просьбу и повелѣла своимъ посламъ графу *Кейзерлингу* и князю *Репнину* предложить сейму въ короли стольника великаго княжества литовскаго, графа *Станислава-Августа Понятовскаго*, лично извѣстнаго петербургскому двору.

Созывательный сеймъ принялъ это предложеніе и сдѣлалъ еще одно превосходное постановленіе, чтобы всѣ дѣла впредь были рѣшаемы по большинству голосовъ, и—слѣдовательно—прежнее буйное *«не позвалямъ»* было устранено, къ горькому сожалѣнію весьма многихъ любителей этого своеволія.

Избирательный сеймъ начался 27 августа, а 7 сентября 1764 года былъ избранъ королемъ Понятовскій, подъ именемъ

---

[1]) Byli to tylko ludzie ze składu okoliczności, lub z prywatnego wychowu wielcy, nie z istoty administracyi krajowey. Jeśli kiedy udało się zbić nieprzyiaciela, zawrzeć pokoy, przetrwać w nim jaką chwilę,—znaydowali się zawsze w tym schorzałym ciele rzeczypospolitey cząstki jakie żywotnich duchow. Naruszewicz, Hist· Nar. Pol. Tom 7, стран. 8, 9.

Станислава-Августа. Всѣ были довольны, кромѣ графа *Браницкаго*, который самъ хотѣлъ быть королемъ. Не успѣвши въ этомъ, онъ хотѣлъ-было взбунтовать литовское княжество, но когда и это не удалось, заперся въ своемъ замкѣ, въ Бѣлостокѣ.

Что же принялъ Станиславъ-Августъ вмѣстѣ съ польскимъ скиптромъ?

Историкъ Польши—*Нарушевичъ* лично говорилъ ему, что «онъ съ этимъ скиптромъ принялъ несогласіе внутри республики, слабость Польши, нищету казны, безправье въ мелкомъ войскѣ, опустѣлые замки, обнищавшіе города, правленіе безъ связи и рады, безтолковые сеймы и, при этихъ явленіяхъ, предшествующихъ страшному паденію государства, грозное вокругъ сосѣдство!—Ежели (продолжаетъ Нарушевичъ) не могъ совладѣть съ такими безпорядками и потомственно-наслѣдственный король Казиміръ Великій, имѣвшій въ своихъ рукахъ право суда и законодательства, войско и казну; то что добраго можетъ сдѣлать въ Польшѣ избирательная верховная власть, ограниченная въ правахъ и всегда подозрѣваемая?.. Ничего больше, какъ только терпѣть за чужіе грѣхи и быть мишенью для выстрѣловъ ненависти, потому что на высокомъ мѣстѣ стоитъ» [1]).

Послѣ коронаціи Станислава-Августа, бывшей 25 ноября, послы дворовъ петербургскаго и берлинскаго предложили сейму желаніе своихъ государей, чтобы всѣ диссиденты пользовались въ Польшѣ свободою вѣроисповѣданія, были допускаемы въ государственную службу и чтобъ епископы греко-восточнаго исповѣданія имѣли мѣста въ польскомъ сенатѣ, подобно католическимъ епископамъ [2]). Казалось бы, нѣтъ ничего естест-

---

[1]) Ale cóżeś wziął, Panie, z tym berłem? To, co niegdyś Kazimierz: niezgody w domu: słabość krain: ubóstwo skarbu: nierząd w drobney milicyi: zpustoszałe zamki: odarte miasta: rząd bez związku i rady: nieczynne seymy: przemoc w magistraturach: a przy tych poprzedzających zawsze straszną ruinę znakach, potęgę zagraniczną i grożne na około sąsiedstwo. Nie zdołał zaradzić w takim przeciwności ogromie dziedzic i monarcha, maiący w ręku swoim sądy, woysko, skarb i legislacyą. Coż może uczynić u nas elekcyina zwierzchność, prawami skrępowana, zawsze podeyrzana? chyba cierpieć gdy się źle dzieie, za cudze przewinienia, i być na celu postrzałom nienawiści dla tego że wyżey siedzi. Ad. Naruszewicza Historya Narodu Polskiego Tom VI. (1803) стран. 11.

[2]) Dzieje... Tom 2, стран. 524.

веннѣе, справедливѣе и даже необходимѣе для благоденствія Польши, какъ исполненіе этихъ желаній. Въ нынѣшнее время трудно повѣрить, чтобы такія справедливыя требованія могли быть отвергнуты—тѣмъ болѣе, что до 1717 года всѣ письменныя постановленія сеймовъ были въ пользу диссидентовъ и всякій король, при возшествіи на престолъ, между прочими pacta conventa, присягалъ соблюдать и права диссидентовъ ненарушимыми. Но—въ Польшѣ *одно писали, а другое дѣлали,* и несчастные диссиденты, особенно со времени короля Сигизмунда III, были страшно преслѣдуемы и угнетаемы. Съ 1717 года перестали даже и писать въ пользу диссидентовъ, а начали издавать притѣснительные для нихъ законы: запретили имъ строить новыя церкви и поправлять старыя, вслѣдъ за тѣмъ перестали допускать ихъ на сеймы, а наконецъ, въ 1733 году рѣшили удалить ихъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей, какъ будто какихъ-нибудь выродковъ человѣчества.

По случаю заступничества петербургскаго, берлинскаго и другихъ дворовъ за несчастныхъ диссидентовъ, въ Варшавѣ 6-го октября 1766 года начались бурныя засѣданія сеймовъ. Служители алтаря, краковскій епископъ *Каэтанъ Солтыкъ* и папскій нунцій *Висконти*, которые должны бы были проповѣдывать миръ и христіанскую любовь, грозно возстали противъ диссидентовъ и требовали уничтоженія ихъ правъ церковныхъ, служебныхъ и гражданскихъ. А защитники этихъ несчастныхъ, желая вразумить гонителей, что они отнятіемъ этихъ правъ у своихъ согражданъ разрушаютъ собственное свое отечество, стали требовать, согласно желанію многихъ поляковъ, чтобы возстановлено было безумное «*не позвалямъ*» въ прежней его силѣ. Сеймъ, руководимый духовенствомъ, согласился даже и на эту разрушительную мѣру, лишь бы только попрать права диссидентовъ. Такимъ образомъ—24 ноября были уничтожены права всѣхъ не-католиковъ, а 25 числа было возстановлено liberum veto на погибель Польши. Возстановленіе разрушительнаго veto, въ противоположность уничтоженію правъ диссидентовъ, нужно было, какъ послѣднее отчаянное средство для того, чтобы, при угнетеніи диссидентовъ, могъ еще кто-нибудь этимъ словомъ останавливать опредѣленія сей-

ма, клонящіяся къ истребленію этихъ несчастныхъ. Другой надежды и защиты для диссидентовъ не оставалосъ.

Потерявши свободу вѣроисповѣданія и права гражданства, диссиденты начали составлять изъ себя вооруженныя конфедераціи, сперва въ Торнѣ и Слуцкѣ, а потомъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Такихъ конфедерацій было тогда въ Польшѣ до 200. Предводители ихъ соединились въ *Радомѣ* и избрали князя *Радзивилла* главнымъ вождемъ всего возстанія. Противъ диссидентовъ вооружилась другая часть Польши, католическая. Несчастному королю Станиславу-Августу жаль было и той и другой стороны. Но какъ сторона диссидентовъ была сторона обиженная и имѣла право на состраданіе, то и онъ присталъ къ радомской конфедераціи и самъ просилъ россійскую императрицу прислать ему войско для усмиренія крамолъ въ Польшѣ и для возстановленія правъ диссидентовъ.

Русское войско, подъ начальствомъ *Салтыкова* и *Кречетникова*, вошло въ Польшу и, подъ защитою его, король назначилъ въ Варшавѣ чрезвычайный сеймъ на 5 число октября 1767 года. На этомъ сеймѣ. продолжавшемся до марта слѣдующаго года, епископъ *Каэтанъ Солтыкъ* свирѣпствовалъ противъ диссидентовъ и даже осмѣлился говорить дерзскія рѣчи о россійской императрицѣ, покровительствовавшей ихъ. Безразсудному примѣру его подражали куявскій епископъ *Іосифъ Залуцкій*, краковскій воевода *Вацлавъ Ржевусскій* и сынъ его *Северинъ Ржевусскій*. Въ слѣдствіе чего, посолъ россійской императрицы князь *Репнинъ* принялъ рѣшительную мѣру: приказалъ арестовать этихъ дерзскихъ фанатиковъ и отправилъ ихъ въ Россію.

Прочіе фанатики смирились и, 13 февраля 1768 года, сдѣлали на сеймѣ постановленіе: 1) всѣ законы, изданные съ 1717 года противъ диссидентовъ, отмѣнить и предоставить диссидентамъ право свободно отправлять свое богослуженіе, строить церкви, заводить училища, присутствовать въ сенатѣ и участвовать въ совѣщаніяхъ сейма; 2) правленію въ Польшѣ быть избирательному, — дѣла рѣшать единогласнымъ приговоромъ сейма; 3) съ Россіей заключить вѣчный миръ и предоставить императрицѣ россійской право оберегать и защищать какъ диссидентовъ въ Польшѣ, такъ равно и самую Польшу. Договоръ

объ этомъ былъ подписанъ; сеймъ закрытъ; русскимъ войскамъ велѣно возвратиться въ Россію.

Если бы Польша остановилась хоть на этомъ договорѣ, она могла бы еще продлить свое существованіе, даже могла бы со временемъ окрѣпнуть, усилиться, развиться и сдѣлаться порядочнымъ государствомъ въ кругу другихъ державъ. Но— опять одинъ изъ ея служителей алтаря, забывши заповѣдь мира и любви, возмутилъ Польшу: каменецкій епископъ *Адамъ Красинскій* [1]), товарищъ Солтыка, переодѣтый, изъѣздилъ всю Польшу и вездѣ возбуждалъ ненависть къ диссидентамъ, къ Россіи и къ королю, за дарованіе покоя диссидентамъ. Единомышленникъ Красинскаго, староста *Іосифъ Пулавскій* началъ собирать безпокойныхъ людей и составилъ изъ нихъ въ городѣ *Баръ* (подольскаго воеводства) вооруженную конфедерацію противъ своего короля Станислава-Августа. Подобное же возмущеніе противъ законной власти и противъ здраваго разсудка обнаружилось въ Галичѣ, Люблинѣ, Краковѣ и другихъ мѣстахъ. Конфедераты огнемъ и мечемъ истребляли своихъ согражданъ—диссидентовъ, а особенно исповѣдниковъ греко-россійскаго православія, тогда какъ жиды по всей Польшѣ пользовались полною свободою своей вѣры. Началась ужасная религіозная война, рѣзня безъ пощады пола и возраста, убійство многихъ тысячъ ближнихъ, покланяющихся одному и тому же Спасителю міра и, къ сожалѣнію, это убійство было возбуждено въ Польшѣ епископами католическими, сперва Солтыкомъ и Залуцкимъ, потомъ Красинскимъ. Дворянъ, исповѣдующихъ гонимую, греко-восточную вѣру, тогда уже мало было въ Польшѣ: почти всѣ перешли сперва въ унію, потомъ въ католичество. Оставался только простой народъ, не хотѣвшій отречься святой вѣры своихъ праотцевъ; но и среди простонародья нашлись свои предводители, которые вооруженною рукою начали защищать своихъ братьевъ отъ гонителей. Извѣстнѣйшіе изъ такихъ предводителей были тогда (1768) *Гонта* и *Желѣзнякъ*, о которыхъ память и теперь еще живетъ въ на-

---

1) Однофамилецъ и, вѣроятно, потомокъ знаменитаго краковскаго епископа, который на сеймѣ 6-го генваря 1573 года обнаружилъ примѣрную христіанскую термимость. См. стран. 178.

родѣ. За жестокость они платили ужасною жестокостью, и Польша была обагрена (буквально) собственною своею кровью.

Станиславъ-Августъ и нѣкоторые благомыслящіе сенаторы польскіе, не имѣя средствъ прекратить междоусобіе и кровопролитіе въ своемъ гибнущемъ отечествѣ, опять просили росс. императорицу прислать въ Польшу войско, которое и не замедлило придти. А епископъ Красинскій обратился за помощью къ версальскому двору и получилъ оттуда деньги, искусныхъ французскихъ офицеровъ и генерала *Дюмурье*, для предводительства надъ конфедератами; сверхъ того французское правительство, чрезъ своего посла при оттоманской Портѣ, склонило султана турецкаго *Мустафу III* къ войнѣ съ Россіей, чтобъ отвлечь силы этой державы отъ защиты диссидентовъ.

Отряды русскаго войска, гоняясь за конфедератами по всему пространству Польши, вездѣ побѣждали ихъ и разгоняли. Загнавши одну партію ихъ въ пограничное татарское мѣстечко *Балту*, русскіе, по неосторожности, сожгли мѣстечко. Этотъ маловажный случай былъ для султана, верховнаго покровителя татаръ, поводомъ объявить въ 1768 году войну Россіи. Начавши воевать съ Турціей, Екатерина II приказала отряду войска, дѣйствовавшаго въ Польшѣ противъ конфедератовъ, возвратиться въ Россію; но Станиславъ-Августъ упросилъ императрицу оставить при немъ хоть нѣсколько русскихъ полковъ— тѣмъ болѣе, что барскіе конфедераты объявили уже его лишеннымъ престола и затѣвали искать себѣ новаго короля. Между тѣмъ мысль о необходимости раздробить Польшу, первоначально родившаяся еще въ царствованіе Сигизмунда III (см. выше), теперь часъ отъ часу болѣе и болѣе дѣлалась настоятельнымъ требованіемъ времени, такъ что даже султанъ турецкій понималъ эту необходимость и, въ 1770 году, предлагалъ австрійскому посланнику барону *Тугуту*, свергнуть общими силами Станислава-Августа съ престола и раздѣлить рѣчь посполитую между Австріей и Турціей.

Со всѣхъ сторонъ была чувствуема потребность въ рѣшительныхъ мѣрахъ. Барскіе конфедераты, видя безуспѣшность своего приговора о низведеніи Станислава-Августа съ престола, отважились на слѣдующее неистовство: 3 ноября 1771 года напали на короля среди улицы, схватили его и хотѣли-было

увезти изъ Варшавы; но онъ почти чудомъ спасся изъ рукъ своихъ убійцъ, получивши только тяжелую рану въ голову. Что оставалось дѣлать сосѣднимъ государствамъ, смотря на такое буйство и безуміе?... *Пруссія и Австрія рѣшились раздѣлить Польшу между собою!*—Рѣшительная мысль о раздѣлѣ этой несчастной страны родилась въ головѣ *Фридриха II, короля прусскаго*, который склонилъ къ тому и *Австрійскую императрицу Марію-Терезію:* оставалось еще склонить третьяго сосѣда, россійскую императрицу, которая блистательнымъ образомъ кончивши тогда войну съ Турціей, хотѣла, въ вознагражденіе своихъ военныхъ издержекъ, присоединить къ Россіи Молдавію и Валахію. Австрійскому двору чрезвычайно непріятно было бы присоединеніе дунайскихъ княжествъ къ Россіи, а потому и онъ началъ стараться, чтобы Россія, вмѣсто Молдавіи и Валахіи согласилась присоединить къ себѣ часть Польши.

Началось съ того, что Марія-Терезія повелѣла своимъ войскамъ занять польскую область,—*староство спижское*, съ соляными копями *Велички* и *Бохніи*, подъ тѣмъ предлогомъ, что оно нѣкогда составляло часть венгерскаго королевства, принадлежащаго теперь Австріи. А король прусскій ввелъ свои войска въ *воеводства кульмское* и *познанское*, подъ предлогомъ кордона, для охраненія своихъ областей отъ свирѣпствовавшей тогда моровой язвы, и вслѣдъ за тѣмъ отправилъ въ С.-Петербургъ брата своего Генриха убѣждать Екатерину II, чтобъ и она согласилась на раздѣлъ Польши. Екатерина видѣла, что между Австріей и Пруссіей это дѣло уже кончено. Противиться имъ значило бы—начать съ ними новую войну за Польшу. *Россійская императрица позже всѣхъ согласилась, и при томъ не на совершенное уничтоженіе и раздѣленіе Польши, какъ хотѣли того Австрія и Пруссія, а только на отдѣленіе отъ нея нѣкоторыхъ провинцій русскихъ.* А потому договоромъ, заключеннымъ 25 іюля 1775 года, было постановлено: 1) къ Россіи отдѣлить древнее достояніе ея—землю между Днѣпромъ, Западною Двиною и Другемъ, или такъ называемую *Бѣлоруссію*, 2) къ Австріи—Галицію, 3) къ Пруссіи—Померанію, за исключеніемъ Гданска и Торна, и часть великой Польши до рѣки Нетцы. Постановленіе это было объявлено варшавскому двору;

а Станиславъ-Августъ объявилъ о немъ сейму, который, послѣ безполезныхъ криковъ и сопротивленія, принужденъ былъ въ 1775 году окончательно согласиться на принятіе этого наказанія отъ Промысла Божія за свои безпорядки, самоуправство и за униженіе власти своего короля. Отъ Польши отошло 3,925 тысячъ квадратныхъ миль земли, а осталось еще у нея болѣе десяти тысячъ миль съ восемью милліонами народонаселенія. Всѣ три союзники ручались въ неприкосновенности остальныхъ ея областей, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, что поляки не будутъ перемѣнять у себя установленнаго ими порядка правленія и что не будутъ притѣснять диссидентовъ. Охраненіе этого порядка въ Польшѣ приняла на себя Екатерина II. Порядокъ правленія былъ установленъ такой: 1) право избирать короля осталось въ прежней силѣ; 2) положено было выбирать короля только изъ потомковъ Пяста; 3) дѣла рѣшать на сеймѣ единогласнымъ приговоромъ; 4) при королѣ быть непремѣнному совѣту, подъ его предсѣдательствомъ, изъ нѣсколькихъ сенаторовъ, по выбору сейма; 5) диссидентамъ предоставлена была свобода богослуженія, съ правомъ поступать въ государственную службу и также въ депутаты сейма; 6) войску польскому состоять изъ 30 тысячъ человѣкъ.

Хотя въ этой конституціи, какъ и во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, были свои недостатки, но не смотря на то Польша съ этою конституціей, отъ 1775 по 1788 годъ, въ продолженіе 12 лѣтъ наслаждалась тишиною, *безпримѣрною въ ея исторіи*, и видимо начала крѣпнуть и поправляться. Промышленность и науки проснулись. Станиславъ-Августъ учредилъ кадетскій корпусъ, котораго *ни одинъ король не успѣлъ учредить, хотя каждый обѣщалъ это при возшествіи на престолъ*. Сверхъ того король—всѣ фундуши уничтоженнаго тогда ордена іезуитовъ обратилъ на воспитаніе юношества. Варшава украсилась прекрасными зданіями. Для соблюденія правосудія, канцлеръ *Замойскій*, по порученію короля, занимался новымъ собраніемъ законовъ. Польская литература, подъ перомъ *Нарушевича*, *Красицкаго* и другихъ писателей, начала обращать на себя вниманіе Европы. Если бы Польша продолжала такимъ образомъ, подъ покровительствомъ Россіи, совершенствовать свой внутренній бытъ, она скоро достигла бы цвѣтущаго со-

стоянія, и исподоволь могла бы исправлять свою конституцію. Но не доброжелатели славянскаго племени, всегда ссорившіе славянъ между собою (см. выше), и теперь умѣли поссорить Польшу съ Россіей. Сеймъ польскій, собравшійся въ концѣ 1788 года, началъ оскорблять россійскую императрицу: отказалъ въ свободномъ пропускѣ россійскаго войска чрезъ польскія владѣнія въ Молдавію и Валахію, по случаю бывшей тогда войны между Россіей и Турціей, —не давалъ продовольствія этой арміи вопреки договору—и сверхъ того, вмѣсто установленнаго числа 30 тысячъ, увеличилъ польскую армію до 100 тысячъ человѣкъ. Этого мало: сеймъ заключилъ еще союзъ съ королемъ прусскимъ, державшимъ сторону Турціи, и даже съ Турціей вошелъ въ переговоры, желая помочь ей въ войнѣ съ Россіей.

Приготовившись такимъ образомъ къ возстанію противъ Россіи, безъ всякаго повода съ ея стороны, поляки обнародовали новую *конституцію 3-го маія 1791 года*, по которой наслѣдство польскаго престола, послѣ смерти Станислава-Августа, переходило въ домъ саксонскаго курфирста,—дѣла положено было вершить по большинству голосовъ, a liberum veto было уничтожено, непремѣнный совѣтъ при королѣ также былъ уничтоженъ. Въ этой конституціи, безъ сомнѣнія, было нѣсколько добра, но *добра преждевременнаго* и *насильственнаго*, которое въ политикѣ есть величайшее зло [1]). Уничтожить liberum veto и сдѣлать свой тронъ наслѣдственнымъ Польша могла бы исподоволь, въ свое время, не раздражая Россіи и не предпринимая противъ нея войны.

Конституція 3-го мая раздѣлила Польшу на двѣ части: одна часть восхищалась ею и стояла за нее грудью, другая ненавидѣла ее отъ всей души. Члены одного и того же семейства были раздѣлены въ мнѣніяхъ по этому предмету. Такъ *Игнатій Потоцкій* былъ главнымъ виновникомъ и приверженцемъ конституціи, а братъ его *Феликсъ Потоцкій* непримирнымъ врагомъ ея. Къ Феликсу Потоцкому присоединились *Северинъ Ржевусскій*, *гетманъ Браницкій* и многіе другіе

[1]) Кромѣ того, эта конституція охраняла права только одной шляхты, а народъ забытъ ею совершенно. Нѣкоторые польскіе писатели справедливо конституцію эту назвали шляхетскою.

паны, и въ городѣ *Тарговицахъ* составили вооруженную конфедерацію противъ конституціи, въ *Вильнѣ* составилась *другая*, подобная *конфедерація*. Въ слѣдствіе просьбы тарговицкихъ конфедератовъ, россійская императрица приказала своему войску вступить въ предѣлы Польши, а Франція, Австрія и Пруссія поддерживали другую сторону Польши. Прусскій король даже обѣщалъ полякамъ объявить отъ себя войну Россіи, лишь бы они уступили ему Гданскъ и Торнъ. Когда же поляки отказали ему въ томъ, то онъ заключилъ съ с.-петербургскимъ кабинетомъ союзъ противъ Польши, и свои войска также двинулъ въ польскія границы. Франція, сама тогда погибавшая отъ своей революціи, пышными только фразами хвалила распоряженія польскаго сейма, но помощи не прислала. Австрія, подобно Пруссіи, соединилась съ Россіей. Такимъ образомъ—совѣтники Польши, вооружившіе ее противъ Россіи, не только оставили ее одну, но еще и перешли на сторону того, противъ кого вооружили ее.

Отряды поляковъ не могли долго противиться русскому войску и были разбиты по частямъ въ два мѣсяца. Станиславъ-Августъ просилъ пощады и самъ присоединился къ тарговицкимъ конфедератамъ: примѣру короля послѣдовали почти всѣ сенаторы и депутаты сейма, кромѣ *Игнатія Потоцкаго*, *Колонтая Заіончка* и не многихъ другихъ. Подъ предсѣдательствомъ короля, наконецъ 6-го іюня 1793 года былъ составленъ въ *Гродно* новый сеймъ для устройства Польши. Екатерина II, убѣдясь опытомъ, что Польша не умѣетъ пользоваться благодѣяніями мира и ея покровительства, нашлась въ необходимости возвратить ее въ тѣ границы, въ какихъ она была до соединенія съ великимъ княжествомъ литовскимъ. Въ слѣдствіе чего *гродненскій сеймъ*? 11/21 іюля долженъ былъ согласиться на *второй раздѣлъ* Польши, по которому *волынская* область, *подольская* и *минская* были присоединены къ Россіи; а Пруссія при этомъ удобномъ случаѣ получила то, чего уже давно хотѣла—*великопольскія воеводства съ городами Гданскомъ и Торномъ*. Послѣ этого раздѣла, королевство польское имѣло только 4 тысячи квадратныхъ миль пространства и до четырехъ милліоновъ жителей. Прежній порядокъ правленія и непремѣнный совѣтъ при королѣ былъ возстановленъ, и поло-

жено было содержать въ Польшѣ постояннаго войска 15 тысячъ человѣкъ. Для водворенія въ Польшѣ порядка была на нѣкоторое время оставлена въ ней часть русскаго войска, подъ командою генерала *Игельстрома*.

Послѣ втораго раздѣла своего, Польша находилась въ отчаянномъ положеніи и всю свою ненависть обратила на Россію, менѣе всѣхъ виновную въ ея несчастіи и искренно желавшую, съ 1775 по 1788 годъ, поддержать ея самобытность. Самая существенная причина раздѣленія Польши заключалась въ несчастномъ образѣ ея правленія, не допускавшемъ никакого благоустройства,—въ фанатизмѣ ея духовенства, желавшаго истребить съ лица земли греко-восточную христіанскую вѣру,—и въ самоуправствѣ ея магнатовъ и шляхты, не уважавшихъ короля и правъ другихъ сословій. Впрочемъ, при раздѣленіи Польши, Россія взяла отъ нея не польскія провинціи, заселенныя польскимъ народомъ, но свои древнія области, съ русскимъ народомъ, съ русскимъ языкомъ и русскою вѣрою. Русскій народъ этихъ провинцій радовался, избавившись гоненія отъ поляковъ за свою вѣру и возвратившись въ общее отечество, единовѣрную себѣ Россію. Казацкія войны прошлаго времени давно уже приготовляли отпаденіе этихъ областей отъ Польши. Не такова была судьба провинцій, отшедшихъ къ Австріи и Пруссіи.

Польша, къ сожалѣнію, не угадала, кто̀ былъ и что̀ было причиною ея раздѣленія; равно не угадала и тѣхъ спасительныхъ средствъ, какими, послѣ двухъ раздѣловъ, она могла бы еще сохранить свою самобытность: она ухватилась за совершенно противоположныя средства. О ея несчастномъ состояніи ближе всего напоминалъ ей отрядъ русскаго войска, квартировавшій въ Варшавѣ и въ окрестностяхъ ея, для водворенія спокойствія: поляки рѣшились вырѣзать этотъ отрядъ, и временемъ для этого убійства избрали страстную и свѣтлую седмицу (въ мартѣ мѣсяцѣ 1794). Напали на русскихъ солдатъ въ расплохъ на ихъ квартирахъ и вырѣзали ихъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ: отчаянная, безполезная, и варварская рѣзня! Истребивши двѣ тысячи русскихъ, поляки чрезъ это не истребили еще всю русскую армію, а только сами на себя накликали справедливое мщеніе Россіи. Это убійство было на-

чаломъ всеобщаго возстанія Польши, предводителемъ котораго, съ званіемъ диктатора, былъ объявленъ *Ѳаддей Костюшко*, храбрый литвинъ, съ рѣдкими качествами ума и сердца, и достойный лучшаго поприща, нежели то, на какое довелось ему выступить [1]).

Костюшко вооружилъ польскій народъ и выступилъ первоначально противъ прусскаго войска, которое *первое вошло въ Польшу и осадило Варшаву. Домбровскій*, возмутивши познанскую область въ тылу прусаковъ, заставилъ ихъ отступить отъ Варшавы. Возстаніе распространилось по всей Польшѣ, охватило Литву, поколебало Волынь, грозило Бѣлоруссіи и даже приближалось къ берегамъ Днѣпра. Впрочемъ *«повстанцы»* торжествовали не долго. Кровь русскихъ воиновъ, убитыхъ въ Варшавѣ, вопіяла объ отмщеніи. Екатерина II выслала въ Польшу свое войско, подъ командою непобѣдимаго *Суворова* и *Ферзена*, и приказала возстановить въ ней тишину. Суворовъ съ своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 7 тысячъ человѣкъ, быстро прошелъ всю Волынь и обезоружилъ нѣсколько десятковъ тысячъ повстанцевъ, не проливъ капли крови. Потомъ подъ Брестомъ напалъ онъ на отрядъ *Сѣраковскаго* и *Макрановскаго* и разбилъ ихъ на голову; послѣ чего онъ спѣшилъ соединить свой отрядъ съ отрядомъ Ферзена, чтобы вмѣстѣ идти на Варшаву. Но Костюшко рѣшился не допустить русскіе отряды до соединенія, и $\frac{\text{30 сент.}}{\text{10 окт.}}$ 1794 года при *Маціовичахъ* (12 миль отъ Варшавы) вступилъ съ Ферзеномъ въ отчаянный бой. Поляки показали храбрость, достойную лучшей цѣли и участи, но были на голову разбиты, при чемъ и Костюшко попалъ въ плѣнъ. Бросивши свою саблю, онъ съ отчаяніемъ и грустію сказалъ: «finis Poloniae»!

Соединившись съ Ферзеномъ, Суворовъ подступилъ къ Прагѣ; три дня только приготовлялся, и $\frac{\text{24 окт.}}{\text{3 нояб.}}$ 1794 года взялъ ее штурмомъ, послѣ кровопролитной битвы, продолжавшейся только четыре часа. Послѣ сего, главные зачинщики польскаго возстанія, клявшіеся прежде погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, *бѣжали за границу, похитивши казну, собранную съ обманутаго народа:* въ Варшавѣ оставался только песча-

---

[1]) Ближайшіе предки Костюшки были православной вѣры.

стный король, вѣрный своему долгу. Варшава сдалась на капитуляцію; за нею покорилась и остальная Польша.

$\frac{15}{25}$ ноября 1795 года Станиславъ-Августъ отказался отъ польской короны, а вслѣдъ за нимъ и бывшій вассалъ Польши—курляндскій герцогъ *Петръ Биронъ* отказался отъ своего достоинства. Польша дожила до физической невозможности продолжать свое существованіе и должна была умереть политическою смертію, подобно дряхлымъ старикамъ, умирающимъ отъ того, что не могутъ уже дышать. Австрія, Пруссія и Россія окончательно раздѣлили Польшу такимъ образомъ: области литовская, гродненская и Курляндія были присоединены къ Россіи, воеводства краковское, сендомірское и люблинское—къ Австріи, а остальная часть Польши, съ городомъ Варшавою, къ Пруссіи. Жители всѣхъ присоединенныхъ къ Россіи областей были совершенно сравнены въ правахъ съ прочими подданными россійской имперіи; полная свобода вѣроисповѣданія была предоставлена всѣмъ. Въ началѣ 1796 года австрійцы заняли Краковъ, а прусаки Варшаву.

Станиславъ-Августъ выѣхалъ сперва въ Гродно, а потомъ въ С.-Петербургъ, гдѣ получалъ содержаніе приличное его сану до смерти, постигшей его $\frac{\text{21 генв.}}{\text{2 февр.}}$ 1798 года на 66 году его жизни.

Варшавское Герцогство

(1807—1815).

Послѣ окончательнаго раздѣла Польши, имя ея, съ 1796 по 1807 годъ, было исключено изъ географіи. Вся Европа наполнена была польскими эмигрантами, которые были похожи на *овецъ, не имѣющихъ пастыря*. Наконецъ эмигранты начали строиться въ легіоны и примкнули къ французской революціи, которая на своихъ волнахъ выносила простыхъ солдатъ на степень маршаловъ и герцоговъ, а одного артиллерійскаго поручика вознесла сперва на высокое мѣсто перваго консула французской республики, потомъ и на императорскій тронъ. Это было необыкновенное время, допущенное Богомъ для на-

казанія и вразумленія людей. *Наполеонъ Бонапарте* самоправною рукою сперва обращалъ завоеванныя имъ государства въ республики, а потомъ, сдѣлавшись императоромъ, изъ республикъ дѣлалъ королевства и, подобно судьбѣ, перемѣнялъ, уничтожалъ и возставлялъ государства. Можно ли было и полякамъ не увлечься надеждою, что творецъ голландскаго, вестфальскаго, италіанскаго, баварскаго и саксонскаго королевствъ силенъ однимъ почеркомъ пера возстановить и польское королевство?

Поляки съ благоговѣніемъ и надеждою смотрѣли на Наполеона и были готовы пролить за него остатки своей крови лишь бы онъ возстановилъ ихъ отечество. Когда онъ, будучи еще консуломъ, послалъ въ Сантъ-Доминго экспедицію съ 30 тысячами войска, подъ начальствомъ зятя своего *Леклерка*, въ этотъ отрядъ поступило очень много Поляковъ, изъ которыхъ не многіе возвратились въ Европу. Позже того гибли поляки въ Испаніи, сражаясь въ рядахъ французскаго войска за честолюбивую мысль Наполеона посадить на испанскомъ престолѣ одного изъ своихъ братьевъ. Но главное поприще для воинственной дѣятельности поляковъ открылось во время войны Наполеона съ Пруссіей въ 1806 и 1807 годахъ. Послѣ *іенской побѣды* $^{2}/_{14}$ октября 1806 года, Наполеонъ, завоевавши всю почти Пруссію, взволновалъ Польшу, желая вооружить ее противъ Россіи, выступившей на защиту Пруссіи. *Янъ-Генрихъ Домбровскій* и *Іосифъ Вибицкій*, въ угодность Наполеону, сдѣлали воззваніе къ польскому народу, приглашая его къ поголовному вооруженію, чтобы, подъ командою Костюшки, возстановить свое отечество. Хотя Костюшко, по слабости здоровья, отказался принять начальство надъ польскимъ сбродомъ, не смотря на то поляки сформировали четыре полка въ Познани и примкнули къ французской арміи. Подъ *Пултускомъ* и *Голыминомъ* поляки сражались противъ русскихъ; но послѣ этихъ сраженій, неудовлетворившихъ Наполеона, онъ принужденъ былъ отвести свое войско на зимнія квартиры и самъ, съ досадой, возвратился въ Варшаву. Сраженіе при *Прейсишъ-Эйлау* $\frac{\text{27 генв.}}{\text{8 февр.}}$ 1807 года также не принесло пользы Наполеону. Хотя онъ вслѣдъ затѣмъ одержалъ надъ русскими по-

бѣду подъ *Фридландомъ;* но эта побѣда дорого ему стоила, и онъ рѣшился на нѣкоторое время примириться съ россійскимъ императоромъ Александромъ I $\frac{25 \text{ іюня}}{7 \text{ іюля}}$ 1807 года, въ *Тильзитѣ.* Александръ I, вооружившись для спасенія Пруссіи, успѣлъ отстоять самобытность этого королевства, которое Наполеонъ хотѣлъ исключить изъ числа европейскихъ державъ. Но при этомъ случаѣ императоръ французовъ отдѣлилъ отъ Пруссіи тѣ области, которыя она съ 1772 года присоединила къ себѣ отъ бывшаго польскаго королевства и составилъ изъ нихъ *Варшавское Герцогство,* въ зависимости отъ новопожалованнаго тогда изъ курфирстовъ *саксонскаго короля,* вѣрнаго своего союзника. Поляки восхищались, получивши *нѣчто* похожее на самобытное государство, подъ именемъ *герцогства,* пространствомъ въ 1800 квадратныхъ миль: надежда сулила имъ впереди гораздо болѣе, хотя Наполеонъ тогда же, въ Тильзитѣ далъ слово императору Александру не расширять Варшавскаго Герцогства и не содѣйствовать возстановленію польскаго королевства.

Въ апрѣлѣ 1809 года австрійскій императоръ, выведенный изъ терпѣнія властолюбіемъ Наполеона, въ четвертый разъ поднялъ противъ него оружіе; но, будучи побѣжденъ имъ при *Ваграмѣ* 6 іюля, принужденъ былъ заключить съ нимъ мирный трактатъ, по которому отказался отъ многихъ своихъ владѣній—въ томъ числѣ и отъ западной части Галиціи, т. е. отъ воеводствъ *подляхскаго, люблинскаго* и *сендомірскаго.* Эти воеводства Наполеонъ, вопреки своему слову, присоединилъ къ Варшавскому Герцогству, расширивши его такимъ образомъ на 2700 квадратныхъ миль. Поляки пришли въ энтузіазмъ и уже мечтали о возвращеніи къ Польшѣ всей Литвы и Волыни. Въ слѣдствіе чего, петербургскій кабинетъ требовалъ отъ Наполеона формальнаго обязательства, чтобы онъ, вопреки своему обѣщанію, не обольщалъ болѣе поляковъ не сбыточными надеждами. Наполеонъ уполномочилъ посла своего въ с.-петербургѣ *Коленкура* войдти поэтому предмету въ переговоры съ петербургскимъ кабинетомъ и объявилъ, что онъ не только не думаетъ о возстановленіи Польши, *но даже согласенъ самое имя ея истребить изъ историческихъ актовъ и географіи;* однако онъ не утвердилъ договора, заключеннаго Коленкуромъ.

Замышляя войну противъ Россiи, Наполеонъ хотѣлъ привязать къ себѣ поляковъ для того только, чтобы въ ихъ странѣ имѣть для себя постоянное депо рекрутовъ; а поляки, въ своемъ заблужденiи, думали, что онъ будетъ спасителемъ ихъ и съ неописаннымъ восторгомъ услышали наконецъ о разрывѣ Наполеона съ Александромъ.

Началась извѣстная, страшная война 1812 года. При нашествiи Наполеона на Россiю съ 600-тысячною армiей, составленною изъ двадцати побѣжденныхъ имъ народовъ, Варшавское Герцогство вооружилось поголовно и, не смотря на свои скудныя средства, доставило Наполеону около 80 тысячъ польскихъ воиновъ, подъ командою *Iосифа Понятовскаго*, племянника послѣдняго короля польскаго. Поляки дрались съ русскими подъ стѣнами *Смоленска* и на поляхъ *Бородина*, потомъ въ занятой Наполеономъ *Москвѣ* усердно помогали французамъ истреблять священные предметы народнаго русскаго благоговѣнiя. Варшава блистательно торжествовала Наполеоновы побѣды, какъ будто свои собственныя; но... это торжество продолжалось не долго.

Наполеонъ, попавши въ сѣти, разставленныя Кутузовымъ, не зналъ, что ему дѣлать въ Москвѣ и самъ предложилъ Россiи миръ. Но императоръ Александръ I объявилъ, что онъ дотолѣ не положитъ оружiя, пока хоть одинъ вооруженый непрiятель будетъ въ Россiи. Послѣ напрасныхъ переговоровъ о мирѣ, Наполеонъ вышелъ изъ Москвы и изъ Россiи обратно во Францiю, растерялъ по дорогѣ (особенно при переправѣ чрезъ Березину) всю свою армiю, которая была истреблена русскими штыками, голодомъ и холодомъ, и какъ бѣглецъ воротился во Францiю. Вслѣдъ за нимъ Александръ I повелъ свое войско за границу, чтобы подписать миръ въ столицѣ Наполеоновой—Парижѣ. Вся Германiя, вооруженная Наполеономъ противъ Россiи, отстала отъ него и вошла въ союзъ съ россiйскимъ императоромъ; но Наполеонъ успѣлъ собрать новую армiю въ 300 тысяча человѣкъ и опять выступилъ противъ Александра. Послѣ многихъ не рѣшительныхъ сраженiй на поляхъ Германiи, наконецъ вся Европа, въ лицѣ двухъ своихъ представителей—Александра и Наполеона, раздѣлившись на двѣ армiи, вступила въ отчаянную битву при *Лейпцигѣ*.

Ужасный бой продолжался три дня (4, 6 и 7 октября 1813 года); наконецъ—Наполеонъ былъ разбитъ и бѣжалъ съ поля битвы. Остатки польскаго войска пребыли вѣрны ему, а предводитель ихъ, храбрый Понятовскій запечатлѣлъ безполезную свою храбрость смертью своею при переправѣ чрезъ рѣку *Эльстеръ*.

1814 годъ, подобно двумъ предъидущимъ годамъ, былъ также исполненъ кровавыхъ битвъ и кровавой славы. Послѣ неимовѣрныхъ усилій, наконецъ союзные государи принудили Наполеона отречься отъ французскаго престола и потомъ занялись благоустройствомъ Европы, въ которой все было взволновало и все не на своемъ мѣстѣ, какъ будто послѣ ужаснаго урагана. Польское войско, сражавшееся за Наполеона, осталось безъ предводителя, безъ отечества и безъ всякой цѣли. Александръ Благословенный сжалился надъ этими рыцарями печальнаго образа, принялъ это войско подъ свое покровительство и подчинилъ начальству брата своего великаго князя Константина.

Варшавское герцогство также не знало, что съ нимъ будетъ. Судя по естественнымъ слѣдствіямъ войны и побѣды, поляки ожидали, что отъ нихъ потребуютъ величайшей контрибуціи, что нарядятъ надъ ними судъ и военную расправу, которая кончится казнью, или по крайней мѣрѣ ссылкою многихъ виновныхъ. Они ожидали еще худшаго, думая, что союзные государи раздѣлятъ Герцогство между собою на три части. Въ слѣдствіе чего депутаты отъ всѣхъ воеводствъ Герцогства явились къ Александру Благословенному съ мольбою—не отдавать ихъ нѣмцамъ *и включить Польшу въ составъ Россійской Имперіи*. Опытъ и несчастье сдѣлали поляковъ умнѣе: наконецъ они поняли, что для славянскаго отечества ихъ нѣтъ другаго спасенія и другой жизни, какъ въ тѣсномъ соединеніи съ единоплеменною имъ Россіей. Александръ I рѣшился воскресить Польшу.

Возстановленіе Царства Польскаго.

Въ концѣ 1814 года начался въ Вѣнѣ великій *конгрессъ*, на который съѣхались многіе государи европейскіе и уполномоченные министры отъ всѣхъ почти европейскихъ державъ.

Надобно было перестроить всю Европу послѣ того всеобщаго переворота и разрушенія, въ какое привелъ ее Наполеонъ. Между многими предметами конгресса не послѣднее мѣсто занималъ вопросъ о томъ: *быть ли Польшѣ, или не быть?* Австрійскій и англійскій уполномоченные предложили раздѣлить Варшавское Герцогство на три равныя части между Австріей, Пруссіей и Россіей; но депутаты отъ всѣхъ воеводствъ Герцогства, въ главѣ которыхъ былъ князь Адамъ Чарторижскій, павши на колѣна предъ россійскимъ императоромъ, слезно просили его принять Польшу въ его подданство. Въ слѣдствіе чего, Александръ Благословенный велѣлъ объявить конгрессу, что министры могутъ, какъ имъ угодно дѣлить Польшу,—только напередъ надобно выгнать оттуда русскія войска. Англія, Франція, Австрія и нѣкоторыя другія нѣмецкія державы, забывши, чѣмъ онѣ обязаны своему избавителю-Императору Александру, во время того же конгресса составили между собою отдѣльный тайный договоръ,—общими силами не допустить соединенія Польши съ Россіей. Западная Европа, начиная со временъ Карла Великаго, всегда опасалась соединенія славянъ и сколько могла препятствовала этому союзу. Были всегда и между самими славянами такіе выродки, которые, пропитавшись западнымъ духомъ, какъ будто стыдились своего славянства и не любили своихъ братьевъ-славянъ. Но не смотря на всѣ ухищренія западной политики, Александръ Благословенный настоялъ на своемъ, и—Варшавское Герцогство (за исключеніемъ познанской области, отшедшей къ Пруссіи и Кракора, объявленнаго вольнымъ городомъ) было присоединено къ Россіи подъ именемъ *королевства*, или говоря правильнѣе по славянски, подъ именемъ *Царства Польскаго* [1]). Вѣнскій конгрессъ рѣшилъ, что Царство Польское должно войдти въ нераздѣльный составъ Россійской Имперіи, съ неограниченнымъ правомъ всероссійскаго императора «дать ему такое учрежденіе, какое *самъ онъ найдетъ удобнымъ и приличнымъ* (convenable).

Александръ Благословенный даровалъ полякамъ 12 декабря 1815 года *учредительную хартію*, и единогласно, отъ искрен-

[1]) Слово король kral, król произошло отъ имени Карла Великаго (Carolus). Собственное имя сдѣлалось нарицательнымъ.

няго сердца, названъ былъ ими «*Воскресителемъ Польши*». Поляки сами не вѣрили своему счастью, получивши новое бытіе. Александръ I отказался отъ всѣхъ коронныхъ имѣній въ Польшѣ, принадлежавшихъ лично ему, какъ королю, и обратилъ ихъ въ государственныя; равно и всѣ доходы Царства предоставилъ въ его собственную пользу. Для учрежденія въ Польшѣ національнаго банка онъ ассигновалъ свои собственные капиталы и тѣмъ содѣйствовалъ быстрому развитію всѣхъ отраслей промышленности, устроилъ въ Польшѣ армію, арсеналъ, университетъ, гимназіи и обводовыя училища. Поля польскія, осушенныя каналами, покрылись богатыми жатвами; села и города обстроились и по всему пространству Царства возникли разныя фабрики; невиданное дотолѣ обиліе и довольство разлились по всему Царству Польскому. Законы, дарованные Александромъ Благословеннымъ и тщательно исполняемые поставленными отъ него властями, водворили въ Польшѣ правосудіе, тишину и всеобщую безопасность. Въ 10 лѣтъ царствованія Александра Благословеннаго народонаселеніе Царства Польскаго почти удвоилось, короче: царствованіе Александра Благословеннаго составляетъ эпоху счастія и благоденствія Польши, какимъ она не наслаждалась при лучшихъ короляхъ своихъ.

На Исторіи позднѣйшаго времени лежитъ обязанность расказать: *какъ воспользовалась Польша такимъ благосостояніемъ подъ мирною сѣнью своей еденоплеменницы Россіи.*

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

